

2022

Volume 8

No 2 (30)

SOCIAL'NYE I GUMANITARNYE ZNANIJA

SCIENTIFIC JOURNAL

Start date of publication – August 2015
Published quarterly

FOUNDER

P. G. Demidov Yaroslavl State University

EDITORIAL OFFICE

14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003, Russian Federation

Website: <http://j.uniyar.ac.ru/index.php/dnk>

E-mail: sgz-journal@ya.ru

Phone: +7 910 963 59 61 (Alexander Vladimirovich Shustov)

2022

Том 8

№ 2 (30)

СОЦИАЛЬНЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ ЗНАНИЯ

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Издается с августа 2015 года
Выходит 4 раза в год

УЧРЕДИТЕЛЬ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова»

РЕДАКЦИЯ

ул. Советская, 14, Ярославль, 150003, Российская Федерация

Веб-сайт: <http://j.uniyar.ac.ru/index.php/dnk>

E-mail: sgz-journal@ya.ru

Телефон: +7 910 963 59 61 (Шустов Александр Владимирович)

Свидетельство о регистрации СМИ – ПИ № ФС 77 - 69686 от 05.05.2017 выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Подписной индекс в каталоге «Урал-Пресс» – 31978. Формат 240×170. Объем 136 с. Тираж 50 экз. Свободная цена. Заказ № 22080. Дата выхода в свет 30.06.2022. Издатель и его адрес: Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова; 150003, Россия, г. Ярославль, ул. Советская, 14. Типография и ее адрес: ООО Филигрань; 150049, Россия, г. Ярославль, ул. Свободы, 91. Содержание предназначено для детей старше 16 лет.

16+

EDITOR-IN-CHEF

Yurii A. Golovin – Yaroslavl State University (Russia)

DEPUTIES EDITOR-IN-CHEF

Igor Yu. Kiselev – Yaroslavl State University (Russia)

THE EDITORIAL BOARD

Stefano V. Aloe – Verona University (Italy)

Lyubov G. Antonova – Yaroslavl State University (Russia)

Sergei A. Baburkin – K. D. Ushinsky Yaroslavl State Pedagogical University (Russia)

Elena G. Borisova – Moscow State Linguistic University (Russia)

Nataliya P. Vidmarovich – Zagreb University (Croatia)

Irina A. Grigoryeva – Saint Petersburg University (Russia)

Yuriy V. Domanskiy – Russian State University for the Humanities (Moscow, Russia)

Vladimir I. Karasik – Volgograd State socio-pedagogical University (Russia)

Igor I. Kyznechov – Lomonosov Moscow State University (Russia)

Tamara K. Rostovskaya – Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, RAS (Russia)

Irina L. Sizova – Saint Petersburg University (Russia)

Alexander Y. Sorochan – Tver State University (Russia)

Anna A. Talitskaya – Yaroslavl State University (Russia)

Lidiya N. Timofeeva – RANEP (Moscow, Russia)

Lyudmila G. Titova – Yaroslavl State University (Russia)

Larisa V. Ukhova – K. D. Ushinsky Yaroslavl State Pedagogical University (Russia)

Dmitriy A. Chugunov – Voronezh State University (Russia)

Marina V. Shamanova – Yaroslavl State University (Russia)

EDITORIAL BOARD SECRETARY

Alexander V. Shustov – Yaroslavl State University (Russia)

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Ю. А. Головин – д-р полит. наук, профессор, ЯрГУ (Ярославль, РФ)

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

И. Ю. Киселев – д-р социол. наук, профессор, ЯрГУ (Ярославль, РФ)

ЧЛЕНЫ РЕДКОЛЛЕГИИ

С. В. Алоэ – д-р филол. наук, профессор, Веронский университет (Италия)

Л. Г. Антонова – д-р пед. наук, профессор, ЯрГУ (Ярославль, РФ)

С. А. Бабуркин – д-р полит. наук, профессор, ЯГПУ (Ярославль, РФ)

Е. Г. Борисова – д-р филол. наук, профессор, МГЛУ (Москва, РФ)

Н. П. Видмарович – д-р филол. наук, профессор, Загребский университет (Хорватия)

И. А. Григорьева – д-р социол. наук, профессор, СПбГУ (Санкт-Петербург, РФ)

Ю. В. Доманский – д-р филол. наук, профессор, РГГУ (Москва, РФ)

В. И. Карасик – д-р филол. наук, профессор, ВГСПУ (Волгоград, РФ)

И. И. Кузнецов – д-р полит. наук, доцент, МГУ (Москва, РФ)

Т. К. Ростовская – д-р социол. наук, профессор, ФНИСЦ РАН (Москва, РФ)

И. Л. Сизова – д-р социол. наук, профессор, СПбГУ (Санкт-Петербург, РФ)

А. Ю. Сорочан – д-р филол. наук, доцент, ТвГУ (Тверь, РФ)

А. А. Талицкая – кандидат филол. наук, ЯрГУ (Ярославль, РФ)

Л. Н. Тимофеева – д-р полит. наук, профессор, РАНХиГС (Москва, РФ)

Л. Г. Титова – д-р полит. наук, профессор, ЯрГУ (Ярославль, РФ)

Л. В. Ухова – д-р филол. наук, доцент, ЯГПУ (Ярославль, РФ)

Д. А. Чугунов – д-р филол. наук, доцент, ВГУ (Воронеж, РФ)

М. В. Шаманова – д-р филол. наук, доцент, ЯрГУ (Ярославль, РФ)

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

А. В. Шустов – кандидат исторических наук, доцент, ЯрГУ (Ярославль, РФ)

POLITICAL SCIENCE**Ignatjeva O. A.**

Algocracy in the Political System: Pro & Contra..... 138

Kolba A. I., Miroshnichenko I. V.

The conflict potential of youth representations and expectations: opportunities for institutional reformatting..... 146

Saventsev G. V., Flaot N. S., Egorov D. V., Kazantsev D. A.

Factors of migration growth in modern Russia's regions..... 162

SOCIOLOGY**Zubok Yu. A., Chankova E. V.**

Youth communication: sociocultural features expectations..... 178

Karepova S. G., Kostolomova M. V., Nekrasov S. V., Pinchuk A. N.

Information security in the new social reality: key features and ways of preservation 190

Levashov V. K., Grebnyak O. V.

Current changes in social media and the digital environment during a special military operation in Ukraine 204

Rostovskaya T. K., Zolotareva O. A., Vasilieva E. N.

Methodology for monitoring the effectiveness of family and demographic policy: regional aspect..... 214

Shushpanova I. S., Novozhenina O. P.

Russian citizens about life in the country: a sociological analysis of typological groups 230

PHILOLOGY**Buyin Q., Ilyina O. A.**

Study of Russian expressions of time in the Chinese audience (based on the material of engineering texts)..... 244

Talitskaya A. A., Pozdnyakova V. A.

Psycholinguistic meaning of anthroponyms of the lexico-semantic group "TV Presenter" in the youth language consciousness..... 256

ПОЛИТОЛОГИЯ**Игнатьева О. А.**

Алгократия в политической системе: pro & contra..... 138

Кольба А. И., Мирошниченко И. В.Конфликтный потенциал представлений и ожиданий молодежи:
возможности институционального реформатирования 146**Савенцев Г. В., Флаот Н. С., Егоров Д. В., Казанцев Д. А.**

Факторы миграционного прироста в регионах России на современном этапе..... 162

СОЦИОЛОГИЯ**Зубок Ю. А., Чанкова Е. В.**

Общение в молодежной среде: социокультурные особенности ожиданий 178

Карпова С. Г., Костоломова М. В., Некрасов С. В., Пинчук А. Н.Информационная безопасность в условиях новой социальной реальности:
специфика и способы сохранения 190**Левашов В. К., Гребняк О. В.**Актуальные изменения социальных сетей и цифровой среды в период
специальной военной операции на Украине 204**Ростовская Т. К., Золотарева О. А., Васильева Е. Н.**Методология мониторинга результативности семейно-демографической
политики: региональный аспект..... 214**Шушпанова И. С., Новоженина О. П.**Российские граждане о жизни в стране: социологический анализ
типологических групп..... 230**ФИЛОЛОГИЯ****Буиць Ц., Ильина О. А.**Изучение русских конструкций времени в китайской аудитории (на
материале текстов инженерно-технического профиля) 244**Талицкая А. А., Позднякова В. А.**Психолингвистическое значение антропонимов лексико-семантической
группы «Телеведущий» в молодежном языковом сознании..... 256

Algocracy in the Political System: Pro & Contra

O. A. Ignatjeva¹

¹Saint-Petersburg State University, 7-9 Universitetskaya Embankment, Saint Petersburg, 199034, Russian Federation

DOI: 10.18255/2412-6519-2022-2-138-145

Research article
Full text in Russian

The development of information and communication technologies leads to new technological phenomena, such as artificial intelligence, which makes it possible to increase the capacity of the human brain to process information and make decisions. Over the last twenty years, the information collection system has become more complex, its volume is growing exponentially, and new ways of processing information, such as neural networks and machine learning, are appearing. Technologies are rapidly changing and developing, and of course the public administration system takes them to improve the accuracy of forecasts and the quality of decision-making in various policy sectors. Algorithmic governance is referred to by the term algocracy. However, not all of the public administration system works with the use of machine learning algorithms remain areas where traditional decision-making methods persist. Despite the progressiveness of algorithmic governance there are still a number of problematic aspects that require ethical and legislative regulation of algorithmic governance. The purpose of this article is to analyze the essence of governance based on the use of big data algorithms and to present a classification of the advantages and risks of an automated data analysis system for public administration.

Keywords: algocracy; algorithmic management; big data; machine learning; public administration; neural networks; artificial intelligence

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Ignatjeva Olga A. | E-mail: o.a.ignatyeva@spbu.ru
Cand. Sc. (Politics), Associate Professor

For citation: Ignatjeva O. A. Algocracy in the Political System: Pro & Contra // Social'nye i gumanitarnye znaniya. 2022. Vol. 8, No 2. P. 138-145. (in Russ.)

Алгократия в политической системе: pro & contra

О. А. Игнатьева¹

¹Санкт-Петербургский государственный университет, Университетская набережная, 7-9, Санкт-Петербург, 199034, Российская Федерация

DOI: 10.18255/2412-6519-2022-2-138-145
УДК 323.2

Научная статья
Полный текст на русском языке

Развитие информационно-коммуникационных технологий приводит к появлению новых технологических феноменов, таких как искусственный интеллект, делающий возможным увеличение потенциала человеческого мозга при обработке информации и принятии решений. Последние двадцать лет происходит процесс усложнения системы сбора информации, ее объем растет в геометрической прогрессии, появляются все новые и новые способы ее обработки, например на основе нейронных сетей и машинного обучения. Технологии быстро меняются и развиваются, и, естественно, система государственного управления берет их на вооружение для улучшения точности прогнозов и качества принимаемых решений в разных отраслях политики. Управление на основе алгоритмов обозначается термином алгократии. Однако не вся система государственного управления работает с использованием алгоритмов машинного обучения: остаются сферы, где сохраняются традиционные способы принятия решений. Несмотря на прогрессивность алгоритмического управления, сохраняется ряд проблемных аспектов, требующих этического и законодательного урегулирования алгоритмического управления. Целью данной статьи является анализ сущности управления, основанного на применении алгоритмов больших данных, и представление классификации преимуществ и рисков автоматизированной системы анализа данных для государственного управления.

Ключевые слова: алгократия; алгоритмическое управление; большие данные; машинное обучение; государственное управление; нейронные сети; искусственный интеллект

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Игнатьева, Ольга Анатольевна | E-mail: o.a.ignatyeva@spbu.ru
Кандидат социологических наук, доцент кафедры
политического управления

Для цитирования: Игнатьева О. А. Алгократия в политической системе: pro & contra // Социальные и гуманитарные знания. 2022. Том 8, № 2. С. 138-145.

Введение

В эпоху доминирования информационно-коммуникационных технологий в разных сферах человеческой деятельности не остается в стороне привлечение данных разработок и в систему государственного управления. В научный оборот входят такие понятия, как «алгократия», или «алгоритмическое управление». Термин «алгократия» подобен понятиям «аристократия» или «демократия» в своей этимологии, означая власть или правление соответствующего субъекта: алгоритмов, аристократов или народа. Впервые понятие «алгократия» было предложено американским социологом индийского происхождения А. Анишем в работе «Виртуальная миграция: программирование глобализации» [1]. Данное понятие является более точной вер-

© Игнатьева О. А., 2022

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

сией понятия алгоритмического управления, а иногда может служить в качестве его синонима. Разработкой данных понятий на Западе занимаются П. Домингос [2], К. Юн-Санг [3], А. Фергюсон [4], П. Кониг, Г. Венцельберг [5], В. Майер-Сохонбергер, В. Кукир [6], Дж. Данайер [7], Т. Зарски [8] и др.

Современное алгоритмическое управление стало возможным за счет использования больших данных и алгоритмов их обучения. Алгоритмы машинного обучения увеличивают способность автоматизированной системы производить сортировку и анализ данных. Однако сбор таких данных и их использование в других сферах, отличных от тех, в которых они были собраны, создают угрозу для сохранения конфиденциальности данных. Таким образом, использование машинного обучения и больших данных в государственном управлении не только имеет преимущества и новые возможности по сравнению с традиционными методами анализа данных, но и подвержено ряду угроз со стороны возможности принятия решений на основе работы обезличенных алгоритмических систем. Целью данной статьи является анализ сущности управления, основанного на применении алгоритмов больших данных, и представление классификации преимуществ и рисков автоматизированной системы анализа данных для государственного управления.

Методология

Выбор теоретико-методологической парадигмы основан на цели данной статьи, направленной на классификацию преимуществ и недостатков использования алгоритмического управления в системе государственного управления. Следовательно, для достижения данной цели будет использован системный подход, который позволит выделить и упорядочить основные возможности и угрозы аллократии. Данный подход является широко распространённым в политической науке для структуризации исследуемых феноменов и разработки теории.

Исследовательский дизайн данной работы предполагает выделение в качестве объекта аллократии, а в качестве предмета – выделение ее положительных и отрицательных сторон для современной системы государственного управления. Таким образом, целью нашего исследования является формирование целостного представления о сущности аллократии (алгоритмического управления) для управления обществом со стороны бюрократических структур с определением ее возможностей и рисков. Данное исследование проводится в рамках системного подхода с использованием общенаучных методов анализа и синтеза, а также классификации.

Управление на основе машинного обучения

Сегодня система государственного управления все больше и больше зависит от использования машинного обучения на основе больших данных для анализа и прогнозирования тенденций и группового или индивидуального поведения в соответствующих отраслях. А. Аниш в своей работе «Глобальный труд: аллократические формы организации» [9] проводит сравнительный анализ трех типов систем управления (рынок, бюрократия и аллократия). При этом рынок представляет собой систему управления, в которой цены структурируют, ограничивают, стимулируют и направляют поведение актора, тогда как бюрократия представляет собой систему, в которой правила и нормы управляют поведением человека [1]. Аллократия представляет собой систему управления, построенную на доминировании в ней алгоритмов. Аллократическая система управления состоит из схем программирования, встроенных в глобальные программные платформы, которые структурируют возможные формы выполнения работы. Эта система позволяет контролировать работу посредством про-

ектирования самого рабочего процесса. Встроенный код обеспечивает существующие каналы, которые точно направляют действия [9, р. 349].

Алгоритмы обработки больших данных, на основании которых принимают решения аналитики и чиновники, зачастую непонятны и непрозрачны для своих пользователей. Этим обеспечивается их нейтральность. В обработке данных может быть использована одна из трех моделей: пакетная, потоковая или микропотоковая. Пакетная модель обработки данных предполагает меньшую стоимость этой операции, но часто сталкивается с высокой задержкой ответа и отсутствием возможности обнаружения проблем на месте. Потоковая модель связана с меньшей задержкой системы в предоставлении ответа, но связана с высокой стоимостью в обработке данных и возможностью в потере информации при сбоях в системе. Наконец, микропотоковая модель представляет собой нечто среднее между первыми двумя моделями. Она повышает производительность системы за счет обработки информации частями (небольшими пакетами). Стоимость обработки данных в такой системе значительно ниже, чем в случае потоковой модели. Данная модель является более предпочтительной с точки зрения экономии ресурсов, но окончательное решение о выборе системы остается за разработчиками и инженерами в сфере машинного обучения, сопровождающими учреждение.

Джон Данэйер [7, р. 46] утверждает, что современные учреждения можно дифференцировать в зависимости от доминирующей системы соотношения «человек-компьютерный алгоритм» в процессе принятия решения. Основываясь на этом утверждении, он выделяет четыре типа подобных отношений. Первый тип предполагает, что люди могут выполнять свою задачу полностью самостоятельно. Второй тип означает, что пользователи могут обращаться за помощью к алгоритму. В третьем типе решение выдает алгоритм, но он все еще может контролироваться пользователем. Последний тип предполагает, что задача находится полностью под контролем алгоритма, т. е. автоматизирована, и от лица, принимающего решение на его основе, ничего не зависит.

Несколько иная система соотношения «пользователь-автоматизированная система» предложена М. Галом [10]. Он также выделяет четыре типа систем, но с несколько иным содержанием: (1) системы заявленного предпочтения; (2) меню предпочтений; (3) системы предсказанного предпочтения; (4) системы самоограничения предпочтений. В первом случае пользователи могут точно указать, что они хотят, и система помогает им в достижении данной цели. Второй тип системы позволяет индивиду выбрать из набора возможных альтернатив, предлагаемых алгоритмом. В третьем случае система на основе анализа больших данных пытается предсказать желательный вариант для пользователя и направить его в соответствующем направлении. Четвертая система отношений действует так, чтобы при взаимодействии с пользователем предсказать его интересы в долгосрочной перспективе в ущерб текущим потребностям.

Преимущества алгоритмического управления в сфере государственной политики

Основным направлением в области использования больших данных и машинного обучения служит моделирование социальных и политических процессов в соответствующей отрасли, а также принятие решения на их основе. Автоматизированное прогнозирование на основе больших данных позволяет преодолеть проблему скрытого предубеждения, существующую в бюрократической системе, когда решение принимает человек. Управленческие решения, принимаемые людьми, а не машинами, могут быть привлекательными для большинства, так как часто лицо, прини-

мающее решение, находится под их влиянием. Но решения, принимаемые на основе автоматизированного прогнозирования, могут быть менее подвластны скрытому предубеждению, а следовательно, больше соответствовать социальным целям равенства и справедливости, которые характеризуют качество государственного управления и законодательной базы. Использование алгоритмов и цифровизация ограничивают произвольность человеческих решений, заменяя их на решения компьютера и автоматизированное прогнозирование [8, р. 35]. К сожалению, автоматизированное прогнозирование тоже может выдавать предвзятые решения, так как эти решения основаны на смещении в обучающих базах данных, но все-таки таких решений, содержащих скрытое предубеждение против определенных индивидов и социальных групп, будет гораздо меньше в случае управления на основе больших данных.

Отсутствие автоматизированной системы прогнозирования на уровне государства может стать причиной для непредвиденных террористических актов. Например, в марте 2012 г. в Тулузе произошел громкий террористический инцидент, который не смогли своевременно предупредить и предотвратить, так как во Франции не было на правительственном уровне разрешено проведение автоматизированного прогнозирования [Там же. Р. 34]. Данный случай заставил Европейскую комиссию задуматься о введении соответствующего законодательного регулирования и создании соответствующих институтов с целью легализации проведения прогнозирования на основе больших данных на наднациональном и национальном уровнях.

Несомненно, что основные преимущества алгоритмического управления связаны с преимуществами больших данных. В 2001 г. сотрудник Gartner Дуг Лейни изобрел ставшую общепризнанной концепцию 3V (объем, скорость, разнообразие), характеризующую большие данные. Далее эта концепция усложнялась, приобретая форму 4 V (объем, скорость, разнообразие, точность) и 5 V (объем, скорость, разнообразие, точность, ценность). Использование технологий приводит к автоматизации управления, что является несомненным преимуществом перед более ранними формами управления. Их скорость, вездесущность сделали алгократию возможной сегодня [11, р. 2].

Использование машинного обучения в вопросах принятия решений и управлении во много раз повышает их скорость и точность, что было бы невысказимо при вычислениях и анализе данных вручную. Обладая информацией о пациентах, алгоритм Наивного Байеса способен научить ставить диагнозы за считанные доли секунд [7, р. 23]. Данный пример позволяет оценить, насколько более эффективным становится принятие решений на основе аналитики больших данных.

Хотя аналитика больших данных, безусловно, помогает создавать управленческие модели и служить источником конкурентных преимуществ, управленческие стратегии и структуры организации часто подлежат пересмотру для инкорпорирования в них аналитического мышления. До сих пор в государственном управлении ощущается нехватка специалистов, имеющих компетенции для разработки алгоритмов работы с большими данными, и опытных пользователей, способных анализировать результаты алгоритмического анализа. Необходимо изменение организационной культуры сотрудников для превращения ведомства или агентства в аналитическую организацию. Эксперты в сфере политики и государственного управления должны понять и научиться использовать большие данные в своей повседневной деятельности для повышения эффективности их работы [6, р. 35].

Растущая цифровизация в области государственного управления означает большее разнообразие данных, чем можно было себе представить при традиционных способах сбора и анализа данных, существовавших долгое время до четвертой промышленной революции [12, с. 28]. Сегодня появились новые устройства и социальные медиа,

которых не существовало раньше (такие как смартфоны, социальные сети и «интеллектуальные» устройства). Данные, получаемые оттуда, необходимо интегрировать с данными, которые существуют в основных системах бизнес-операций (EHR, ERP, регистратура и т. д.). Это создает потребность в признании и разрешении вопроса разнообразия данных как наиболее критической потребности в сфере здравоохранения [13, р. 19]. Разнообразие больших данных может оказывать гораздо большее влияние на результат алгоритмического анализа, чем их объем или скорость обработки.

Таким образом, использование больших данных и машинного обучения в государственном управлении повышает скорость, эффективность принятия решений. Разнообразие данных позволяет сделать эти решения более точными и справедливыми. Однако возрастают требования к развитию цифровых компетенций у чиновников или как минимум изменению их штата за счет привлечения специалистов в области компьютерных технологий и анализа данных (machine-learning engineer, data scientist).

Риски алгоритмии в сфере государственного управления

Машинное обучение на основе больших данных не только ускоряет и облегчает процесс принятия решений для руководящих лиц и специалистов, но и имеет ряд дискуссионных моментов, которые оспаривают возможность использования алгоритмии в государственном управлении. Например, автоматизированное прогнозирование очень часто встречает и встречало сопротивление со стороны закона и общественного мнения в разных государствах [14]. Это связано с тем, что существует ряд правовых принципов, которые заставляют настороженно относиться к технологиям больших данных в управлении. В первую очередь речь идет о требовании конфиденциальности личной информации. Оно предполагает императив, согласно которому личная информация, собранная в одном социальном контексте и для одной определенной цели, не может быть использована для другой цели без согласия индивида. Однако очень часто данные, собранные один раз и размещаемые в исследовательских и управленческих базах, начинают жить самостоятельной жизнью и затем используются в прогнозировании уже в другом социальном или политическом контексте и совершенно для других целей.

Другой правовой принцип предполагает, что автоматизированные процессы, оказывающие существенное влияние на отдельных лиц, запрещены [15]. Кроме того, процессы, связанные с алгоритмическим управлением, являются непрозрачными как для лиц, принимающих решения, так и для всего населения в целом. Непрозрачность внутренних механизмов прогнозирования для сокрытия коммерческой тайны является проблемой в алгоритмическом управлении. Эта проблема может быть решена за счет надлежащего планирования процессов раскрытия информации. [8, р. 35].

Попытка внедрения на уровне государственного управления системы автоматизированного прогнозирования на основе больших данных была сделана в США путем учреждения Инициативы тотальной информационной осведомленности через Управление информационной осведомленности США (U. S. Information Awareness Office), которое просуществовало относительно недолго. Американская общественность, несмотря на декларируемые данной организацией цели укрепления безопасности нации и своевременного предотвращения возможных террористических атак, восстала против данной инициативы, которая, по ее мнению, нарушала неприкосновенность частной жизни и личной информации [Там же. Р. 33].

Еще одним минусом в вопросах конфиденциальности является то, что большие данные могут собираться и без согласия населения посредством отслеживания электронных следов, которые каждый из нас оставляет при работе с теми или иными элек-

тронными устройствами. Наблюдение включает в себя мониторинг общества. Например, жители Канады делятся все большим объемом своей информации как с частными компаниями, так и с правительством. В то же время новые формы технологии наблюдения позволяют правительству и частным структурам собирать информацию об индивидах зачастую без их согласия [16, p. 197].

Следующим аргументом против использования алгоритмов машинного обучения в государственном управлении является их непрозрачность. Механизм их работы непонятен пользователям и лицам, принимающим решения. Ошибка при программировании или особый алгоритм, направленный на формирование нужного поведения населения, может повлиять на точность, корректность и справедливость принимаемых решений. Алгоритмы машинного обучения и нейронные сети сложны настолько, что их внутреннюю работу нелегко понять даже специалистам. Пока они остаются чисто техническими и детерминированными системами, невозможно (отчасти потому, что они являются самообучающимися системами и поэтому меняются) полностью понять их внутреннюю работу [17, p. 10]. Непрозрачность данных алгоритмов обусловлена не только техническими, но и отчасти юридическими причинами.

Для машинного обучения важным моментом является качество данных, то, как они были собраны и что послужило базовой выборкой. Если при сборе данных было определенное смещение (например, сделан акцент на том, что большинство правонарушений в России совершают мигранты из Центральной Азии), то последующие прогнозы на основе таких данных будут также давать неверные решения. В этом случае нарушится основное преимущество непредвзятости при моделировании трендов, о котором шла речь в четвертом разделе данной статьи. Предвзятость алгоритмов имеет разные виды. В 2016 году ProPublica опубликовала отчет об исследовании, показывающий, что алгоритм COMPAS, используемый властями США для оценки вероятности повторного совершения преступления преступником, обладает расовой предвзятостью [18, p. 6].

Кроме того, алгоритмы машинного обучения по запросу заказчиков, которыми являются представители системы государственного управления, могут влиять на свободу управляемого большинства, подталкивая их к определенным действиям или формам поведения. В то время как либеральная и нелиберальная управленческая ментальность предполагали рационального субъекта, цифровое правительство фокусируется на управлении импульсами и желаниями, создавая, таким образом, цифрового субъекта в противовес либеральному и нелиберальному человеку экономическому [19, p. 12].

Таким образом, использование алгоритмов машинного обучения на основе больших данных имеет ряд недостатков, которые могут сказываться на качестве и справедливости решений, принимаемых чиновниками в тех или иных отраслях государственного управления.

Заключение

Очевидно, что в эпоху цифровизации достижения в сфере компьютерных технологий не могут быть проигнорированы органами государственной власти, так как они позволяют увеличить эффективность и качество принимаемых решений и создать прогнозную аналитику. При условии корректного сбора данных для обучающей выборки можно получить адекватный прогноз развития событий, а следовательно, можно утверждать, что такие решения будут беспристрастными и справедливыми с процедурной точки зрения [20, p. 75].

В то же время непрозрачность алгоритмов и возможные нарушения при сборе данных для машинного обучения могут стать причиной нарушения беспристрастной характеристики прогнозов, основанных на больших данных. Сбор данных может осуществляться без ведома пользователей на основе электронных следов, или данные, собранные с разрешения в одной сфере, могут использоваться в другой сфере и для других целей уже без ведома респондентов. Эти моменты затрагивают этические и юридические стороны управления обществом на основе алгоритмов.

На основании проведенного анализа можно сделать вывод, что использование алгоритмов в системе государственного управления является несомненным прогрессом, однако существует ряд вопросов, требующих организационного, юридического и этического согласования и урегулирования.

Ссылки

1. Aneesh A. *Virtual migration: the programming of globalization*. Durham, NC: Duke university press books, 2006. 208 p.
2. Domingos P. *The master algorithm: how the quest for ultimate machine learning will remake our world*. New York, NY: Basic books, 2015. 354 p.
3. Eun-Sung K. Deep learning and principal-agent problems of algorithmic governance: the new materialism perspective // *Technology in Society*. 2020. Vol. 63. P. 1–23. <https://doi.org/10.1016/j.techsoc.2020.101378>
4. Ferguson A. *The rise of big data policing: surveillance, race and future law*. New York, NY: NYU Press, 2017. 272 p.
5. Konig P., Wenzelberg G. The legitimacy gap of algorithmic decision-making in the public sector: why it arises and how to address it // *Technology in Society*. 2021. Vol. 67. P. 1–17. <https://doi.org/10.1016/j.techsoc.2021.101688>
6. Mayer-Sohonberger V., Cukier K. *Big data: a revolution that will transform how we live, work and think*. London: John Murray, 2013. 256 p.
7. Danaher J. *Freedom in an Age of Algocracy* // *Oxford Handbook on the Philosophy of Technology* / Ed. by Sh. Vallor. Oxford: Oxford University Press, 2020. P. 1–32. URL: <https://philarchive.org/archive/DANFIA> (дата обращения: 23.12.2021).
8. Zarsky Tal. Automated predictions: perception, law and policy // *Communications of the ACM*. 2012. Vol. 15. № 9. P. 33–35.
9. Aneesh A. *Global Labor: Algocratic Modes of Organization* // *Sociological Theory*. 2009. Vol. 27. № 4. P. 347–370. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9558.2009.01352.x>
10. Gal M. Algorithmic Challenges to Autonomous Choice // *Michigan Journal of Law and Technology*. 2018. Vol. 25. № 1. P. 59–104.
11. Algorithmic governance: Developing a research agenda through the power of collective intelligence / J. Danaher [и др.] // *Big Data & Society*. 2017. Vol. 4. № 2. P. 1–21. <https://doi.org/10.1177/2053951717726554>.
12. Шваб К. Четвертая промышленная революция. М.: Эксмо, 2017. 288 с.
13. Natarajan P., Frenzel J. and Smaltz D. *Demystifying Big Data and Machine Learning for Healthcare*. London: Taylor&Frances, 2017. 210 p.
14. Панищев А. Л. Будущее государства как формы и способа бытия человека: перспективы и противоречия // *Государство и право*. 2021. № 12. С. 61–66.
15. Directive 95/46/EC 'ICT and communication'. URL: https://ec.europa.eu/eip/ageing/standards/ict-and-communication/data/directive-9546ec_en.html
16. Lyon D. and Wood D. M. *Big Data Surveillance and Security Intelligence: Canadian Case*. Vancouver: UBC Press, 2020. 289 p.
17. Stahl B. C. *Artificial Intelligence for a Better Future: an Ecosystem Perspective on the Ethics of AI and Emerging Digital Technologies*. New York: Springer International Publishing, 2021. 136 p.
18. Baer T. *Understand, Manage and Prevent Algorithmic Bias: a Guide for Business Users and Data Scientists*. New York: Apress, 2019. 258 p.
19. Barry L. The rationality of the digital governmentality // *Journal for Cultural Research*. 2020. № 4. P. 11–16. <https://doi.org/10.1080/14797585.2020.1714878>.
20. Rawls J. *A Theory of Justice*. Cambridge: Harvard University Press, 1999. 538 p.

The conflict potential of youth representations and expectations: opportunities for institutional reformatting

A. I. Kolba¹, I. V. Miroshnichenko¹

¹Kuban State University, 149 Stavropol str., Krasnodar, Russian Federation

DOI: 10.18255/2412-6519-2022-2-146-161

Research article
Full text in Russian

The article deals with the problems of managing the conflict potential of the ideas and expectations of young people using the institutional practices of youth policy at the regional level. As a theoretical framework for the study, the concept of conflict regulation with the participation of young people proposed by Yu. A. Zubok based on integrative and differentiating approaches is used. The empirical base of the study was the data obtained from the analysis of materials from fourteen focus group interviews and twelve expert sessions held on the territory of the Krasnodar Territory in June-July 2021. The study made it possible to identify four groups of young people with different behavior patterns in conflicts (differential-negative, differential-positive, integrative-conformal, intergative-innovative). A significant size of the group with an integrative-conformal model of behavior was revealed, which is not typical for the youth environment, as well as the threat of a group with a differential-positive model of behavior moving to practices characteristic of a differential-negative model. The presence of a number of factors, both situational (restrictions associated with the COVID-19 pandemic) and long-term ones (the presence of significant differences in the ideas and expectations of young people with common practices in the implementation of youth policy, a high level of expectations of assistance from the state), has been determined. Based on the conclusions made, recommendations are formulated for the institutional design of youth policy, which would allow reformatting the conflict potential of the ideas and expectations of young people on a constructive basis.

Keywords: conflict; youth; region; conflict management models; youth policy; institutional practices

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Kolba, Alexey I. | E-mail: alivka2000@mail.ru
(correspondence author) | Doc. Sc. (Politics), Associate Professor

Miroshnichenko, Inna V. | E-mail: mirinna78@mail.ru
| Doc. Sc. (Politics), Associate Professor

Funding: RFBR and ANO EISI, project No. 21-011-31480.

For citation: Kolba A. I., Miroshnichenko I. V. The conflict potential of youth representations and expectations: opportunities for institutional reformatting // *Social'nye i gumanitarnye znaniya*. 2022. Vol. 8, No 2. P. 146-161. (in Russ.)

Конфликтный потенциал представлений и ожиданий молодежи: возможности институционального переформатирования

А. И. Кольба¹, И. В. Мирошниченко¹

¹Кубанский государственный университет, Ставропольская ул., 149, Краснодар, Российская федерация

DOI: 10.18255/2412-6519-2022-2-146-161
УДК 323

Научная статья
Полный текст на русском языке

В статье рассматриваются проблемы управления конфликтным потенциалом представлений и ожиданий молодежи с использованием институциональных практик молодежной политики на уровне региона. Как теоретическая рамка исследования используется предложенная Ю. А. Зубок концепция регулирования конфликтов с участием молодежи на основе интегративного и дифференцирующего подходов. Эмпирическую базу исследования составили данные, полученные при анализе материалов четырнадцати фокус-групповых интервью и двенадцати экспертных сессий, проведенных на территории Краснодарского края в июне-июле 2021 г. Исследование позволило выделить четыре группы молодежи с различными моделями поведения в конфликтах (дифференционно-негативная, дифференционно-позитивная, интегративно-конформная, интегративно-инновационная). Выявлен значительный размер группы с интегративно-конформной моделью поведения, что нехарактерно для молодежной среды, а также угроза перехода группы с дифференционно-позитивной моделью поведения к практикам, свойственным дифференционно-негативной модели. Определено наличие ряда факторов, как ситуативных (ограничения, связанные с пандемией COVID-19), так и долговременного характера (наличие существенных расхождений представлений и ожиданий молодежи с распространенными практиками реализации молодежной политики, высокий уровень ожиданий помощи от государства). На основе сделанных выводов сформулированы рекомендации по институциональному проектированию молодежной политики, что позволило бы переформатировать конфликтный потенциал представлений и ожиданий молодежи на конструктивной основе.

Ключевые слова: конфликт; молодежь; регион; модели управления конфликтом; молодежная политика; институциональные практики

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Кольба, Алексей Иванович | E-mail: alivka2000@mail.ru
(автор для корреспонденции) | Доктор политических наук, доцент, профессор кафедры государственной политики и государственного управления

Мирошниченко, Инна Валерьевна | E-mail: mirinna78@mail.ru
| Доктор политических наук, доцент, профессор кафедры государственной политики и государственного управления

Финансирование: РФФИ и АНО ЭИСИ, проект № 21-011-31480 «Молодежная политика в российском регионе: представления и ожидания молодежи VS практики и технологии».

Для цитирования: Кольба А. И., Мирошниченко И. В. Конфликтный потенциал представлений и ожиданий молодежи: возможности институционального переформатирования // Социальные и гуманитарные знания. 2022. Том 8, № 2. С. 146-161.

© Кольба А. И., Мирошниченко И. В., 2022

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

Введение

Тематика конфликтов в молодёжной среде, наряду с исследованием других социально-политических процессов, происходящих в ней, в настоящее время привлекает внимание значительного числа исследователей. Связано это как с повышенным вниманием к различным аспектам участия молодых людей в политической жизни, так и с некоторой «загадочностью» молодёжи как субъекта и объекта политико-управленческих отношений. Прилагая значительные усилия для того, чтобы обеспечить раскрытие её конструктивного потенциала и включение в пространство публичной политики, современные государства часто сталкиваются с различными формами молодёжных протестов, связанных с отрицанием и содержательной составляющей политической жизни, и её форматов. Для объяснения подобного положения дел недостаточно распространённых отсылок к бунтарскому духу молодёжи. Значимой проблемой становится выявление параметров представлений молодёжи о собственном положении, активности и возможностях в общественной жизни и соотнесение полученных данных с институциональными практиками и смысловыми составляющими молодёжной политики.

Указанная проблема актуальна и для современной России, как на федеральном, так и на региональном уровне. В рамках представленного в данной статье исследования нами ставилась цель определить наличие конфликтного потенциала в представлениях и ожиданиях молодых людей на уровне региона и возможности снижения уровня рисков развития деструктивной конфликтности с помощью институциональных практик молодёжной политики. Социальным объектом исследования в данном случае выступила молодёжь Краснодарского края, предметом исследования – конструктивные и деструктивные практики, существующие в молодёжной среде, а также факторы, способствующие сохранению и развитию последних.

Проблемы молодёжной конфликтности в фокусе научных исследований

Одной из базовых идей, заложивших основы исследования конфликтов с участием молодёжи, является представление о конфликтных отношениях как форме социализации, обоснованное Г. Зиммелем [1]. На его основе развиваются концептуальные основы анализа конструктивных и деструктивных процессов молодёжной конфликтности как борьбы молодёжи за свое положение обществе, выражающейся в некоторых случаях в противостоянии не только отдельным индивидам или социальным группам, но и самим институтам социализации [2]. В рамках данного подхода находят объяснение специфические характеристики конфликтов в молодёжной среде [3].

В отечественной науке также сложилась социологическая традиция исследований конфликтов в молодёжной среде в русле «теории «общества риска» У. Бека. В её русле исследуются формы проявления молодёжной конфликтности и возможности управления ею [4; 5]. Многочисленные политологические исследования ориентированы на изучение протестных и радикальных форм молодёжной конфликтности: теоретических компонентов её исследования [6; 7; 8; 9; 10; 11; 12]. По данной тематике защищено несколько диссертационных исследований [13; 14; 15].

Отдельные публикации посвящены различным аспектам молодёжной политической конфликтности на региональном уровне [16; 17]. Таким образом, существует достаточно большой интерес к данной проблематике, отраженный в публикациях

социологической и политологической направленности. Однако при этом недостаточно исследованы такие составляющие молодёжной конфликтности, как противоречия между субъективными представлениями и ожиданиями молодых людей относительно своих потребностей и роли в обществе и распространёнными практиками реализации молодёжной политики государственными, муниципальными и общественными институтами.

Концептуальные основы исследования

Методологическим основанием для исследования проблем молодёжной конфликтности являются принципы и положения функциональной теории конфликта Л. Козера [18] и динамической теории конфликта Р. Дарендорфа [19], в частности, возможность трансформации конфликтов путём минимизации их негативно-функциональных проявлений и максимизации позитивно-функциональных, а также необходимость политического управления конфликтами для сохранения их роли механизма общественного развития. Также востребованы положения теории «общества риска» У. Бека [20], согласно которой один из основных конфликтов современного общества основывается на противоречии традиций и инноваций, активным участником которого выступает молодёжь.

В основе исследования лежит предложенная Ю. А. Зубок концепция анализа проявлений молодёжной конфликтности. Согласно ей, поиск путей выхода из конфликтного состояния возможен в рамках двух базовых моделей управления конфликтами в молодёжной среде. В результате первой происходит интеграция, достигается консенсус. Интеграция в такой модели реализуется в двух формах:

- посредством конформизма молодежи, нахождения общих оснований консолидации, что представляет собой позитивный способ разрешения конфликта, не оставляющий, однако, возможностей социального новаторства;

- через инновационную деятельность молодежи, предполагающую согласие с одобряемыми данной культурой целями, но отрицание социально одобряемых способов их достижения и активизацию интеграционных процессов.

Вторая модель – преодоление конфликта в форме дифференциации, при которой также возможна социальная инновация молодежи, ведущая к стабилизации общества. В противном случае, когда превалируют разрушительные тенденции, дифференциация сопровождается процессом исключения молодежи и дезинтеграцией социума. По форме эта модель также вариативна и проявляется:

- в форме эскапизма, ухода от действительности, осуществляемого, в частности, как добровольная маргинализация, индивидуальный или групповой разрыв с обществом. Зачастую такое добровольное исключение проявляется во всевозможных контркультурных явлениях, как вызов конформизму;

- в форме делинквентной или криминальной девиации, проявляющейся как открытый протест.

Во второй модели объединяются процессы, противоположные интеграционным, сопровождающиеся отторжением части молодежи, ее исключением из так называемого официального общества. В зависимости от направленности этого процесса молодёжь либо интегрируется в общество, т. е. распределяется в системе социальных связей, утверждается в структурах и самоидентифицируется с ними, либо оказывается отторгнутой, исключённой социальной группой. Ответственность за успех интеграционных процессов возлагается на общество, которое в лице неа-

декватно действующих социальных институтов, конфликтующих с интересами молодежи, препятствуют ее самореализации, способствуя тем самым ее социальному исключению [21].

Таким образом, существует четыре возможных направления реализации конфликтных взаимодействий в молодежной среде. Данная концепция используется нами для анализа соотношения деструктивных и конструктивных практик конфликтности молодежи Краснодарского края, а также выявления факторов, способствующих сохранению и наращиванию её потенциала.

Методика исследования

Методика эмпирического исследования опиралась на политико-психологические и социологические основания и включала в себя комплекс качественных и количественных методов, проективных методик, приемов сбора, обработки, анализа и интерпретации данных. На первом этапе (июнь-июль 2021 г.) было проведено 14 фокус-групповых интервью с представителями молодежи по системе бинарных сравнений: «включенные» (субъекты, акторы) и «невключенные» (объекты) в систему молодежной политики Краснодарского края в типичных для региона муниципальных образованиях. Фокус-групповые интервью проводились в типичных (с точки зрения их социально-экономических и социокультурных характеристик) муниципальных образованиях края, представляющих (согласно «Стратегии социально-экономического развития Краснодарского края») семь экономических зон: северную экономическую зону (Каневской район), центральную экономическую зону (Тимашевский район), восточную экономическую зону (Тихорецкий район), черноморскую экономическую зону (Туапсинский район), краснодарскую агломерацию (г. Краснодар), предгорную экономическую зону (Белореченский район), сочинскую агломерацию (г. Сочи). Также было организовано 12 экспертных сессий с представителями институциональных структур, участвующих в выработке и реализации молодежной политики Краснодарского края. В состав экспертов вошли представители региональных структур и муниципальных органов по делам молодежи, а также руководители подведомственных региональных и муниципальных учреждений, руководители, курирующие воспитательную работу и молодежную политику в образовательных организациях края.

Деструктивные и конструктивные практики конфликтности в молодежной среде региона

Результаты эмпирического исследования позволили выявить деструктивные практики в молодежной среде, которые можно разделить на две группы: собственно деструктивные (оказывающие прямое влияние на поведение молодежи в потенциально конфликтных ситуациях) и косвенно деструктивные (ограничивающие развитие конструктивного потенциала молодежи и молодежной политики).

К первой группе относятся буллинг в учебных заведениях (наиболее часто упоминаемая респондентами проблема), активная агрессия (участие в радикальных молодежных группировках, борьба с мигрантами и т. д.), практики в конфликтах поколений (уклонение от активного общения, занятость молодежи в социальных сетях и т. д.), маргинализация молодежи (отсутствие определенных жизненных целей и социально одобряемых стратегий их достижения), различные формы девиантного поведения. Практики такого типа формируют дифференционно-негативную модель

поведения в конфликтах. Их распространенность ограничена, но они устойчиво проявляются у части молодежи.

Наиболее характерные высказывания в фокус-группах и экспертных сессиях, отражающие наличие подобных практик:

– *Иногда вместо группы своих интересов он [молодой человек] вклинивается в легкодоступную группу маргиналов, например, и так далее.*

– *Молодежь вообще особо энергичная, но не всегда она знает, как решить какие-то настоящие проблемы <...> Поэтому молодежь вступает в какие-то радикальные политические движения, маргинальные группировки.*

– *Буллинг – серьезная проблема. Проявляется в обзывательствах, ругательствах.*

– *Некоторые, кто не участвует, – это люди, закрытые в себе, они стесняются проявить себя. Тут присутствует проблема буллинга.*

– *... Нет рычагов или каких-то центров для обсуждения экономики, политики и текущих дел в стране. Когда молодежь не видит таких центров, молодежь идет к крайне маргинальным группам.*

– *Большинство молодежи делает негативные вещи.*

– *К сожалению, наш город догоняет знаменитый Санкт-Петербург по поставкам и объемам наркотиков.*

Ко второй группе относится значительное количество упомянутых респондентами практик: пассивная агрессия (отказ от участия в каких-либо действиях), эскапизм (отгораживание себя от социальных проблем общества), неучастие в предлагаемых проектах и мероприятиях (низкий уровень мотивации, наличие материальных проблем), отказы при попытках трудоустройства или нежелание делать низкооплачиваемую работу, самоцензура в социальных сетях (боязнь нарушить законодательство), низкая активность в сфере образования и самообразования. Практики такого типа формируют интегративно-конформную модель поведения в конфликте, которая в принципе не совсем обычна для молодежной среды. На её развитие указывает наличие проблем социальной активности значительной части молодежи, ориентация на собственные интересы, прежде всего экономического характера.

Наиболее характерные высказывания в фокус-группах и экспертных сессиях, отражающие наличие подобных практик:

– *Большая часть молодежи не активна. Наверно, из-за того, что всё заполнили эти телефоны.*

– *Вот по поводу волонтеров, многие дети не хотят. «А что нам за это будет?». Типа такого.*

– *Молодежь не умеет заниматься самообразованием.*

– *Ребята стали бояться, что вдруг они сейчас зарепостят что-то, а их посадят.*

– *Еще есть интерес такой у молодежи – это разъехаться. Куда-нибудь за границу. Редко я встречаю людей, который говорят, что они повидают мир и вернутся обратно.*

– *В основном потребности молодежи связаны с отдыхом, спортом, путешествиям и немножко поработать.*

– *50 % – часть молодежи, которой неинтересно.*

Преобладание конструктивных практик характерно для интегративно-инновационной модели, которую отличает согласие с базовыми ценностями и целями при поиске новых средств их достижения. К числу конструктивных можно отнести такие практики, как активное освоение новых возможностей, вхождение в существующие

социальные структуры, участие в общественно значимых проектах и программах, практики творчества и саморазвития. В исследовании такая модель фиксируется у большей части активной молодёжи с высоким уровнем вовлечения в мероприятия молодёжной политики. Она предполагает развитие молодёжной субъектности и её проявления в сфере гражданской, социальной, отчасти политической активности. Формы проявления активности, как правило, конвенциональные.

Наиболее характерные высказывания в фокус-группах и экспертных сессиях, отражающие наличие подобных практик:

– Потребность в самореализации и потребность в самоактуализации как признание собственных достижений другими.

– Молодёжь ищет решение проблем... Молодёжь сама не начнёт решать, ничего не будет делаться.

– Например, недавно я начала изучать другой язык, итальянский.

– Отношение к волонтерству? Добро людям делаешь. Приятно тебе.

– Достаточно просто предоставить им [молодёжи] инструмент, что можно делать это сообща, они тут же объединяются в коалиции и так далее.

– Я вот люблю очень заниматься рисованием, но в нашем микрорайоне нет ни одного кружка.

– Например, я живу возле леса, и сам для себя выходил в лес устраивал такие походы [в период пандемийных ограничений]. Также одиночные субботники проводил.

Полученные данные указывают на наличие у части молодёжи четвёртой модели поведения в конфликте – дифференционно-позитивной. Её характеризует инновация как борьба за изменение общественных структур. При этом может усиливаться социальное расслоение, расширяющее зону риска. Доля молодежи, ориентированной на такой тип поведения, в Краснодарском крае невелика (возможно, часть этой группы осталась на периферии исследования), но к ней относятся молодые люди с активной жизненной позицией, по той или иной причине (членство в оппозиционных политических партиях, несовпадение идеологических ориентаций, отсутствие подходящего формата) не востребованные существующими структурами по работе с молодёжью. Подобные практики имеют как негативный, так и позитивный потенциал, однако вследствие наличия ограничений для конвенционального участия в решении общественных проблем существует риск смещения этой части молодёжи к дифференционно-негативной модели.

Наиболее характерные высказывания в фокус-группах и экспертных сессиях, отражающие наличие подобных практик:

– Негативное отношение (к органам молодёжной политики). Эти органы не понимают, что нужно молодёжи и ведут её не в том направлении.

– Хочу быть наблюдателем, участвовать в работе избирательной комиссии. Ради честного голосования.

– Мы проводим субботники, творческие кружки, привлекаем участие в выборах. Но это также и ангажированные мероприятия, по теме идеологии партии.

– Не так давно граффитисты собирались, портили памятники и здания, а потом мэрия им разрешила и просила раскрасить какие-нибудь большие здания. Это классно.

– К сожалению, нам было отказано (в участии в молодёжных мероприятиях), потому что мы являемся частью, хоть и неофициально, политической партии, которая является оппозицией.

- И ещё ребятам нравится очень вкидывать новые идеи, но никто не знает, как это делать, к кому обращаться.

Данные о практиках и моделях поведения молодёжи Краснодарского края в ситуациях конфликтов обобщены в табл. 1.

Таблица 1

Практики и модели поведения молодёжи Краснодарского края

Практики	Модели поведения	Возможные результаты
<p>Собственно деструктивные</p> <ul style="list-style-type: none"> - буллинг в учебных заведениях - активная агрессия - ограничение межпоколенческих взаимодействий - девиантное поведение 	<p>Дифференционно-негативная</p> <ul style="list-style-type: none"> - отказ от интеграции в социальную структуру, исключение из социально одобряемых практик 	<ul style="list-style-type: none"> - маргинализация молодёжи - усиление дезинтеграционных процессов
<p>Косвенно деструктивные</p> <ul style="list-style-type: none"> - пассивная агрессия - эскапизм - неучастие в предлагаемых проектах и мероприятиях - нежелание работать без значительного материального стимула - самоцензура в социальных сетях - низкая активность в сфере образования и самообразования 	<p>Интегративно-конформная</p> <ul style="list-style-type: none"> - минимизация рисков, отказ от социальных инноваций 	<ul style="list-style-type: none"> - ограничение субъектности молодёжи - снижение социальной активности
<p>Конструктивные</p> <ul style="list-style-type: none"> - активное освоение новых возможностей - вхождение в существующие социальные структуры - участие в общественно или лично значимых проектах и программах - создание коллабораций - практики творчества и саморазвития 	<p>Интегративно-инновационная модель</p> <ul style="list-style-type: none"> - согласие с базовыми ценностями и целями при поиске новых средств их достижения 	<ul style="list-style-type: none"> - рост вероятности локальных рисков - практически исключается эскалация конфликтов - преобладает ориентация на их конструктивное урегулирование
<p>Потенциально конструктивные/деструктивные</p> <ul style="list-style-type: none"> - участие в деятельности оппозиционных партий, движений - проявления гражданской активности, не контролируемой органами власти - проявления не одобряемой обществом творческой активности 	<p>Дифференционно-позитивная</p> <ul style="list-style-type: none"> - инновация как борьба за изменение общественных структур 	<ul style="list-style-type: none"> - усиливается социальная и политическая дифференциация в молодёжной среде - возможно обновление социальных отношений и структур

Факторы развития деструктивного потенциала конфликтности в молодёжной среде

Эмпирические данные исследования также позволяют выделить факторы, препятствующие расширению использования конструктивных практик и минимизации деструктивных.

Значимым фактором повышения социальной напряжённости стали пандемийные ограничения и «ограничения вообще». Они приводят к сокращению количества мероприятий, проводимых в сфере молодёжной политики, переносу части форматов в онлайн, снижению собственной активности молодёжи. Для участников фокус-групп эта тема была одной из центральных.

Наиболее характерные высказывания в фокус-группах и экспертных сессиях, отражающие влияние данного фактора:

– Из-за пандемии сейчас много чего запрещено, поэтому массовые мероприятия не проводятся.

– Если говорить о негативном влиянии, мероприятий не было совсем из-за пандемии.

– Хочется провести какое-то интересное мероприятие. Но опять же эти запреты, ничего нельзя, массово что-то нельзя, это нельзя, то нельзя.

– Вот мы пытаемся вытащить их из телефонов, а нас загоняют обратно. Вот онлайн проводите, опять в телефоны.

– [Мы хотели] провести на свежем на воздухе показа какого-то фильма, который сейчас в кинотеатрах идет. Нам сказали, что опять же нельзя. Нам сказали, что это ковид, на свежем воздухе нельзя.

– Ковид – нельзя. Но вы там давайте держитесь, придумывайте мероприятия. Делайте, что хотите.

– [Проблема с пандемией] просто огромная.

– Вообще все проблемы в ограничениях. И не только из-за пандемии, а вообще в ограничениях.

– Моим друзьям, знакомым не хватает какого-то именно движа, актива, по сравнению с прошлым годом. ... То, что мы хотим возобновить обратно, но карантин не позволяет.

Конструктивный потенциал молодёжной политики ограничивается высоким уровнем ожиданий относительно помощи со стороны государства, органов власти. Значительная часть молодёжи находится в позиции объекта, а не субъекта молодёжной политики. В то же время по ряду проблем (трудоустройство, профессиональное самоопределение, приобретение жилья) помощь государства ощущается в меньшей степени, чем это необходимо. Для слоя молодых людей старше 25 лет молодёжная политика мало что предлагает.

Наиболее характерные высказывания в фокус-группах и экспертных сессиях, отражающие влияние данного фактора:

– Нет государственных программ по молодёжной политике, какие есть для школ, образования и так далее. Отсутствует выстроенная система поддержки органов молодёжной политики.

– Люди привыкли быть в своей комфортной зоне и не хотят из неё выходить. Есть те, кто мечтает и действует, есть те, кто просто фантазёры.

– В Краснодарском крае мало программ поддержки молодых предпринимателей.

– Проблема трудоустройства и профориентации.

- *Работающая молодёжь вообще не затронута никак.*
- *А как идти работать, если просят опыт работы?*
- *Вот какую-нибудь бы музыкальную студию на базе чего-нибудь.*
- *Малое количество различных точек доступа, куда молодёжь может обратиться для удовлетворения своих потребностей.*
- *Количество финансовых вливаний в маленькие города значительно меньше, чем в крупные.*

Важным фактором является ориентация молодёжи в первую очередь на материальные составляющие жизненного успеха, гражданская пассивность. Анкетный опрос показал, что среди молодёжи велика доля ориентированных на решение собственных проблем, а не проблем окружающих, что указывает на низкий уровень гражданской активности. Данные фокус-групп показывают, что среди приоритетов молодёжи выделяются прежде всего экономические (желание хорошо зарабатывать, приобретать модные вещи, гаджеты). Около половины опрошенных видят свою самореализацию в экономической сфере. Даже волонтерство, которое является наиболее успешной конструктивной практикой гражданского и социального участия, ориентировано в большей степени на событийную, а не на социальную составляющую и иногда рассматривается как форма принуждения.

Наиболее характерные высказывания в фокус-группах и экспертных сессиях, отражающие влияние данного фактора:

- *Я не могу сказать, что это совсем добровольно, как это должно быть [участие в волонтерских акциях]. Добровольно принудительно.*
- *Большинство людей не хотят в этом [в различных акциях] участвовать. Не оплачиваемая работа.*
- *Желание работать... Зарабатывать деньги для себя. На материальные потребности.*
- *Просто не интересно им [волонтерская деятельность]. Нет награды за работу.*
- *Даже вот говоришь им: на соревнования поедешь? Нет, я завтра на поля поеду, там деньги платят, а у вас бесплатно.*
- *Вот по поводу волонтеров, многие дети не хотят. «А что нам за это будет?».* Типа такого.

- Не все лидеры хотят вступать в молодёжную политику, как минимум из-за денег, никто практически не хочет работать за бесплатно.

- Если взять то добровольчество, которое у нас есть в крае, - это просто-напросто административно используемые ресурсы людей. ... Настоящих волонтеров не хватает.

- Школьники почему участвуют? Потому что волонтерская книжка дает баллы при поступлении в университет, потом, когда им старше 18, у них падает мотивация.

- В этом проблема, когда человеку 20, у него уже другие ценности, он уже не захочет ехать никуда, а пойдёт работать. Мотивация конкретно зависит от человека.

- Событийное волонтерство их больше привлекает - мероприятия, звезды, новые знакомства, а социальное волонтерство - это им не нравится.

Фактор цифровизации имеет как конструктивные, так и деструктивные составляющие. Первые связаны с возможностью быстрого обмена информацией, прямого контакта со структурами молодёжной политики. Вторые - с формированием пассивности, уходом в виртуальную среду, где действие приобретает скорее символический характер.

ческий характер (данный эффект скорее можно отнести к тенденции сетевизации отношений в молодёжной среде).

Наиболее характерные высказывания в фокус-группах и экспертных сессиях, отражающие влияние данного фактора:

- *Есть положительные и отрицательные стороны [цифровизации].*
- *Молодежь, грубо говоря, тупее от них [от гаджетов].*
- *Современные лидеры мнений скорее просто развлекают молодёжь. Они не несут что-то новое.*
- *У нас нет тренера по этому виду спорта [турники]. Приходится смотреть в интернете. Информация о выполнении какого-то элемента.*
- *Детей уже даже тяжело пригласить куда-то выйти, потому что они привыкли [сидеть дома, быть в телефонах].*
- *Кстати, с памятью у них вообще беда. А потому что у них все в телефоне. Они же не запоминают вообще ничего.*
- *Самообразование – это скачивать определённые видеоуроки. То есть человек пытается обучаться без тренера, консультанта и так далее.*
- *[О цифровизации]. Та же самая Росмолодёжь и президентские гранты дают возможность молодёжи получить финансовую поддержку на реализацию проекта. Более оперативно доносится информация до госучреждений о проблемах, которые существуют. И реально можно получить ответ более-менее оперативно.*
- *Это классно, когда у мэра или губернатора есть свой телеграмм или Instagram-аккаунт. Можно следить за их деятельностью. В этом плане цифровизация – это классно.*
- *Цифровизация – это хорошо. Создаются электронные контакты между государством и людьми.*
- *Если часть конкурсов и мероприятий проводить через социальные сети, то это очень эффективно.*
- *Нужно оторвать от гаджетов, потому что это один информационный поток, и он достаточно халявный.*
- *Молодежь все больше уходит в интернет, что осложняет деятельность молодёжной политики.*

Существует определённое расхождение между распространёнными практиками в сфере молодёжной политики и потребностями молодёжи. Существующие практики ориентированы скорее на нижний возрастной слой молодёжи (школьники, студенты). Их содержательная составляющая нацелена на то, чтобы занять свободное время молодых людей, вовлечь в мероприятия. Это формирует уже указанные выше эффекты (пассивность, высокие запросы к государству). Сокращение числа мероприятий под воздействием внешних факторов создает вакуум в сфере молодёжной политики. Отмечается, что проводимые мероприятия во многих случаях не совпадают с интересами молодёжи и не пользуются популярностью.

Наиболее характерные высказывания в фокус-группах и экспертных сессиях, отражающие влияние данного фактора:

- *Молодёжи интересно абсолютно всё, чего раньше не было. Привычные мероприятия становятся не интересны.*
- *И ещё ребятам нравится очень вкидывать новые идеи, но никто не знает, как это делать, к кому обращаться.*

– Нужно это [проводимые мероприятия] освежить под острым углом. Чтобы это все было на одной волне с молодёжью. Потому что формат устарел.

– В целом на уровне региона очень мало мероприятий, отвечающих потребностям молодёжи.

– Вот говорят, что сейчас потратят время, что лучше сходят погулять. Приведу пример, мы отправляли ребят на флешмоб, они пошли, потому что обещали им оценки за физкультуру, и они пошли без проблем.

– Они [направления МП] соответствуют, но не имеют логического завершения. Проекты недореализуются. Старт хороший, а к финишу сливают.

– А КПД получается низкий.

– Ну, молодежи не всегда интересно участвовать в мероприятиях. Потому что нет мотивации, мероприятия неинтересные.

– Не везде молодежи интересно, и она так далеко пошла, что все, что мы делаем, им не всегда интересно.

Значимым фактором также является ограниченный охват молодёжи практиками МП. В мероприятиях и программах участвует относительно небольшой круг людей (активисты). Возникает разрыв в доступе к ресурсам МП и возможностях для разных групп молодёжи.

Наиболее характерные высказывания в фокус-группах и экспертных сессиях, отражающие влияние данного фактора:

– Не все в курсе о каком-то проекте. ... Участвуют в проектах, выигрывают гранты, одни и те же активисты, одна и та же молодежь.

– Не хватает профориентации, потому что дети не понимают, куда идти.

– Рекламная кампания у молодёжной политики недостаточно сильная. То есть я от многих слышу, мол, там такое классное мероприятие было, а я о нём не знал.

– Не хватает мест для отдыха даже. Даже эти лагеря. Они есть. Сколько там? 3-4 смены? И определенное количество детей. Туда дети не попадут, а у нас столько школ.

– Вот я отучился в Красной поляне в школе. Нас обходили стороной специалисты по работе с молодёжью.

– Мало кто из молодёжи может прийти, обратиться [в структуры молодёжной политики]. Возможно, они не знают в принципе, что так можно делать.

– Хорошо работают с молодёжью, которой это нужно. Не могут заинтересовать молодежь другую.

– К нам ни разу не приходил представитель молодёжной политики, который бы сказал, мол, ребята вот у нас есть ресурсы, сайт, программы – приходите.

– Я знаю, что в городе занятия по воркауту, бесплатные выставки, музей. Но не все могут додуматься пойти. Не каждому будет доступно.

Опрошенные также указывают на сложности коммуникации со структурами молодёжной политики, что ограничивает участие в тех или иных практиках. Выделяются проблемы структурного обеспечения молодёжной политики. Также не отлажено взаимодействие в треугольнике «молодёжь – структуры молодёжной политики – учебные заведения».

Наиболее характерные высказывания в фокус-группах и экспертных сессиях, отражающие влияние данного фактора:

– Не хватает грамотных специалистов [в сфере молодёжной политики].

– Многие учебные заведения нашего города не идут на контакт с молодёжкой ни в какую.

– Существует проблема в школах, что сама администрация школы не хочет ничего делать. ... Я хотела в нашей школе создать патриотическую группу. Но я получила отказ. ... За время, пока я стояла в ученическом совете, мы ничего не сделали в школе. Мы хотели делать стенгазету, но нам отказали тоже.

– Психологическая работа у нас в школе плохо развита.

– А молодёжные центры помогают. Ты что-то делаешь на добровольной основе – у тебя появляется желание это делать, как будто ты сам решаешь. В школах такого нет.

– Школы достаточно перегружены различными мероприятиями, которые отвлекают от учёбы. Всё-таки в школе хочется учиться. ... А если решать актуальные проблемы – этим должны заниматься молодёжные центры.

– В школах развита принудительная история с мероприятиями.

– Не хватает просвещения молодёжи о молодёжной политике.

– Допустим, у нас развит воркаут, но не развит волейбол. ... то есть какие-то потребности есть, которые они под грант выбили, либо развивать надо в Краснодарском крае. А другие какие-то, которые нужны молодёжи, – они не знают...

– Совсем отчётность нельзя убрать. Пусть будет какой-то контроль, но снизить можно. Чтобы чуть-чуть разгрузить специалистов [в сфере молодёжной политики].

– Нужно уменьшить количество тех показателей, которые подаются муниципалитетам. Чтобы заняться работой непосредственно с молодёжью.

– Сейчас не хватает грамотных руководителей. Очень много таких людей, которые на бумажке являются руководителями, но на деле ничего не могут решить.

Данные о факторах и эффектах молодёжной политики Краснодарского края обобщены в табл. 2.

Выводы и рекомендации

Таким образом, наблюдается существенное расхождение между представлениями и ожиданиями значительной молодёжи и институциональными практиками молодёжной политики на уровне региона. Последние частично ориентированы на относительно небольшие группы активных молодых людей, в связи с чем их проникновение в решение молодёжных проблем ограничено. Значительная часть институциональных практик основана на рассмотрении молодёжи в качестве объекта, а не субъекта молодёжной политики, что способствует распространению социальной пассивности, завышению уровня ожиданий государственной поддержки и росту недовольства в случае её неполучения. Комплекс факторов, как долговременных, так и ситуативных, также способствует росту социальной напряжённости в молодёжной среде.

Расхождения между представлениями и ожиданиями молодёжи и практиками молодёжной политики создают угрозу роста конфликтного потенциала молодёжной среды и его деструктивной реализации. На наш взгляд, переформатирование конфликтного потенциала возможно на основе институциональных изменений, в частности, проектирования нового дизайна институтов, механизмов и практик молодёжной политики.

Факторы в сфере молодёжной политики, влияющие на соотношение деструктивных/конструктивных практик

Факторы	Эффекты в сфере молодёжной политики
Пандемийные ограничения	– сокращение интенсивности взаимодействия со структурами молодёжной политики – перенос части мероприятий и активностей в онлайн – снижение собственной активности молодёжи
Высокий уровень ожиданий помощи от государства	– объектная позиция молодёжи – ориентация молодёжной политики на молодёжь 14–25 лет
Преобладание материальной составляющей мотивации, гражданская пассивность	– ориентация на решение преимущественно собственных проблем – самореализация в экономической сфере – интерес к событийному волонтерству
Влияние цифровизации	– расширение контактов со структурами молодёжной политики – быстрый обмен информацией – погружение в интернет-среду – ориентация на символические действия
Расхождение между практиками МП и потребностями молодёжи	– ориентация МП на нижний возрастной слой молодёжи – пассивность молодёжи – вакуум в сфере молодёжной политики при сокращении числа мероприятий
Ограниченный охват молодёжи практиками МП	– ориентация МП на активистов – разрыв в распределении ресурсов
Структурные и коммуникативные составляющие МП	– перегруженность специалистов МП – плохие коммуникации со значительной частью молодёжи – ограниченные контакты с учебными заведениями

Проектирование институциональных механизмов региональной молодёжной политики должно выстраиваться на основе пересечения нескольких координат:

а) доминирующие потребности молодежи (потребность в личностном и профессиональном развитии, потребность в самореализации и общественном признании, потребность в высоком уровне дохода и комфортном образе жизни/ высоком уровне качества жизни);

б) отсутствие сформированных устойчивых ценностных ориентаций у кубанской молодежи, что определяет фрагментированность и противоречивость их жизненных ценностей и политико-культурных установок;

в) существование в представлениях и практиках молодежи одновременно двух моделей молодёжной политики: субъектно-деятельностной и государственно-патронажной с разными целевыми группами и набором институциональных мер.

Институциональное проектирование молодёжной политики в Краснодарском крае должно осуществляться с нескольких направлений.

I. Конструирование смыслов в публичном пространстве молодежной политики:

- формулирование ядра разделяемых большинством представителей молодежи жизненных и гражданских ценностей в публичном пространстве молодежной политики и их позиционирование в символических и деятельностных форматах молодежной политики;
- формирование единого интегрированного с офлайн- и онлайн-средой символического пространства молодежной политики;
- создание и позиционирование образов успешного молодого человека, продвижение в системе интегрированных коммуникаций молодежной политики успешных лидерских, карьерных, семейных, предпринимательских, досуговых и других стратегий/ практик представителей молодежи.

II. Стратегическое позиционирование приоритетов региональной молодежной политики:

- институционализация приоритетов (принятие стратегии молодежной политики Краснодарского края, закрепление специфических приоритетов в Стратегиях социально-экономического развития муниципальных образований с их публичным обсуждением при участии молодежи);
- формирование единого портала региональной молодежной политики с гиперссылками на официальные ресурсы различных субъектов молодежной политики, сетевые сообщества;
- формирование системы корпоративного образования в сфере региональной молодежной политики для разных целевых групп: управленцев в сфере региональной молодежной политики, команды специалистов по делам с молодежью из муниципальных образований, молодежных активистов-руководителей НКО, представителей образовательных организаций, молодых парламентариев и т. д.

III. Переформатирование существующих мероприятий / проектов в сфере региональной молодежной политики под потребности молодежи:

- от отдельных событийных практик к комплексным масштабным мероприятиям/проектам с участием различных целевых аудиторий молодежи по принципу «молодежь для молодежи» на основе межрегионального/межмуниципального взаимодействия;
- от отдельных мер поддержки к системе создания условий для развития различных категорий молодежи по трекам: профориентация, предпринимательство, талантливая молодежь и молодые ученые, лидерство и общественная деятельность и др., включая меры образовательной (в непрерывном образовании), информационной (путеводители по различным форматам работы, ориентирующие молодежь на самореализацию и их вовлечение в различную деятельность), материальной поддержки;
- от хаотичного событийного контента о региональной молодежной политике к формированию единого символического пространства и таргетированной информационной политики в молодежной сфере;
- от традиционных образовательных программ к образовательным инвестициям в различные категории молодежи для личностного развития с использованием методов диагностики, формирования профессиональных компетенций и надпрофессиональных навыков с применением инновационных технологий (игротехник, кейсов, хакатонов, акселераторов, проектной деятельности и др.).

Ссылки

1. Simmel G. The Sociology of Conflict: I // American Journal of Sociology. 1903. № 9. P. 490–525.
2. Зубок Ю. А. Конфликт // Знание. Понимание. Умение. 2005. № 2. С. 179–182.
3. Черкасова Т. В. О социальных конфликтах молодёжи и путях их урегулирования // Социологические исследования. 2004. № 7. С. 112–123.
4. Черкасова Т. В. Управление социальными конфликтами молодежи: комплексный подход и новое направление в рефлексивной молодежной среде // Экономика и управление. 2003. № 5 (55). С. 86–93.
5. Чупров В. И., Зубок Ю. А. Молодежный экстремизм: сущность, формы проявления, тенденции. М.: Academia, 2009. 320 с.
6. Авцинова Г. И. Протестный потенциал российской молодёжи: парадигмы исследования и политическая практика // PolitBook. 2015. № 1. С. 111–126.
7. Смылова В. Н. К вопросу о детерминантах современного молодёжного экстремизма // Теории и проблемы политических исследований. 2017. Т. 6. № 3А. С. 153–170.
8. Бареев М. Ю., Качурина И. О. YOUTUBE как фактор формирования протестного потенциала молодёжи // Регионология. 2019. Т. 27. № 3 (108). С. 572–587.
9. Франц В. А. «Мягкие» технологии формирования протестных настроений в контексте идентичности российской молодёжи // Большая Евразия: Развитие, безопасность, сотрудничество. 2019. № 2-2. С. 633–636.
10. Кирюхина Е. Ю. Эволюция молодёжного политического протеста в современной России: от уличных акций к социальным сетям // Вопросы политологии. 2014. № 2 (14). С. 38–45.
11. Бродовская Е. В., Хуанг Т. Цифровое поколение: гражданская мобилизация и политический протест российской молодежи // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 5. С. 3–18.
12. Логинова Л. В., Щебланова В. В. Деструктивная гражданская активность молодежи: теоретико-методологическая концептуализация // Logos et Praxis. 2019. Т. 18. № 2. С. 98–108.
13. Пустошинская О. С. Студенческий политический протест в Уральском федеральном округе (особенности и перспективы): автореф. дисс. ... канд. полит. наук. Пермь, 2012. 26 с.
14. Пушкарева Н. Н. Протестный потенциал современной российской молодёжи: автореф. дисс. ... канд. социол. наук. М., 2013. 27 с.
15. Сабитов М. Р. Современные детерминанты массовой протестной активности в России: автореф. дисс. ... канд. полит. наук. Саратов, 2013. 25 с.
16. Головин Ю. А. Развитие гражданской активности молодёжи в Ярославской области: конфликты и ценности // Конфликтология. 2018. Т. 13. № 3. С. 205–214.
17. Марин Е. Б., Осмачко Н. В. Динамика протестных настроений студенческой молодёжи в региональном контексте: на примере Приморского края // Социально-политические науки. 2020. Т. 10. № 5. С. 20–35.
18. Козер Л. А. Функции социального конфликта. М.: Дом интеллектуальной книги: Идея-пресс, 2000. 295 с.
19. Дарендорф Р. Современный социальный конфликт. Очерк политики свободы. М.: РОССПЭН, 2002. 284 с.
20. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 384 с.
21. Зубок Ю. А. Исключение в исследовании проблем молодёжи // Социологические исследования. 1998. № 8. С. 47–56.

Factors of migration growth in modern Russia's regions

G. V. Saventsev¹, N. S. Flaot¹, D. V. Egorov¹, D. A. Kazantsev¹

¹Altai State University 61 Lenin Ave., Barnaul, 656049, Russian Federation

DOI: 10.18255/2412-6519-2022-2-162-177

Research article
Full text in Russian

This article provides the analysis of migration situation in Russian regions. It also deals with such issue as uneven flows of migration among the regions. Such quantitative methods were used to evaluate the factors of migration processes, as correlation, regression, cluster, factor analysis, analysis of variance and GIS analysis. Basing on the results of statistical analysis it was found that the strongest factors that make an impact on migration situation in regions are region's public image and social-economical profile. Furthermore, six groups of regions were developed based on their migration attraction. The least favorable in terms of this study are "outsider" regions, in which the migration loss is high due to low value of certain variables (this includes Far Eastern District, Siberian District and North Caucasus District). At the same time, there is a rather small group of favorable districts with steady migration flow. Such Districts' subjects as North-West and South Federal were found to be the center of attraction. Despite the above, most regions of Central Russia are neutral in terms of migration dynamics. It was concluded that social-economic factors such as standards of life and public image of a region (recreational appeal, climate etc.) make a valuable impact on migration attraction of Russian Federation subjects.

Keywords: migration; migration situation; factors; migration attractiveness; Russian regions; cluster analysis

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Saventsev, Gleb V. | E-mail: gleb.savencev@mail.ru
ORCID: 0000-0001-6541-8190
Undergraduate

Flaot, Natalia S. | E-mail: natashaflaot@gmail.com
ORCID: 0000-0002-8807-4551
Undergraduate

Egorov, Daniil V. | E-mail: daniil_egorov2000@mail.ru
ORCID: 0000-0003-0623-3115
Undergraduate

Kazantsev, Dmirty A. | E-mail: dimkazanchev@mail.ru
(correspondence author) ORCID: 0000-0001-7287-6413
Doc. Sc. (Politics), Associate Professor

For citation: Saventsev G. V., Flaot N. S., Egorov D. V., Kazantsev D. A. Factors of migration growth in modern Russia's regions // Social'nye i gumanitarnye znaniya. 2022. Vol. 8, No 2. P. 162-177. (in Russ.)

Факторы миграционного прироста в регионах России на современном этапе

Г. В. Савенцев¹, Н. С. Флаот¹, Д. В. Егоров¹, Д. А. Казанцев¹

¹Алтайский государственный университет, пр. Ленина, 61, Барнаул, 656049, Российская Федерация

DOI: 10.18255/2412-6519-2022-2-162-177
УДК 325

Научная статья
Полный текст на русском языке

В статье проводится анализ миграционной ситуации в регионах России, рассматривается проблема неравномерного распределения миграционных потоков между регионами. Для оценки факторов миграционных процессов используются количественные методы: корреляционный, регрессионный, дисперсионный, кластерный, факторный и ГИС-анализ. По итогам статистического анализа удалось установить, что наибольшее влияние на миграционную ситуацию в регионе оказывают факторы имиджевого и социально-экономического профиля. Также выявлено шесть групп регионов с точки зрения их миграционной привлекательности. Наименее благоприятная ситуация складывается в регионах-«аутсайдерах», где вследствие низких значений тех или иных переменных обнаруживается высокая миграционная убыль (большинство регионов Дальневосточного, Сибирского, Северо-Кавказского федеральных округов). При этом выделяется относительно небольшая группа «благополучных» субъектов, в которых локализуются миграционные потоки. Центрами притяжения выступают некоторые субъекты Северо-Западного и Южного федеральных округов. В то же время большинство регионов Центральной России отличается нейтральной миграционной динамикой. Сделан вывод о значимом влиянии социально-экономических показателей (уровень жизни) и образа региона (туристическая привлекательность, благоприятный климат и т. д.) на миграционную привлекательность субъекта Российской Федерации.

Ключевые слова: миграция; миграционная ситуация; миграционная привлекательность; факторы миграции; регионы России; кластерный анализ

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Савенцев, Глеб Вячеславович | E-mail: gleb.savencev@mail.ru
ORCID: 0000-0001-6541-8190
Студент

Флаот, Наталья Сергеевна | E-mail: natashaflaot@gmail.com
ORCID: 0000-0002-8807-4551
Студент

Егоров, Даниил Владимирович | E-mail: daniil_egorov2000@mail.ru
ORCID: 0000-0003-0623-3115
Студент

Казанцев, Дмитрий Анатольевич | E-mail: dimkazanchev@mail.ru
(автор для корреспонденции) ORCID: 0000-0001-7287-6413
Старший преподаватель кафедры философии и политологии

Для цитирования: Савенцев Г. В., Флаот Н. С., Егоров Д. В., Казанцев Д. А. Факторы миграционного прироста в регионах России на современном этапе // Социальные и гуманитарные знания. 2022. Том 8, № 2. С. 162-177.

© Савенцев Г. В., Флаот Н. С., Егоров Д. В., Казанцев Д. А., 2022

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

Введение

В современном мире глобализация и развитие массовых коммуникаций, помимо всего прочего, приводят не только к росту мобильности человека, но и в целом к оттоку населения из периферий в сторону динамично трансформирующихся центров. Этот феномен, во многом определяющий исторический и социально-экономический портрет общества, является частью более масштабного явления – миграции. В конечном счете, устойчивая и поступательная эволюция государств, а также их территорий невозможна без анализа, контроля, прогнозирования и коррекции миграционных процессов.

Всестороннее и комплексное изучение причин миграции начинается в период индустриализации общества и приводит к бурному становлению отдельной области научного знания. Пионером в этой сфере стал английский географ и статистик XIX в. Э. Г. Равенштейн, описавший важнейшие закономерности внутренней и внешней миграции [1]. Он пришел к выводу, что миграционные процессы во многом определяются экономическими причинами, а также выделил 11 законов, ставших классическими.

Дальнейшие работы, вплоть до второй половины XX в., проводились в рамках неоклассической теории миграции, в основу которой был положен принцип преобладания экономических факторов в интерпретации причин переселений. Например, американский социолог Э. Ли разделяет их на «pull factors» (направленные на удержание мигрантов) и на «push factors» (выталкивающие их), среди них: доход, безопасность, особенности рынка труда [2]. Другие исследователи: Р. Харрис и М. П. Тодаро, объясняя миграцию сельского населения в города, – указывают, что переселение людей тогда рационально для таковых, когда их ожидаемые доходы в урбанизированных территориях будут больше, чем в сельских [3].

В противовес неоклассикам сторонники современных теорий миграции отходят от понимания таковой как исключительно рационального акта индивида. Вместо этого они акцентируют внимание в большей степени на неэкономических причинах миграции, например, близости к родственникам, удобстве местности, климате, безопасности, качестве жизни и т. д., особенно это касается высококвалифицированных мигрантов, для которых самовыражение порой оказывается важнее достатка [4].

Влияние неэкономических факторов, в особенности образования, выделяли Р. Инглхарт, Э. Д. Панарин и М. В. Равлик. Ученые, используя регрессионные модели, на примере международных миграций установили, что переселению способствуют не только трудные жизненные обстоятельства, но и стремление людей достичь успеха [5].

Восполняя нехватку комплексных моделей миграции, Г. Пачеко, С. Россоу и Д. Льюер на примере стран Организации экономического сотрудничества и развития создают обобщенный индекс качества жизни (QOL), включающий множество переменных (от выбросов углекислого газа на одну тысячу жителей до процента иммунизации детей), и показывают, что неэкономические факторы не являются определяющими в ходе миграции [6].

В этом смысле сложно не согласиться с выводом В. Кумпикаите и И. Зицкуте: из-за огромного числа факторов невозможно сформулировать единую теорию миграции, однако первые можно комбинировать. За основу исследователи предлагают брать «push and pull theory», позволяющую рассматривать как экономические,

так и неэкономические детерминанты в качестве выталкивающих или удерживающих человека параметров [7].

Существенный вклад в изучение миграции внесла отечественная научная школа. Политические, экономические и социальные особенности эволюции российского государства, его географическое положение и переломные исторические события вкпе создали уникальные условия для миграции и распространения населения на территории страны.

Понимая факторы миграции как совокупность естественных и общественных условий и обстоятельств, влияющих на миграционные установки населения [8], российские исследователи подразделяют их на климатические, этно-демографические и социально-экономические [9] или на объективные и субъективные: к первым относятся эколого-географические, этнические, военно-политические, экономические, социальные и демографические факторы, а к субъективным – психологические показатели в их связи с экологией, этническими особенностями, политикой, экономикой, социальными и демографическими условиями [10].

Среди прочего на миграции оказывают влияние культурное развитие субъекта (наличие музеев, театров и т. д.) [11, с. 123], а также положительный образ региона, складывающийся из географического местоположения, ритма жизни, эстетического облика территорий, туристической привлекательности [12, с. 43–44]. Можно предположить, что опыт посещения региона в рекреационных целях, а также сложившийся положительный образ субъекта являются поводом к дальнейшему переселению. Данный фактор играет особую роль в случае миграционной убыли населения северных территорий страны, значительная часть которой «формируется за счет старших трудоспособных возрастов, в которых жители севера по факту являются пенсионерами» [13, с. 155].

Связанный с климатическим, географический фактор миграции крайне актуален для России, имеющей сложную территориальную структуру. Стремление граждан к переселению в наиболее благоприятные, с точки зрения качества жизни, территории находит свое отражение в концепции «западного дрейфа». Н. В. Мкртчян условно разделил Россию на пять миграционных зон: Европейская принимающая зона (Москва, Санкт-Петербург, Поволжье, Юго-Запад), Республики ЮФО, Европейский Север, Урал и Западная Сибирь, Восточная отдающая зона [14]. В другой работе автор указывает на то, что «при переходе к рынку, безработица, деградация социальной инфраструктуры многих городов и поселков обнажили проблемы их частичной перенаселенности» [15, с. 79]. Существующие в регионах с миграционным оттоком льготы и надбавки, как и уровень заработной платы, стали менее привлекательными для человека из-за быстро растущей инфляции, в связи с чем его экономические стимулы к переезду, особенно в северные регионы, иссякли. При этом ведение личного подсобного хозяйства оказалось сильно затруднено из-за суровости климата [15].

Другие исследователи, осмысливая феномен оттока населения на запад России, объясняют природу этого процесса с точки зрения неоклассической теории миграции, ставя во главу угла экономические мотивы людей. М. С. Пальников характеризует «западный дрейф» как «вынужденную, экономически мотивированную миграцию» [16, с. 165]. Е. Л. Мотрич, анализируя динамику демографических и миграционных процессов в Дальневосточном ФО, отмечает, что главной причиной массового миграционного оттока населения является неконкурентоспособность федерального

округа по уровню социально-экономических параметров относительно других округов [17]. Исследователи Е. В. Донец и О. С. Чудиновских объясняют отток населения с востока страны слабой обеспеченностью территорий инфраструктурой, высокими ценами и суровостью климата. При этом они выявляют тренд на локализацию направлений миграции на западе России до всего лишь нескольких регионов [18].

Не менее значимым с точки зрения миграционной привлекательности субъекта является урбанизация, влияние которой проявляется не только во внутрирегиональных перемещениях по линии «село-город», но и в миграционных потоках между аграрными и индустриальными регионами. Н. В. Зубаревич в своей концепции «Четырех России» обращает внимание на миграции между городами-миллионниками («первая Россия»), крупными промышленными городами со средней численностью населения («вторая Россия»), сельской местностью («третья Россия») и национальными республиками Северо-Кавказского федерального округа и юга Сибири. Миграция, согласно ее подходу, направлена в наиболее благоприятные с точки зрения условий жизни города «первой России»: на федеральные центры – Москву и Санкт-Петербург приходится около 80 % притока миграции, остальные 20 % – на остальные города-миллионники. Именно здесь находятся высокооплачиваемые рабочие места, возможности для образования и т. д. Остальные города и территории фактически являются донорами мигрантов [19]. При этом демографический кризис возникает и в регионах-реципиентах, где усиливается социальная напряженность, которую Д. Е. Комков и П. Н. Киричек называют «хаосом» [20, с. 143], расширение социальной и транспортной инфраструктуры отстает от все растущей численности населения и темпов жилищного строительства.

Проблема диспропорции размещения населения России отмечается и в «Концепции миграционной политики РФ на 2019–2025 гг.», в которой прямо заявляется о том, что «весь потенциал внутренней миграции приходится на такие городские агломерации, как Москва и Санкт-Петербург, а также на Краснодарский край»¹. Существующее положение дел не только приводит к упадку экономик в регионах-донорах, но и актуализирует проблему национальной безопасности, приводит к демографическому и миграционному давлению со стороны Китая на восточные территории России. Н. А. Ерохин считает, что сохранение текущих тенденций в перспективе может привести к потере национальной целостности государства [21, с. 42]. Дополнительной угрозой в этой связи становится замещение коренных жителей регионов СФО и ДФО мигрантами из стран СНГ. Легальные трудовые миграции сами по себе не являются проблемой, напротив, стимулируют экономическое развитие территорий. Однако при растущем числе приезжих и массовом оттоке местного населения это приводит к обострению социальных конфликтов, порой достигающих уровня «мигрантофобии», что находит свое отражение в стихийных протестах против мигрантов [22, с. 100], например, в Якутии в 2017 г.

Концепция миграционной политики РФ видит решение проблемы неравномерного размещения населения страны и растущего миграционного оттока из ДФО и СФО в разработке социально ориентированной стратегии развития регионов. Для этого необходимо иметь представление о всем многообразии причин, влияющих на принятие гражданами РФ решений о миграции и выборе того или иного ме-

¹ Указ Президента РФ от 31.10.2018 № 622 «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/news/58986> (дата обращения: 20.09.2021).

ста прибытия. Несмотря на широкий спектр факторов миграции, выделяемых российскими и зарубежными авторами, преобладающими в большинстве исследований остаются социально-экономические показатели, однако они не являются единственными. В данной ситуации возникает необходимость учета иных, неэкономических факторов в целях прогнозирования миграционных процессов в регионах России.

Методы

Временные рамки исследования охватывают только 2019 г. по причине начала пандемии COVID-19, оказавшей заметное влияние на миграционные процессы внутри и вовне России. В 2020–2022 гг. студенческие и трудовые миграции изменили свои объемы ввиду закрытия границ между странами и регионами, отмены обязательной сдачи ЕГЭ, введения дистанционного формата работы малых и средних предприятий и многого другого. Также пандемия коронавируса могла повлиять и на иные рассматриваемые в исследовании показатели регионов, в частности на уровень жизни населения.

В рамках работы в качестве зависимой переменной выступает «Миграционный прирост», понимаемый как способность региона увеличивать свое население посредством миграции. Для расчета переменной авторы перевели миграционное сальдо субъекта за 2019 г. в процент от общей численности граждан региона. Относительные показатели позволяют объективно сравнить миграционную ситуацию в малых и крупных регионах. Данные по миграционному приросту взяты из отчетов Росстата, которые отражают только зарегистрированные перемещения граждан на постоянное место жительства. За базовую численность региона взяты данные по численности населения субъекта в среднем за 2019 г. [23].

В качестве независимых переменных выбраны «Доля городского населения» [Там же], «Сводный рейтинговый балл качества жизни в регионах России» [24], включающий в себя уровень доходов, занятость населения, безопасность и т. п., «Национальный туристический рейтинг» [25], отражающий туристическую уникальность субъекта, развитость гостиничной инфраструктуры, популярность среди туристов, продвижение региона в информационном поле и т. п., «Индекс человеческого развития» [26], а также «Сводный индекс экологического благополучия» [27], выступающий как природоохранная деятельность в регионе, развитость институтов гражданского общества в области экологии, промышленная загрязненность и т. д.

Анализируемые показатели всесторонне отражают не только уровень жизни региона, но и его имиджевые характеристики (места в национальных «топах», туристическая привлекательность, климат и экология и т. д.). «Доля городского населения» включена в исследование для проверки гипотезы о влиянии урбанизации на миграционную привлекательность территорий. По мнению ряда авторов, аграрные регионы испытывают больший отток населения, нежели индустриальные. В свою очередь, «Сводный рейтинговый балл качества жизни», активно распространяемый в СМИ, является комплексной оценкой уровня жизни в регионе. Он включает в себя такие значимые показатели, как климат, развитость социальной инфраструктуры, безопасность, жилищные условия, доходы населения и т. д. На ранних этапах исследования использовались переменные, отражающие уровень заработной платы, потребительских цен, количество высших учебных заведений, среднюю стоимость недвижимости в регионе и т. д., однако полученные данные имели аномалии, а также иные отклонения в распределениях или описательной статистике, вслед-

ствии чего предпочтение было отдано комплексным показателям, позволяющим провести корректные сравнения субъектов России.

В целях решения поставленных исследовательских задач были проведены корреляционный, регрессионный, дисперсионный, кластерный, факторный анализы, а также ГИС-анализ. Столь обширный перечень статистических методов, применяемый в статье, призван установить спектр взаимосвязей между переменными. Обработка материалов проводилась в специализированных статистических программах SPSS и Statistica.

Результаты

Оценка характера связей между группами регионов, а также выявление потенциальных нетипичных объектов в первую очередь происходили посредством инструментария кластерного анализа (далее КА), в него включались все 85 регионов (проведена стандартизация). Кластерный анализ показал наличие не менее шести кластеров по рассматриваемым выше переменным, что видно по дендрограмме наблюдений и диаграмме расстояний объединения по шагам, отображенным на рис 1.

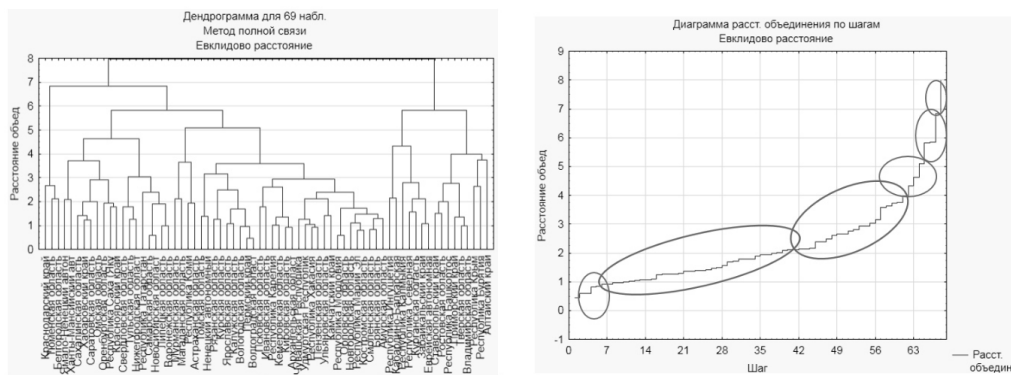

Рисунок 1. Иерархическая кластеризация в Statistica².

На рисунке 2 демонстрируются характерные особенности каждого кластера по средним значениям переменных, которые участвовали в кластеризации методом К-средних. В первый кластер вошли так называемые «промышленные» регионы – Ханты-Мансийский автономный округ, Красноярский край, Омская, Свердловская, Тульская и Нижегородская области, а также регионы Дальнего Востока, такие как Якутия, Приморский и Хабаровский края, Сахалинская область. Данную группу отличают близкий к нулю миграционный прирост, высокая степень урбанизации, также высокие показатели качества жизни, ИЧР и туристической привлекательности, однако самые низкие по стране показатели по экологии, что может быть связано с индустриальной специализацией регионов, высокой концентрацией в север-

² На древовидной дендрограмме слева горизонтальная ось представляет наблюдения, вертикальная – расстояние объединения, объекты, имеющие минимальное расстояние, объединяются в кластеры. На рисунке справа – результаты древовидной кластеризации в графическом виде.

ных районах нефтедобывающих комплексов и т. д. Тем не менее отток населения из этих регионов невысок.

Второй кластер наиболее многочисленный. Он показывает средние значения по всем представленным переменным. Миграционный прирост практически равен нулю. Однако близость к Москве и другим крупным региональным центрам дает основания полагать, что население активно мигрирует в столицу, официально не меняя место регистрации. Поэтому миграционная убыль в таких субъектах не отражена в официальной статистике. В кластер вошли практически все области Центральной России и Северо-Запада, в Сибири это Томская и Кемеровская области, а также Хакасия, миграционным реципиентом для которых является Новосибирская область. Неожиданно в данном кластере оказалась Амурская область. Вероятно, это связано с близостью к границе и развивающемуся Приморскому краю, а также с более благоприятными по сравнению с регионами первого кластера экологическими условиями.

Третий кластер – «аутсайдеры» – создан из регионов с низкими показателями по всем анализируемым переменным. В него попали практически все республики Северного Кавказа, а также Бурятия, Забайкальский край, Курганская область и Еврейская автономная область. В этих регионах население не имеет финансовых возможностей для переезда вследствие низкого уровня жизни, который, в свою очередь, обусловлен упадком промышленности (иных сфер) и низким темпом развития региональных экономик.

Четвертый кластер – «благополучные» – включает наиболее привлекательные, с точки зрения миграции, регионы страны. Их отличает высокое качество жизни, миграционный прирост, ИЧР и средние показатели урбанизации. Также субъекты занимают верхние позиции в «Национальном туристическом рейтинге». Сюда вошли Новосибирская и Тюменская области (крупные промышленные центры Сибири), Самарская область и Татарстан в Поволжье, а также южные регионы европейской части России – Белгородская, Воронежская, Ростовская области, Краснодарский край. Многие из представленных субъектов не отличаются высокими доходами населения или развитым рынком труда, однако благоприятный климат и высокий уровень жизни привлекают граждан со всей страны.

При проведении кластерного анализа с учетом всех регионов России в данную группу вошли также Калининградская, Ленинградская, Московская области и Адыгея, которые были исключены на первом этапе исследования. В этих субъектах наблюдается наибольший миграционный прирост по стране (более 2 % от численности «своего» населения).

Еще один кластер обладает наибольшим миграционным оттоком среди всех регионов России. В него вошли Мурманская и Астраханская области, Республика Коми, Ямало-Ненецкий АО, Магаданская область и Камчатский край. Данные субъекты отличаются в основном добывающим характером промышленности, суровыми климатическими условиями и слабой инфраструктурой, что является причиной миграционной убыли. При этом для регионов Крайнего Севера присущ вахтовый метод заработка, предполагающий временное проживание граждан с целью дальнейшего переезда. Республика Коми продемонстрировала наибольший миграционный отток (более 1 % своего населения в 2019 г.).

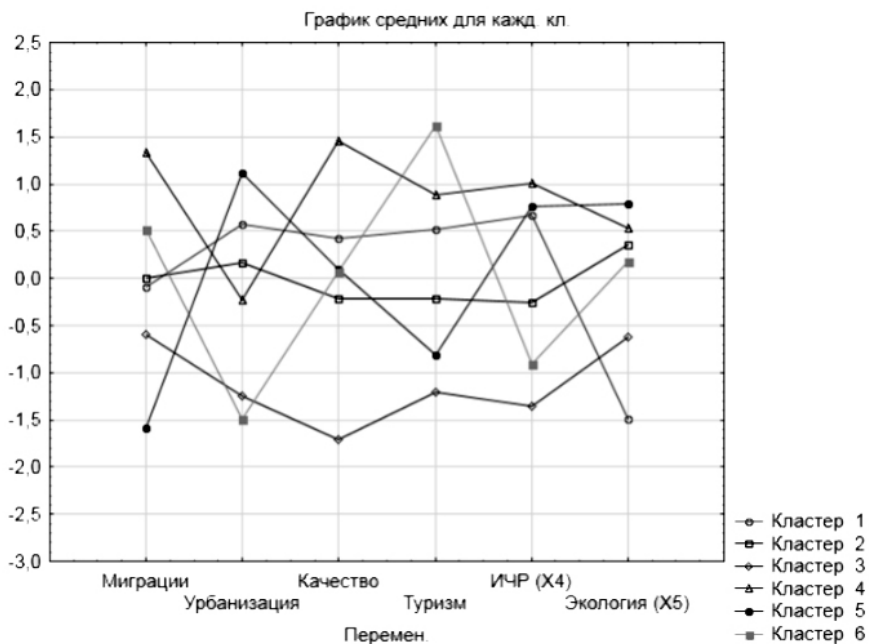

Рисунок 2. График средних значений для каждого кластера методом К-средних³.

Шестой кластер является самым малочисленным. В него вошли всего четыре региона: Крым, Ставропольский и Алтайский края, Республика Башкортостан. Вероятно, такие результаты кластерного анализа связаны с низкой урбанизацией и высокой туристической привлекательностью данных субъектов. При этом стоит подчеркнуть, что миграционный приток дают преимущественно Крым и Ставропольский край. Видимо, такой прирост связан не с уровнем жизни, а благоприятным климатом.

Особое место в кластерном анализе заняла Москва, которая для всей совокупности объектов всегда выделяется в отдельный кластер по всем переменным. Примечательно, что Санкт-Петербург, Московская и Ленинградская области, следующие по качеству жизни за Москвой, ближе к четвертому кластеру, нежели к столице (см. рис. 3).

Итоги кластерного анализа удалось расширить и подтвердить в рамках корреляционного, факторного и регрессионного анализов. В целях выявления общих закономерностей без учета влияния регионов с аномальными значениями тех или иных переменных по результатам одномерного анализа было отобрано 69 субъектов России (из 85). Регионы, занимающие предельные верхние или нижние значения по большинству указанных переменных, рассмотрены отдельно, среди таких объектов – г. Москва и г. Санкт-Петербург, регионы Крайнего Севера, а также национальные республики Сибири и Северного Кавказа.

³ На графике по горизонтали отложены переменные, а по вертикали – стандартизированные средние значения переменных в разрезе полученных кластеров.

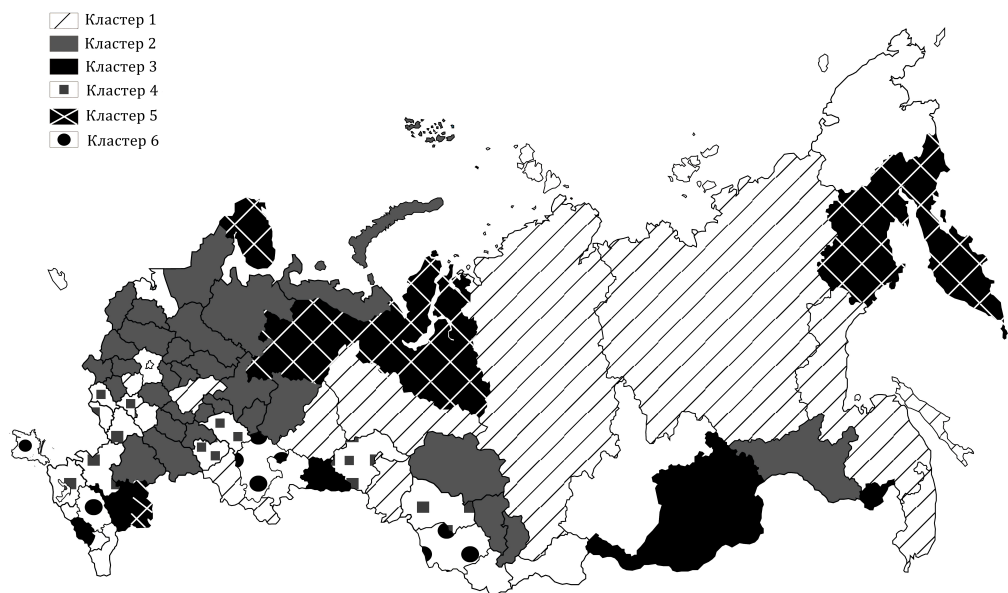

Рисунок 3. Территориальное распределение кластеров.

На следующем этапе для обнаружения многообразия связей между переменными, определяющих положение региона в кластерах, использовался коэффициент корреляции Пирсона (R_{xy}). Результаты корреляционного анализа представлены в таблице 1. Анализ показал наличие умеренной статистически значимой связи ($p=0,01$) между зависимой переменной (миграционный прирост) и независимыми – сводный рейтинг качества жизни (0,478), туристическая привлекательность (0,426). В таблице присутствуют косвенные признаки мультиколлинарности, то есть корреляции независимых переменных друг с другом, ее следует учитывать в дальнейшем. Статистически значимой оказалась связь между долей городского населения и Индексом человеческого развития, далее ИЧР, (0,375), между сводным рейтингом качества жизни и туристической привлекательностью (0,556), и ИЧР (0,616).

По итогам корреляционного анализа установлено, что на миграционный прирост оказывают влияние показатели качества жизни и туристической привлекательности, при этом обнаружилась взаимная связь рассматриваемых переменных. Это может быть связано с тем, что регионы, лидирующие в рейтинге качества жизни, как правило, отличаются развитой инфраструктурой (в том числе туристической) и благоприятным климатом. И с другой стороны, туристическая отрасль оказывает дополнительное благотворное влияние на рост качества жизни благодаря появлению дополнительных налогов и сборов, что было отражено еще в рамках кластерного анализа.

Связь факторов и миграционного прироста в 2019 г.⁴

Переменная	Миграционный прирост в 2019 г., Y	Доля городского населения, X1	Сводный рейтинговый балл качества жизни в регионе, X2	Туристическая привлекательность, X3	ИЧР, X4	Экология, X5
Миграционный прирост в 2019 г., Y	1					
Доля городского населения, X1	0,2026976	1				
Сводный рейтинговый балл качества жизни в регионе, X2	0,4788727	0,2785797	1			
Туристическая привлекательность, X3	0,4266022	0,0257217	0,5562063	1		
ИЧР, X4	0,1394922	0,3755420	0,6167327	0,1641280	1	
Экология, X5	0,1009534	0,0036382	0,1272085	0,0784826	0,06538	1

Затем для уточнения найденных связей к данным был применен линейный регрессионный анализ (далее РА), предварительно авторами оценены остатки на гомоскедастичность, построены диаграммы рассеивания, выявлены условные признаки нелинейности связей. Парный регрессионный анализ показал наличие умеренной статистически значимой связи между зависимой переменной – миграционным приростом – и двумя независимыми переменными – качеством жизни (0,47) и туристической привлекательностью (0,42). Результаты парного линейного регрессионного анализа представлены в таблице 2.

Таблица 2

Результаты парного регрессионного анализа

Переменная	Коэффициент корреляции	Коэффициент детерминации	Статистическая значимость
Доля городского населения, X1	0,20	0,04	Нет
Сводный рейтинговый балл качества жизни в регионе, X2	0,47	0,23	Да
Туристическая привлекательность, X3	0,42	0,18	Да
ИЧР, X4	0,03	0,001	Нет
Экология, X5	0,04	0,001	Нет

⁴ ИЧР – индекс человеческого развития. Цветом выделены статистически значимые связи: чем темнее цвет, тем выше сила связи.

В первом случае коэффициент детерминации составил около 23 %, что позволяет распространить связь между зависимой и независимой переменной в среднем на 15–16 регионов, а во втором случае он составил около 18 %, то есть связь обнаруживается в отношении в среднем 12–13 регионов. Для 1/5 российских регионов факторы качества жизни и туристической привлекательности действительно оказывают влияние на миграционный прирост, однако найденная сила связи свидетельствует о том, что эти факторы не единственные. В рамках проверки характера взаимного влияния переменных качества жизни и туристической привлекательности друг на друга проведен множественный регрессионный анализ, который показал наличие умеренной статистически значимой связи (0,51) с учетом всех ограничений метода. После рассматриваемые независимые переменные тестировались на «совместный эффект», и было обнаружено, что примерно для 25 % выборки характерна умеренная статистически значимая связь (0,51). Учитывая ранее выявленную мультиколлинеарность, можно утверждать, что в среднем для 1/4 субъектов РФ характерно совместное влияние качества жизни, туристической и климатической привлекательности на миграционный прирост. Данные цифры являются приблизительными, так как мультиколлинеарность искажает вклад переменных в общую долю качества модели.

Таким образом, на миграционную привлекательность регионов влияют не только экономические, но и неэкономические показатели. Подтверждается исследовательская гипотеза о высокой привлекательности регионов юго-западной России за счёт благоприятного климата и туристической привлекательности. В северо-западную часть страны мигрантов привлекает «культурная столица» – Санкт-Петербург, а также имеющая географически благоприятное расположение Калининградская область. Кроме того, позитивно влияют сформированный положительный образ этих субъектов и высокие позиции в национальных рейтингах. Также заметны тенденции «западного дрейфа»: абсолютное большинство субъектов ДФО и СФО испытывают существенный миграционный отток населения. Закономерны переселения граждан из регионов пятого кластера (Мурманская, Магаданская, Астраханская области, Республика Коми, Ямало-Ненецкий АО, Камчатский край) в связи с удаленностью от центра и суровыми климатическими условиями.

Стабильными в этом смысле выглядят регионы Центральной России, в которых миграционное сальдо приблизительно равно нулю, однако можно предположить, что в этих регионах всё-таки происходит отток населения в столицу. Граждане из ближайших к Москве регионов переезжают, но официально не меняют своё место жительства, что не может учитывать официальная статистика.

Совместное влияние независимых переменных на зависимую, установленное еще в период проведения РА, также было обнаружено в ходе факторного анализа, который выявил наличие одного основного и двух гипотетических факторов, отраженных в матрице факторных нагрузок в таблице 3.

Результаты факторного анализа для анализируемых переменных⁵

Переменная	Фактор 1	Фактор 2	Фактор3
Миграционный прирост в 2019 г., Y	0,829880	-0,185790	0,167224
Доля городского населения, X1	-0,166893	0,848478	-0,075180
Сводный рейтинговый балл качества жизни в регионе, X2	0,744750	0,543608	0,122014
Туристическая привлекательность, X3	0,799612	0,083335	-0,233974
ИЧР, X4	0,308651	0,773189	0,122291
Экология, X5	0,018808	0,024115	0,968933
Общая дисперсия	2,006205	1,655290	1,057033
Доля общей дисперсии	0,334368	0,275882	0,176172

Первый фактор сильнее других объясняет дисперсию, он определяется следующими переменными: миграционный прирост (Y), туристическая привлекательность (X3) и сводный рейтинг качества жизни (X2). В первый фактор вошла зависимая переменная, поэтому условно можно обозначить его как стремление граждан к комфортной жизни.

Второй фактор определяется долей городского населения (X1) и ИЧР (X4), что характеризует урбанизированные территории, индекс человеческого развития в которых обычно выше, чем в сельской местности. Данные переменные привлекают людей с точки зрения возможностей самореализации.

Дополнительный фактор могли образовать переменные, характеризующие экологическую обстановку в регионе, и, потенциально, климатические параметры субъекта, поэтому переменная «Сводный экологический рейтинг благополучия» определялась отдельно, что требует дальнейших уточнений.

Обсуждение

По итогам исследования установлено, что миграционный прирост в регионах России носит неравномерный характер. Феномен «западного дрейфа» все еще остается актуальным. Люди предпочитают мигрировать с территорий Дальнего Востока, Сибири и Крайнего Севера в федеральные центры – Москву, Санкт-Петербург и кластер «благополучных» регионов, большая часть которых находится в центре и на юго-западе страны. Эти выводы подтверждают характер миграции, описанный

⁵ Факторам соответствуют столбцы, переменным – строки, значения факторной нагрузки на пересечениях показывают относительную величину проекции переменной на факторную координатную ось, чем выше нагрузка по модулю, тем больше близость фактора к переменной.

в концепции Н. Зубаревич «Четыре России»: основная часть миграционных потоков направлена в города-миллионники с высокими зарплатами и развитой инфраструктурой. В азиатской части страны локальными точками притяжения мигрантов являются благоприятные с точки зрения качества жизни Новосибирск и Тюмень, которые привлекают в основном население соседних регионов. Наибольший отток людей наблюдается в регионах-аутсайдерах, в число которых, помимо всего прочего, входят национальные республики Северного Кавказа и юга Сибири, здесь показатели качества жизни достаточно низкие, а экономика развивается медленно и малоэффективно.

Ведущим фактором миграционного прироста Москвы и Санкт-Петербурга выступают социально-экономические показатели, а для юго-западных регионов России (таких как Воронежская, Белгородская, Ростовская области), помимо общего качества жизни, – туристическая привлекательность и благоприятные климатические условия.

Однако результаты различных видов анализа показывают, что экономический фактор, являясь важным для мигрантов, оказывается все-таки не единственным, что говорит в пользу сторонников комплексного подхода к оценке миграции. Роль других неэкономических факторов планируется оценить в последующих исследованиях.

Также стоит отметить, что общая миграционная ситуация в восточных регионах страны, особенно на Дальнем Востоке, остается неблагоприятной, в связи с чем государством разрабатываются специальные государственные программы и концепции. Однако «отдающие» регионы ДФО не достигают поставленных показателей демографического развития до 2025 г. Например, согласно Концепции демографической политики Дальнего Востока, на период до 2025 г. планировалось достижение численности населения 6,2 миллиона человек за счет естественного прироста и нулевого миграционного баланса. Но в большинстве регионов наблюдается миграционный отток населения, а общая численность на 1 января 2021 г. составила 6,085 миллиона человек без учета присоединенных Республики Бурятия и Забайкальского края⁶. В условиях начавшейся в 2020 году пандемии COVID-19, а также оттока населения из этих регионов достижение целевого показателя численности населения на уровне 6,5 миллиона человек к 2025 г. представляется невозможным.

Дальневосточный ФО по-прежнему остается наименее конкурентоспособным с точки зрения социально-экономических показателей и непривлекательным для потенциальных мигрантов. Более того, при сохранении существующих миграционных тенденций и сокращении постоянного населения в ДФО и СФО в будущем Россия может столкнуться с проблемой обеспечения стратегической безопасности своих границ в регионе, а также обострением социального кризиса как на фоне растущей ксенофобии и «мигрантофобии», так и в плане увеличивающейся нагрузки на транспортную и социальную инфраструктуру центральных регионов страны.

Политика государства по урегулированию внутренней миграции может быть направлена как на выравнивание региональных различий с целью сокращения оттока населения с восточных территорий страны, так и на более эффективное использование имеющихся трудовых ресурсов на местах [28, с. 160]. Однако существующие

⁶ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 20.06.2017 г. № 1298-р «Концепция демографической политики Дальнего Востока на период до 2025 года». URL: <http://static.government.ru/media/files/IcS1tqRUBHAPAQ3TtgHvSmKSeQFMzZSv.pdf> (дата обращения: 20.09.2021).

проекты развития ДФО и СФО сконцентрированы вокруг крупных региональных центров, таких как Владивосток, Новосибирск, Тюмень, в то время как другие территории продолжают оставаться кризисными. С 2019 г. диспропорция размещения населения только усугубилась, что говорит либо о нежелании властей прекращать миграционный отток с депрессивных территорий, ограничиваясь замещением местного населения приезжими, либо о неэффективности избранных путей решения данной проблемы.

Государству необходимо осуществить активные и решительные действия по обеспечению динамичного экономического роста, повышения качества жизни населения, реализации крупных инфраструктурных проектов в регионах ДФО, СФО и Крайнего Севера. В противном случае достижение целевых показателей демографического развития страны, а также равномерного развития субъектов РФ станет невозможным. Для успешного преодоления миграционного оттока из восточной части страны нужны как усилия в социально-экономической сфере, так и формирование благоприятного образа регионов ДФО и СФО.

Ссылки

1. Ravenstein E. The Laws of Migration // *Journal of the Statistical Society*. 1885. № 46. P. 167–235.
2. Lee E. S. A Theory of Migration // *Demography*. 1966. № 3 (1). P. 47–57.
3. Harris J. R., Todaro M. P. Migration, Unemployment and Development: A Two-Sector Analysis // *American Economic Review*. 1970. № 60 (1). P. 126–142.
4. Liebig T. Migration theory from a supply-side perspective. Discussion Paper. № 92. Research Institute for Labour Economics and Labour Law. St. Gallen: University of St Gallen, 2003. 36 p.
5. Инглхарт Р. Ф., Панарин Э. Д., Равлик М. В. Регрессионные модели в оценке факторов международной миграции // *Социологические исследования*. 2014. № 11. С. 22–31.
6. Pacheco G. A., Rossouw S., Lewer J. Do Non-Economic Quality of Life Factors Drive Immigration? // *Social Indicators Research*. 2011. № 110 (1). URL: https://www.researchgate.net/publication/45143430_Do_NonEconomic_Quality_of_Life_Factors_Drive_Immigration (date of access: 10.11.2021).
7. Kumpikaite V., Zickute I. Synergy of Migration Theories: Theoretical Insights // *Inzinerine Ekonomika-Engineering Economics*. 2012. № 23 (4). P. 387–394.
8. Рыбаковский Л. Л. Факторы и причины миграции населения, механизм их взаимосвязи // *Народонаселение*. 2017. № 2 (76). С. 51–61.
9. Переведенцев В. И. Методы изучения миграции населения. АН СССР, Ин-т междунар. рабочего движения. М.: Наука, 1975. 231 с.
10. Рязанцев С. В. Влияние миграции на социально-экономическое развитие Европы: временные тенденции. Ставрополь: СГУ, 2001. 542 с.
11. Вакуленко Е. С. Мотивы внутренней миграции населения в России: что изменилось в последние годы? // *Прикладная эконометрика*. 2019. Т. 55. С. 113–138.
12. Огаркова И. В., Саргаева Е. С. Анализ факторов, влияющих на имидж региона // *Научный результат. Технологии бизнеса и сервиса*. 2020. № 6 (2). С. 41–51.
13. Ефремов И. А. Современные миграционные процессы на Крайнем Севере России // *Регионоведение*. 2016. № 4 (97). С. 140–159.

14. Мкртчян Н. В. Миграция в России: западный дрейф // Демоскоп Weekly. 2005. № 185–186. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2005/0185/tema01.php> (дата обращения: 10.11.2021).
15. Мкртчян Н. В. Внутренняя миграция: Великое прошлое и скромное будущее // Миграция в России, 2000–2012: Хрестоматия: В 3 т. Т. 1, ч. 1: Миграционные процессы и актуальные вопросы миграции. М.: Спецкнига, 2013. С. 78–96.
16. Пальников М. С. Внутренняя миграция в России 1990–2013 гг.: Основные параметры и особенности «Западного дрейфа» // Актуальные проблемы Европы. 2014 № 4. С. 138–172.
17. Мотрич Е. Л. Дальневосточный регион в демографическом пространстве России: пореформенный тренд // Пространственная экономика. 2017. № 3. С. 133–153.
18. Донец Е. В., Чудиновских О. С. Современные тенденции миграции в регионах Дальневосточного федерального округа // Уровень жизни населения регионов России. 2017. № 4 (206). С. 88–94.
19. Зубаревич Н. В. Четыре России // Ведомости. 30.12.2011. URL: https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2011/12/30/chetyre_rossii (дата обращения: 10.11.2021).
20. Комков Д. Е., Киричек П. Н. Регионы в зоне демографического риска: минус-тенденции миграции и урбанизации // Регионоведение. 2017. № 1 (98). С. 139–148.
21. Ерохин Н. А. Механическое движение населения в России как политическая проблема // Вестник Московского государственного областного университета. 2019. № 1. С. 34–47.
22. Рязанцев С. В., Сигарева Е. П. Демографические, социально-экономические и политические последствия миграционных процессов для Российской Федерации // Региональные проблемы преобразования экономики. 2016. № 3 (65). С. 94–102.
23. Численность и миграция населения Российской Федерации в 2019 году // Федеральная служба государственной статистики (Росстат). URL: https://gks.ru/bgd/regl/b20_107/Main.htm (дата обращения: 12.09.2021).
24. Качество жизни в российских регионах – Рейтинг 2019 // РИА Рейтинг. URL: <https://riarating.ru/infografika/20200217/630153946.html> (дата обращения: 12.09.2021).
25. Национальный туристический рейтинг – 2019 // Национальный рейтинг. URL: <http://russia-rating.ru/info/17205.html> (дата обращения: 12.09.2021).
26. Человек и инновации. Доклад о человеческом развитии в Российской Федерации. Аналитический центр при правительстве Российской Федерации. 2018 // Публикации. Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». URL: <https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/direct/228606323.pdf> (дата обращения: 12.09.2021).
27. Национальный экологический рейтинг // Зеленый патруль. URL: <http://greenpatrol.ru/ru/stranica-dlya-obshchego-reytinga/ekologicheskij-reyting-subektov-rf?tid=388> (дата обращения: 12.09.2021).
28. Ерохин Н. А. Региональные демографические процессы в политическом измерении // Pro nunc. Современные политические процессы. 2015. № 1 (14). С. 152–164.

Youth communication: sociocultural features expectations

Yu. A. Zubok¹, E. V. Chankova²

¹Institute of social-political researchs FSRC Russian Academy of Science, 6 Fotieva str., building 1, Moscow, Russian Federation

²Plekhanovs Russian Economy University, 36 Stremyanny Lane, Moscow, 117997, Russian Federation

DOI: 10.18255/2412-6519-2022-2-178-189

Research article
Full text in Russian

The social expectations of young people are presented in correlation with the meanings of communication and socio-cultural characteristics that have age, gender and educational characteristics. The conducted three-dimensional analysis allows us to analyze changes in the communicative expectations of young people. The dominance of the terminal meanings of communication over the instrumental ones, which are based on basic life socio-cultural values, formed by the historically traditional way of common collective life, is revealed. A stable group of expectations is singled out, formed by the background semantic contexts of traditional culture. Differences of a situational nature are expressed in group expectations. In age groups, expectations of attention and understanding are highly significant and the level of expectations decreases with age. Expectations for like-mindedness and relationship retention increase with age. In gender groups, there are both expectations that coincide in men and women, and partially overlapping: the need for attention and understanding, trust is typical for men who share the terminal meanings of communication, in such a group of women, expectations of attention and understanding, like-mindedness and maintaining relationships are important. Contradictory trends in expectations are observed in groups of different levels of education: the expectation of unanimity increases with an increase in the level of education, the expectation of trust decreases with an increase in the level of education for all meanings.

It is concluded that there are differences in the structure of expectations in different socio-demographic youth groups, which is due to changes in the socio-cultural parameters of communication. These are growing up, an increase in the level of education, gender traditions against a common semantic socio-cultural rather traditional background.

Keywords: Youth communication; meanings of communication; expectations from communication; youth communication groups; background contexts of communication; situational contexts of communication

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Zubok, Yulia A. | E-mail: uzubok@mail.ru
Doc Sc. (Sociology), Professor

Chankova, Elena V. | E-mail: chev3@yandex.ru
Doc Sc. (Sociology), Professor

For citation: Zubok Yu. A., Chankova E. V. Youth communication: sociocultural features expectations // Social'nye i gumanitarnye znaniya. 2022. Vol. 8, No 2. P. 178-189. (in Russ.)

Общение в молодежной среде: социокультурные особенности ожиданий

Ю. А. Зубок¹, Е. В. Чанкова²

¹Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН, ул. Фотиевой, 6, корп. 1, Москва, Российская Федерация

²Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова, Стремянный переулок, д. 36, Москва, 117997, Российская Федерация

DOI: 10.18255/2412-6519-2022-2-178-189
УДК 316.346

Научная статья
Полный текст на русском языке

Социальные ожидания молодежи представлены в корреляции со смыслами общения и социокультурными особенностями, имеющими возрастные, гендерные и образовательные характеристики. Проведенный трехмерный анализ позволяет проанализировать изменения в коммуникативных ожиданиях молодежи. Выявлено доминирование терминальных смыслов общения над инструментальными, в основе которых лежат базовые жизненные социокультурные ценности, сформировавшиеся исторически традиционным укладом общей коллективной жизни. Выделяется устойчивая группа ожиданий, образованных фоновыми смысловыми контекстами традиционной культуры. В групповых ожиданиях выражены различия ситуативного характера. В возрастных группах ожидания внимания и понимания отличаются высокой значимостью и снижением уровня ожиданий с возрастом. Ожидания единомыслия и сохранения отношений повышаются с взрослением. В гендерных группах имеют место как совпадающие у мужчин и женщин ожидания, так и частично пересекающиеся: потребности во внимании и понимании, доверии характерны для мужчин, разделяющих терминальные смыслы общения, в подобной группе женщин важны ожидания внимания и понимания, единомыслия и сохранения отношений. В группах разного уровня образования наблюдаются противоречивые тенденции в ожиданиях: ожидание единомыслия с повышением уровня образования возрастает, ожидание доверия с ростом уровня образования редуцируется для всех смыслов. Сделан вывод о различиях в структуре ожиданий в разных социально-демографических молодежных группах, что обусловлено изменением социокультурных параметров общения. Таковыми являются взросление, рост уровня образования, гендерные традиции на общем смысловом социокультурном достаточно традиционном фоне.

Ключевые слова: общение молодежи; смыслы общения; ожидания от общения; молодежные группы общения; фоновые контексты общения; ситуативные контексты общения

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Зубок, Юлия Альбертовна | E-mail: uzubok@mail.ru
Доктор социологических наук, профессор

Чанкова, Елена Вадимовна | E-mail: chev3@yandex.ru
Доктор социологических наук, профессор

Для цитирования: Зубок Ю. А., Чанкова Е. В. Общение в молодежной среде: социокультурные особенности ожиданий // Социальные и гуманитарные знания. 2022. Том 8, № 2. С. 178-189.

© Зубок Ю. А., Чанкова Е. В., 2022

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

Актуальность

Коммуникативные процессы в современном обществе находятся в постоянном изменении. Изменяются структура и формы общения. Они все дальше уходят от жестких образцов с явно очерченными нормативными границами, статусными предписаниями и являются объектом живого конструирования. Молодежь включается в этот процесс активнее других социально-демографических групп, не только осваивая и перестраивая способы общения, но и переосмысливая его сущностные основания. Понимание сути и функций общения, конструирование его смысловых оснований задает определенные параметры ожиданий от общения. Поэтому изменение смыслов общения влечет за собой изменение и характера ожиданий, адресуемых молодыми людьми своим партнерам по коммуникации [1; 2].

В разных группах молодежи смысловая основа общения и структура ожиданий различаются, как различаются образы объектов реальности, конструируемые молодежью в процессе интерсубъективных взаимодействий. И если наиболее общие смысловые представления об общении определяются культурой в целом, становясь базовыми в обосновании ожиданий, то конкретный опыт, доступный той или иной группе молодежи, а также условия жизнедеятельности молодых людей определяют ситуативные смыслы общения и соответствующие им ожидания.

Насколько подобная дифференциация может вызывать сдвиги в смысловых характеристиках общения и структуре ожиданий молодежи, какова расстановка базовых и ситуативных смыслов общения молодежи и как соотносятся смыслы общения с ожиданиями в разных группах молодежи – эти вопросы являются предметом рассмотрения в данной статье.

Методы. В основу методологической основы исследования положена феноменологическая концепция отношения к социальной реальности, развиваемая применительно к саморегуляции жизнедеятельности молодежи [3]. Категория смысла связана с отношением субъекта к явлениям объективной действительности, а также с «... представлениями о сущности объектов реальности и их значимости для жизни». [4, с. 168]. «Конструирование смыслов происходит в культурном пространстве, которое представляет собой форму существования культуры (норм, ценностей, способов организации жизнедеятельности) в сознании молодых людей» [5, с. 40]. Смысловые конструкты рассматриваются как продукты социальной реальности, отражающей в сознании объективную действительность субъективным образом. «Наследуя опыт и культурные образцы прежних поколений, молодежь активно переосмысливает их в соответствии с актуальным опытом, наделяя новыми смыслами и значениями. Поэтому в культурном пространстве воспроизводятся не только хорошо узнаваемые образцы базовой культуры, но и современные, возникшие под влиянием глобализации» [Там же. С. 41]. Все это выражается в понимании смысла общения как части жизнедеятельности и ожидания как производной от смысла.

Авторами семиотики [6; 7] сформулированы различия знака (с его значением) как средства обозначения объекта действительности и смысла, имеющего индивидуальное значение. Указывая на факторы формирования смыслового пространства, Г. М. Андреева отмечает, что в процессе общения происходит активный обмен информацией [8], в результате чего «... люди не просто обмениваются значениями, но вырабатывают общий смысл, исходя из значимости информации. В результате происходит изменение отношений и взаимоотношений партнеров по общению» [9, с. 95]. Выработка общих смыслов происходит во многом в результате подтвержде-

ния ожиданий от общения, как при обмене информацией, так и при обмене эмоциями и действиями – то есть в рациональном, эмоциональном иррациональном и деятельностном аспектах. В смысловом пространстве реальности взаимодействуют сами смыслы, объекты, которые ими наделяются, и носители этих смыслов, помещенные в различный культурный контекст [4, с. 171]. Именно контекст, как отмечает Д. А. Леонтьев, является ключевым понятием в определении смысла. И вопрос о механизмах порождения смыслов – это вопрос о контекстах, в которых люди живут повседневной жизнью и обретают опыт. Если фоновым контекстом служит культура, то ее конкретные проявления связаны с групповой спецификой жизни людей, поэтому контексты могут быть разными [10, с. 108, 111]. Все это означает, что возрастные, гендерные, образовательные и другие характеристики молодежи вносят дифференцирующее основание в социокультурные характеристики ее жизнедеятельности, определяя конкретные смыслы, на которые ориентируются молодые люди в повседневной саморегуляции [5, с. 41]. Пол, возраст, уровень образования задают тот самый культурный контекст, взаимодействуя внутри которого, молодые люди интериоризируют соответствующие смысловые представления или совместно конструируют новые, отражая изменяющуюся реальность.

В сфере коммуникации это проявляется в дифференциации смыслов и ожиданий в связи с названными основаниями: гендером, возрастом, образованием. Принадлежность к определенной возрастной или гендерной группе означает включенность в культурный контекст ее повседневного опыта, жизненных представлений и практик, где общение наполняется своими смыслами, а ожидания от общения отражают культурный запрос данной группы. В свою очередь, уровень образования привносит изменения в изначально сформированный культурный контекст.

Анализ базируется на результатах социологического исследования, проведенного Центром социологии молодежи ИСПИ ФНИСЦ РАН в 2021 г. в 133 населенных пунктах 11 субъектов РФ (N= 1640 в возрасте 15–35 лет, подвыборка молодежи в возрасте 15–29 лет составила 1207 чел). Для обеспечения репрезентативности опроса была использована случайная маршрутная выборка для поиска домохозяйств (квартира, дом), в которых отбирался для последующего опроса конкретный респондент, согласно квотному заданию, частично был применен метод «снежный ком» для опроса требуемых респондентов. Для отбора респондентов были рассчитаны половозрастные квоты, репрезентирующие российскую молодежь с учетом региональных особенностей.

Результаты

Как показали данные исследования, основные смысловые представления об общении связаны у молодежи с такими понятиями, как «радость, счастье» (27,4 %), «удовольствие» (26,6 %) и «внутренняя потребность» (25,8 %), и в наименьшей степени общение рассматривается как установление «полезных связей», т. е. источник социального капитала (13,2 %). Это означает, что для большинства опрошенных общение является самоценным: преобладание терминальных смыслов общения (81,8 %) над инструментальными (19,4 %) в молодежной среде очевидно [11, с. 18].

Рассмотрим связь разных типов смыслов общения с коммуникативными ожиданиями молодежи. Все показатели в столбце «Смыслы общения» и соответствующие им данные были сгруппированы с позиции их принадлежности к терминальным и инструментальным смыслам. В группе терминальных суммированы ответы ре-

спондентов, разделяющих смыслы «внутренняя потребность», «радость, счастье», «удовольствие». В группе инструментальных – ответы респондентов, разделяющих смыслы «полезные связи», «долг вежливости», «вынужденная необходимость». Поскольку по условиям опроса допускался выбор трех наиболее значимых показателей, отражающих коммуникативные ожидания респондентов, то общая сумма показателей превышает 100 %.

Анализ связи между смыслами общения и ожиданиями молодых людей раскрывает ожидания ответных действий от других (см. таблицу 1).

Таблица 1

Сопряженности смыслов общения и ожиданий от общения, в %

Смысл общения	Внимания и понимания	Терпимости	Единомыслия	Сочувствия	Помощи, поддержки	Вежливости	Доверия	Признания правоты	Готовности к компромиссу	Сохранения отношений
Терминальные										
Радость, счастье	42,4	9,8	37,6	15,3	36	14	38,2	2,9	7,1	26,9
Внутренняя потребность	38,8	10,9	37,1	14,4	41,8	12,3	39,2	3,5	9,5	33,6
Удовольствие	42,9	8,7	37,4	11	28,2	12,2	39,9	1,4	8,5	34,2
Итого	124,1	29,4	112,1	40,7	109	38,5	117,3	7,8	25,1	94,7
Ранг	1	8	3	6	4	7	2	10	9	5
Инструментальные										
Вынужденная необходимость	28,2	30,9	26	8	30	12	30	12	18	20
Долг вежливости	32,1	15,1	47,2	15,1	32,1	17	17	9,4	13,2	24,5
Полезные связи	30,9	8,3	38,2	5,5	34,1	11,1	34,6	3,7	12	36,9
Итого	91,2	54,3	111,4	28,6	96,2	40,1	81,8	25,7	43,2	81,1
Ранг	3	6	1	9	2	8	4	10	7	5

Для молодежи, понимающей общение как «удовольствие», а также «радость и счастье», наиболее характерны ожидания *внимания и понимания* (соответственно 42,9 % и 42,4 %). Для тех, кто понимает общение как внутреннюю потребность, – *помощь и поддержка* (41,8 %). Наименьшее количество выборов пришлось на долю ожиданий *признания правоты*, что характерно для всех носителей терминальных смыслов общения («внутренняя потребность» – 3,5 %, «радость, счастье» – 2,9 % «удовольствие от общения» – 1,4 %). Среди тех, для кого значимы инструменталь-

ные ценности общения, наибольший процент респондентов ожидает проявления *единомыслия* – 38,9 %, *сохранения отношений* – 36,9 % и *доверия* – 34,6 %, что характерно для молодежи, ориентированной на «полезные связи». Ожидания *признания своей правоты* молодежью, относящейся к общению инструментальным образом, минимальны. Среди относящихся к общению как к вынужденной необходимости *признания правоты* ожидают 12,0 %, среди ценителей долга вежливости таковых 9,4 %, полезных связей – 3,7 %.

В структуре коммуникативных ожиданий выделяются универсальные ожидания, разделяемые практически всеми респондентами. Это ожидания *внимания и понимания, единомыслия, помощи и поддержки, доверия и сохранения отношений*. Сопоставление названных ожиданий по их представительности в группе терминальных и инструментальных смыслов показывает, что наибольшее предпочтение им отдают носители терминальных смыслов общения, нежели инструментальных. Анализ ожиданий в иерархической последовательности показывает, что в предпочтениях носителей терминальных и инструментальных смыслов также наблюдается существенное различие. Так, разделяющие терминальные смыслы ждут в ответ в первую очередь *внимания и понимания*. А молодые люди, ориентированные на прагматические цели, в первую очередь ждут в ответ проявления *единомыслия*.

Следующее по значимости ожидание среди носителей терминальных смыслов общения – *доверие*; у «инструменталистов» таковым является ожидание *помощи и поддержки*. Следует отметить, что ожидающих *доверия и сочувствия* от других в процессе общения значительно больше среди разделяющих терминальные ценности, чем инструментальные. Обратная зависимость наблюдается относительно ожиданий *терпимости и признания правоты*: проявляющих такие ожидания больше среди инструментально ориентированной молодежи. А такие ожидания, как *терпимость, сочувствие, вежливость, признание правоты и готовность к компромиссу*, в целом менее значимы для обеих групп.

Дальнейший анализ конкретизирует зависимость между смыслами общения и ожиданиями от него в возрастных и гендерных группах, а также в группах, выделенных по признаку образования.

Рассмотрим, как в зависимости от возраста изменяются связи значимых смыслов общения и коммуникативных ожиданий молодежи (см таблицу 2). Поскольку значения почти всех показателей в силу множественности ответов превышают 100 %, используем для удобства анализа индексирование полученных сумм путем простого уменьшения их значения в 10 раз (например, результат 139: 10 = 13,9). Сравним изменение ожиданий в группе носителей «терминальных» и «инструментальных» смыслов общения по возрастным группам 15–17, 18–24 и 25–29 лет.

Как видно из таблицы 2, ожидания *внимания и понимания* изменяются от младшего возраста к старшему. И если в группе носителей терминальных смыслов они изменяются незначительно (индекс 13,9 – 12,0), то в среде носителей инструментальных ценностей – существенно редуцируются (от значения индекса, равного 10,9 в 15–17 лет, до 6,0 в возрасте 25–29 лет). То есть по мере взросления запрос на инструментальную составляющую *внимания и понимания* со стороны окружения снижается. Аналогично изменяются ожидания *помощи и поддержки* в процессе. Они снижаются в равной мере для носителей всех смыслов общения от индекса 13,1 к 9,2. И ожидание *доверия* со стороны других в общении с возрастом тоже снижается, причем у носителей инструментальных смыслов его снижение более

интенсивно, чем у носителей инструментальных. А потребность в *сохранении отношений* проявляется в некотором увеличении по мере взросления – от индекса 8,4 для носителей терминальных ценностей в 15–17 лет к значению индекса, равному 10,4 в группе 25–29 лет. То есть по мере достижения старшего возраста у молодых людей проявляется и осознается потребность в прочных связях, нехарактерная для подростков, что и проявляется в ожидании *сохранения отношений*. Ожидания *единомыслия* для 15–17-летних молодых людей имеют примерно равный индекс 7,0 для всех носителей смыслов общения, но уже для 18–24 и 25–29 индекс показывает значительный прирост и имеет индекс 10,6–12,9. Данная статистика является индикатором роста значимости единомышленников в среде общения по мере перехода от подросткового возраста к более зрелому и проявляется в изменениях ожиданий по этому показателю.

Таблица 2

Сопряженность смыслов общения и ожиданий от общения в разных возрастных группах, в индексах¹

Возраст	Смыслы общения	Ожидания от общения / Индекс									
		Внимания и понимания	Терпимости	Единомыслия	Сочувствия	Помощи, Поддержки	Вежливости	Доверия	Признания правоты	Готовности к компромиссу	Сохранения отношений
15–17 лет	терминальные	13,9	2,9	7,0	5,7	13,1	3,9	13,4	0,3	1,1	8,4
	инструментальные	10,9	6,6	7,0	3,8	10,1	3,6	12,1	3,7	1,5	7,3
18–24 года	терминальные	12,0	3,6	11,5	4,5	10,6	4,4	12,2	7,2	2,6	8,9
	инструментальные	10,1	3,2	12,9	1,1	11,6	5,7	5,3	2,4	5,2	8,2
25–29 лет	терминальные	12,5	2,5	11,7	3,0	9,8	3,0	10,2	8,9	2,3	10,4
	инструментальные	6,0	2,7	10,6	2,7	9,2	2,0	5,6	2,8	5,8	11,9

Такие проявления ожиданий от общения, как *терпимость, сочувствие, вежливость, признание правоты, готовность к компромиссу*, являются сравнительно менее значимыми в структуре ожиданий носителей как терминальных, так и инструментальных ценностей. Однако сравнение доли носителей соответствующих ожиданий по группам показывает, что ожидание терпимости в среде подростков коррелирует больше с инструментальными ценностями общения, чем с терминальными.

¹ Расчет индекса. Индекс ожидания рассчитывался по формуле $A/10$, где A – процент респондентов в их распределениях ожиданий.

Ожидание *сочувствия* сильнее связано с терминальными смыслами общения сразу в двух группах: подростков и в возрасте 18–24 лет.

Ожидание *признания своей правоты* важно для инструментально ориентированных подростков, но значительно выше среди сторонников терминальных смыслов в группах 18–24 и 25–29 лет.

А ожидание *готовности от партнеров по коммуникации идти на компромисс*, почти не важное для младшей группы, оказывается значимым для инструментально ориентированных более старших групп.

Особенности коммуникативных ожиданий в связи с самоидентификацией респондентов по полу представлены в таблице 3. Связь смыслов общения и ожиданий в группе молодых мужчин и женщин как носителей социокультурных образцов дает возможность их обоснования в гендерном разрезе.

Таблица 3

Сопряженность смыслов общения и ожиданий от общения в разных гендерных группах (в индексах)²

Пол	Смыслы общения	Ожидания от общения									
		Внимания и понимания	Терпимости	Единомыслия	Сочувствия	Помощи, поддержки	Вежливости	Доверия	Признания правоты	Готовности к компромиссу	Сохранения отношений
Мужской	терминальные	12,2	3,5	11,4	3,8	9,7	3,9	12,8	0,9	2,2	8,8
	инструментальные	9,4	10,4	11,9	2,6	9,5	4,8	8,6	2,7	4,8	7,4
Женский	терминальные	12,4	2,5	11,0	4,3	7,3	3,7	10,9	0,7	2,7	11,1
	инструментальные	8,6	3,8	9,8	3,3	9,7	2,7	6,4	2,2	2,0	9,3

Особенно наглядно социокультурные гендерные особенности ожиданий проявлены по критериям *внимания и понимания, единомыслия, доверия и сохранения отношений*. Рассмотрим их.

Так, значения индексов, рассчитанные для группы юношей и девушек, совпадают в аспекте ожиданий *внимания и понимания* со стороны тех, с кем они общаются. Индекс ожиданий *внимания и понимания* у юношей, исповедующих терминальные ценности общения, составил 12,2, у девушек – 12,4. По этому же критерию индекс ожиданий у юношей, разделяющих инструментальные ценности, чуть выше (9,4), чем у девушек (8,6), и ниже, чем у их сверстников в «терминальной» группе.

Ожидания *единомыслия* также имеют достаточно высокий индекс на общем уровне (11,9 – 11,1) как в мужской группе, так и в женской, за исключением девушек, разделяющих инструментальные ценности общения (их индекс ожиданий *единомыслия* составил 9,8).

² Расчет индекса. Индекс ожидания рассчитывался по формуле $A/10$, где A – процент респондентов в их распределениях ожиданий.

В ожиданиях проявления *доверия* в процессе общения наблюдаются значимые гендерные различия: у юношей индекс этого типа ожиданий выше, чем у девушек. Так, у юношей, носителей терминальных смыслов общения, значение индекса составляет 12,8, инструментальных – 8,6. А среди девушек, соответственно, 10,9 и 6,4. Анализ индекса *сохранения отношений* как вида ожидания показывает, что в женской гендерной группе он выше, чем в мужской. Особенно во взаимосвязи с терминальным смыслом общения – индекс равен 11,1 против 8,8, но также и с инструментальным 9,3 против 7,4.

Рассмотрим, как распределяются ожидания от общения среди носителей терминальных и инструментальных смыслов, имеющих различный уровень образования (см. таблицу 4).

Таблица 4

Сопряженность смыслов общения и ожиданий от общения в разных уровнях образования (в индексах)³

Уровень образования	Смыслы общения	Ожидания от общения									
		Внимания и понимания	Терпимости	Единомыслия	Сочувствия	Помощи, поддержки	Вежливости	Доверия	Признания правоты	Готовности к компромиссу	Сохранения отношений
Начальное общее	Терминальные	12,5	2,7	9,4	5,7	11,5	3,5	12,4	0,5	0,8	9,5
	Инструментальные	8,3	0,4	9,8	3,9	9,3	3,9	12,2	0,0	3,0	7,8
Среднее общее	Терминальные	12,9	3,1	10,4	5,0	10,7	4,2	11,1	0,8	2,6	8,5
	Инструментальные	10,7	6,6	9,1	1,8	7,8	5,7	6,8	2,7	3,1	7,6
Среднее профессиональное	Терминальные	12,7	3,3	9,4	2,3	11,9	2,7	11,0	0,9	1,9	9,9
	Инструментальные	9,4	3,8	10,2	2,0	12,8	3,7	9,0	1,7	4,6	9,4
Высшее (бакалавр)	Терминальные	10,0	2,4	12,0	4,0	9,0	4,1	12,2	0,7	2,7	10,8
	Инструментальные	9,1	3,0	13,2	1,9	5,6	3,7	6,1	5,3	6,1	5,4
Высшее (магистратура, специалист)	Терминальные	11,5	2,3	13,3	5,1	10,1	3,7	8,1	0,8	3,4	9,3
	Инструментальные	7,2	4,7	13,3	6,1	11,9	2,9	2,3	2,2	4,7	8,7

³ Расчет индекса. Индекс ожидания рассчитывался по формуле $A/10$, где A – процент респондентов в их распределениях ожиданий.

В группах с различным уровнем образования выделяются ожидания *внимания и понимания, единомыслия, помощи и поддержки, доверия и сохранения отношений*, доминирующие у всех носителей терминальных и инструментальных смыслов общения, независимо от уровня образования. Подобная корреляция характерна также для возрастных и гендерных групп.

Вместе с тем заметна тенденция редукции ожиданий *доверия* для носителей терминальных ценностей в зависимости от уровня образования: для респондентов, имеющих начальное общее образование, индекс ожидания *доверия* составляет 12,4, а для респондентов, имеющих высшее образование (уровня магистр, специалитет), индекс ожидания *доверия* – 8,1. Для носителей инструментальных ценностей с начальным общим образованием он составляет 12,2, а для носителей инструментальных ценностей с высшим профессиональным образованием (магистратура, специалитет) индекс ожидания *доверия* рекордно низкий и составляет 2,2, что соответствует по используемой нами методике расчёта 22 % респондентов при множественных ответах.

В случае ожидания единомыслия в процессе общения мы наблюдаем противоположную тенденцию: рост уровня образования напрямую связан с ростом его значения. Однако потребность в единомыслии означает вовсе не унификацию, а стремление использовать общение как способ обретения единомышленников, людей со схожими ценностно-смысловыми установками.

Обсуждение

Анализ особенностей формирования коммуникативных ожиданий молодежи в зависимости от сложившихся в ее среде смыслов общения показал, что выделяется группа устойчивых ожиданий, которые можно рассматривать как универсальные характеристики коммуникативного пространства молодежи. К ним относятся ожидания *внимания* к себе и *понимания* со стороны участников коммуникативного взаимодействия, ожидания *единомыслия* как проявления сродства смысловых установок и основанных на них жизненных позиций, *помощи и поддержки* как проявления деятельностного участия, основанного на милосердии, сострадании и солидарности, *доверия* как признания другими своей значимости и залога устойчивости коммуникативного взаимодействия и, наконец, *сохранения отношений* как проявления преемственности и постоянства окружающего мира, иными словами, онтологической безопасности в терминологии Э. Гидденса. Эта тенденция распространяется на все анализируемые группы: по возрасту, полу и образованию.

Все перечисленные ожидания связаны общими социокультурными традициями, восходящими к социальному укладу жизни россиян, сложившемуся исторически и в значительной мере запечатленному в культурном пространстве реальности. В своей традиционной части характер ожиданий имеет корни соборности, коллективизма, крепких отношений, во многом обусловленных необходимостью коллективного выживания, где единомыслие, взаимопонимание, доверие и взаимная поддержка являются инструментами поддержания целостности и порядка. Эти ценности являются вековыми смысловыми опорами общей коллективной жизни россиян и вошли в структуру коллективного бессознательного. Выстроенные на их основе ожидания определяются фоновым контекстом, сформированным

культурой, и задают традиционный социокультурный характер саморегуляции общения.

Вместе с тем в разных социально-демографических группах мы наблюдаем, как ожидания от общения определяются социокультурным контекстом жизнедеятельности разных подгрупп молодежи как социально-демографической группы. Например, ожидание *внимания и понимания* в целом для носителей терминальных смыслов общения имеет самый высокий статус среди других ожиданий, а в возрастных и гендерных группах различия в ожиданиях *внимания и понимания* имеют социокультурные основания и формируются в ходе социализации, которая закладывает гендерные различия в смысловых конструктах, ценностно-нормативных образцах и поведенческих стереотипах юношей и девушек. Формируются разные гендерные ожидания от общения, которые задают ситуативный социокультурный характер коммуникативного взаимодействия молодежи.

Социокультурный подход к анализу социокультурных оснований общения как одного из феноменов реальности позволяет выявить его доминирующие смыслы. Несмотря на общую тенденцию инструментализации и прагматизации молодежи, в сфере общения терминальные смыслы преобладают над инструментальными.

Групповые различия во взаимосвязи смыслов и ожиданий от общения объясняются дифференцированным культурным опытом внутри групп, их спецификой ожиданий от общения. Наиболее существенные возрастные групповые особенности связаны с высокой значимостью ожиданий *внимания и понимания* для всех возрастов, одновременно с тенденцией к снижению этой потребности с возрастом, а также ростом ожиданий *единомыслия* и *сохранения отношений* с возрастом. Гендерные особенности отражают современные тенденции в ролевых распределениях взаимодействий мужчин и женщин и обусловлены совокупностью традиционных и современных социокультурных факторов. В терминальных смыслах общения для мужчин наиболее значимы ожидания *внимания и понимания, доверия* от общения – в отличие от женщин, которые более всего ждут, помимо *внимания и понимания, единомыслия* и *сохранения отношений*. На гендерном уровне ожидания *доверия* у мужчин и *единомыслия* и *сохранения отношения* у женщин находятся в частично пересекающихся смысловых пространствах общения. В группах, характеризующих уровень образования, изменение смыслов общения и, как следствие, характера ожиданий проявилось в противоположности тенденций ожиданий *доверия* и *единомыслия* в связи с ростом уровня образования.

Социокультурные особенности ожиданий молодежи связаны как с доминированием терминальных смыслов над инструментальными благодаря базовым культурным контекстам, так и с дифференцированием ожиданий в социально-демографических группах, обусловленных ситуативными основаниями культурных контекстов.

Социокультурные особенности ожиданий от общения молодежи определяются как фоновыми культурными контекстами, ведущими к доминированию терминальных смыслов общения, так и ситуативными основаниями культурных контекстов, детерминирующих дифференциацию ожиданий в социально-демографических группах.

Ссылки

1. Кузьмин А. В. Ценностно-смысловой контекст досугового общения молодежи // Вестник МГУКИ. 2011. № 6. С. 81–85.
2. Стоянов А. С. Структура ожиданий в диалектике потребностей: к устойчивости общества. // Социология. 2020. № 5. С. 195–221.
3. Зубок Ю. А., Чупров В. И. Смысложизненные ценности в культурном пространстве российской молодежи // Научный результат. Социология и управление. 2018. Т. 4. № 3. С. 3–13. DOI: 10.18413/2408-9338-2018-4-3-0-1
4. Зубок Ю. А., Любутов А. С. Смысловое пространство реальности: структурная таксономия оснований саморегуляции взаимодействий в молодежной среде // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2021. Т. 14. № 3. С. 167–181. DOI: 10.15838/esc.2021.3.75.10
5. Зубок Ю. А., Чупров В. И., Сорокин О. В. Смысловая саморегуляция жизни молодежи: гендерные различия в сфере труда // Женщина в российском обществе. 2020. Специальный выпуск. С. 38–59. DOI: 10.21064/WinRS.2021.0.3
6. Пирс Ч. С. Принципы философии. СПб.: С.-Петербург. филос. общ-во, 2001. 541 с.
7. Моррис Ч. У. Труды по общей теории знаков. Den Haag: Mouton, 1971. 330 с.
8. Андреева Г. М. Социальная психология. М.: Изд-во Московского университета, 2016. 256 с.
9. Лабунская В. А. О смысловом пространстве невербального общения // Российский психологический журнал. 2014. Т. 11. № 3. С. 93–109.
10. Леонтьев Д. А. Смыслообразование и его контексты: жизнь, структура, культура, опыт // Мир психологии. 2014. № 1. С. 104–117.
11. Зубок Ю. А., Чанкова Е. В. Динамика ценностей общения в коммуникативном пространстве молодежи // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2022. № 1. С. 18–30. DOI: 21685/2072-3016-2022-1-2.

Information security in the new social reality: key features and ways of preservation

S. G. Karepova¹, M. V. Kostolomova¹, S. V. Nekrasov¹, A. N. Pinchuk^{1,2}

¹Institute of Sociology of FCTAS RAS, 6 Fotieva str., building 1, Moscow, Russian Federation

²Plekhanov Russian University of Economics, 36 Stremyanny Lane, Moscow, 117997, Russian Federation

DOI: 10.18255/2412-6519-2022-2-190-203

Research article
Full text in Russian

The article deals with the aspect of the national security of the country including information security and its scientific-practical arrangements for consolidation and preservation, which appears to be relevant and enshrined in the regulatory state documents. The main content of the article considers both the key features of information security within various interdisciplinary national scientific studies and its normative consolidation. The article highlights information security in the current context that determines the bifurcational essence of Russia's modern social reality. Special attention is paid to the social and psychological aspect of understanding the phenomenon leading to modern society's consciousness. The authors note that the managerial implementation plan of information security has not been theoretically and practically thrashed out yet, and it is currently being paid insufficient attention to. The article presents a number of scientific-practical arrangements for information security consolidation at the societal level including the potential of such system-creating factors as scientific, educational, lawmaking and others. Clearly, the list of the arrangements presented requires further elaboration and is not comprehensive. This research area is noted to have a prominent scientific potential and a high scientific-practical demand in the future.

Keywords: social and scientific knowledge; new social reality; national security; information security; ways of preservation; society; manipulation; consciousness security

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Karepova, Svetlana G. | E-mail: Svetlran@mail.ru
Cand. Sc. (Sociology), Leading Researcher

Kostolomova, Marina V. | E-mail: m.kostolomova@yandex.ru
Cand. Sc. (Sociology), Leading Researcher

Nekrasov, Sergey V. | E-mail: sv_79@inbox.ru
(correspondence author) | Research Fellow

Pinchuk, Antonina N. | E-mail: antonina.pinchuk27@bk.ru
Cand. Sc. (Sociology), Associate Professor

For citation: Karepova S. G., Kostolomova M. V., Nekrasov S. V., Pinchuk A. N. Information security in the new social reality: key features and ways of preservation // Social'nye i gumanitarnye znaniya. 2022. Vol. 8, No 2. P. 190-203. (in Russ.)

Информационная безопасность в условиях новой социальной реальности: специфика и способы сохранения

С. Г. Карепова¹, М. В. Костоломова¹, С. В. Некрасов¹, А. Н. Пинчук^{1,2}

¹Институт социологии ФНИСЦ РАН, ул. Фотиевой, 6, стр. 1, Москва, 119333, Российская Федерация
²Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова, Стремянный пер., 36, Москва, 117997, Российская Федерация

DOI: 10.18255/2412-6519-2022-2-190-203
УДК 316

Научная статья
Полный текст на русском языке

Статья посвящена актуальному и закреплённому в рамках нормативных государственных документов аспекту национальной безопасности страны – информационной безопасности и мерам ее научно-практического укрепления и сохранения. В основном содержательном контенте статьи рассматриваются как специфика и особенности самой информационной безопасности в рамках различных междисциплинарных национальных научных исследований, так и ее нормативное закрепление на уровне законодательных актов. Актуализируется современный контекст информационной безопасности, детерминирующий бифуркационную природу современной социальной реальности России. Особое внимание уделяется социально-психологическому направлению понимания феномена с выходом на сознание современного социума. Авторами отмечается организационно-управленческий план реализации информационной безопасности, который наиболее теоретически и практически не проработан и которому в настоящее время уделяется недостаточное внимание. В рамках статьи предлагается ряд научно-практических действий по ее укреплению на социальном уровне, включающем потенциал системообразующих факторов (научный, образовательный, законотворческий и т. д.). Безусловно, представленный перечень требует на перспективу дальнейшей разработки и не является содержательно исчерпывающим. Данная научная тематика отмечается выраженным исследовательским потенциалом и высокой научно-практической востребованностью в будущем.

Ключевые слова: социально-научное знание; новая социальная реальность; национальная безопасность; информационная безопасность; способы сохранения; общество; манипуляция; безопасность сознания

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Карепова, Светлана Геннадьевна | E-mail: Svetlran@mail.ru
Кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник

Костоломова, Марина Викторовна | E-mail: m.kostolomova@yandex.ru
Кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник

Некрасов, Сергей Владимирович | E-mail: sv_79@inbox.ru
(автор для корреспонденции) | Научный сотрудник

Пинчук, Антонина Николаевна | E-mail: antonina.pinchuk27@bk.ru
Кандидат социологических наук, Доцент кафедры политологии и социологии, старший научный сотрудник

Для цитирования: Карепова С. Г., Костоломова М. В., Некрасов С. В., Пинчук А. Н. Информационная безопасность в условиях новой социальной реальности: специфика и способы сохранения // Социальные и гуманитарные знания. 2022. Том 8, № 2. С. 190-203.

© Карепова С. Г., Костоломова М. В., Некрасов С. В., Пинчук А. Н., 2022

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

Введение

Современный глобальный мир переживает период глубинных трансформационных изменений. Наряду с текущими социальными, экономическими и политическими процессами сложившаяся новая современная реальность пронизана возникающими и, по сути, не прогнозируемыми извне большими вызовами и рисками, опасными своим непредсказуемым и взрывным потенциалом. В данном контексте речь идёт о таких событиях, как, например, потрясая мир пандемия вируса COVID-19, неконтролируемая экспансия новых технологий или недавно разразившаяся на Украине ситуация. На первый взгляд, эти процессы содержательно не имеют ничего общего, однако их объединяет определяющая всю социальную реальность характеристика – они представляют собой угрозу для национальной безопасности России как суверенного государства. *Обозначенная проблема имеет различные аспекты актуализации в рамках нормативного регулирования и научного рассмотрения.*

С учётом контекста становления новой социальной реальности национальная безопасность утратила значение узко отраслевой оборонной направленности и стала носить интегральный характер, объединив в себе системно все виды безопасности.

С точки зрения нормативного регулирования, национальная безопасность – это «состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод граждан Российской Федерации, достойные качество и уровень их жизни, суверенитет, независимость, государственная и территориальная целостность, устойчивое социально-экономическое развитие Российской Федерации»¹. Национальная безопасность включает в себя оборону страны и все виды безопасности, предусмотренные Конституцией Российской Федерации и законодательством Российской Федерации, прежде всего государственную, общественную, информационную, экологическую, экономическую, транспортную, энергетическую безопасность, безопасность личности. Федеральный Закон «О безопасности» «определяет основные принципы и содержание деятельности по обеспечению безопасности государства, общественной безопасности, экологической безопасности, безопасности личности, иных видов безопасности, предусмотренных законодательством Российской Федерации...»². При этом перечень ключевых сфер, по которым осуществляется регламентация и разработка мер по обеспечению безопасности, расширяется адекватно потребностям общества, а также стихийно формируемым угрозам и рискам.

Проведение специальной военной операции на Украине положило начало массовому информационному воздействию извне, которое «наслоилось» на ментально и психологически дестабилизированное российское общество. Недостоверная информация, декларируемая в СМИ, затрагивает как течение самой операции, так и связанные с ней заявления в целях подрыва авторитета российского руководства. Распространение ложных фото- и видеоматериалов как один из элементов информационной войны в рамках гибридной войны, развертывающейся против России,

¹ Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // КонсультантПлюс: сайт. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/ (дата обращения: 15.04.2022).

² Федеральный закон «О безопасности» от 28.12.2010 № 390-ФЗ (последняя редакция) // КонсультантПлюс: сайт. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_108546/ (дата обращения: 15.04.2022).

провоцирует общественное сознание на формирование образа «внутреннего врага», подозрительности, сепарации общества на «своих» и «чужих».

Актуальность изучения информационной безопасности подтверждается также спецификой ее инструментального характера и функционирования, оказывающей влияние на «ключевые ценностные и духовно-нравственные установки, мотивации и диспозиции современного социума, являющиеся фундаментальной основой как конструирования людьми самой социальной реальности России, так и формирования направления её развития» [1, с. 24].

Все эти процессы в социуме *актуализировали аспект разработки и поддержания информационной безопасности*, под которой понимается «... состояние защищенности информационных ресурсов (информационной среды) от внутренних и внешних угроз, способных нанести ущерб интересам личности, общества, государства (национальным интересам)»³. Следует отметить, что информационная безопасность в рамках национальной безопасности занимает ведущую позицию. Регулирующими нормативными документами данной области стали: Доктрина информационной безопасности от 05.12.2016 № 646, регулирующая систему защиты от цифровых угроз, отражение которых нацелено на предотвращение рисков в сфере информационной безопасности; Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27.07.2006 № 149-ФЗ; Стратегия национальной безопасности Российской Федерации от 02.07.2021 № 400; Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 гг., утвержденная Указом Президента Российской Федерации от 09.05.2017 № 203 и др.

«С 2011 г. Российская Федерация также предлагает проект Конвенции об обеспечении международной информационной безопасности, где впервые на нормативно-правовом уровне вводится понятие «информационной войны» как «противоборства между двумя или более государствами в информационном пространстве с целью нанесения ущерба информационным системам, процессам и ресурсам, критически важным и другим структурам, подрыва политической, экономической и социальной систем, массивированной психологической обработки населения для дестабилизации общества и государства, а также принуждения государства к принятию решений в интересах противоборствующей стороны» [2, с. 182]. Данный проект предполагает обязательство стран-членов «не использовать информационно-коммуникационные технологии для вмешательства в дела, относящиеся к внутренней компетенции другого государства». Однако разворачивающаяся общемировая политическая и информационная обстановка указывает не только на принципиальную невозможность рассмотрения данного предложения, но и на крайне агрессивную, «дерусифицирующую» позицию ряда мировых государств по отношению к России. Исходя из конкретных действий «недружественных» стран (например, многочисленные пакеты санкций), можно предполагать, что их подобная реакция является предлогом, неким триггером для развёртывания антироссийскости как глобальной политической, социальной, культурной парадигмы. *Когерентность дестабилизирующих условий современной социальной реальности и психоэмоционального, духовного*

³ Указ Президента РФ от 05.12.2016 № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации // КонсультантПлюс: сайт. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_208191/02ede4153cefcdb2787580144c4bd05be466415f9/ (дата обращения: 15.04.2022).

коллективного сознания формирует новизну данной проблематики в разрезе научного дискурса.

Многие аспекты современных принципов информационной войны и информационной безопасности базируются на известных постулатах китайского полководца Сунь-цзы и на его трактате «Искусство войны», посвященном методам информационного воздействия. В данной содержательной парадигме выстроены работы Ж. Жоффра, К. фон Клаузевица, М. Кутузова, П. Нахимова, которые также отмечали, что информационное воздействие на противника может полностью его деморализовать и ослабить.

Научный аспект современных разработок в сфере информационной безопасности основывается на теоретико-методологических разработках советских и российских ученых С. П. Расторгуева, Р. М. Юсупова, рассматривавших информационную безопасность как защиту информации как таковой и защиту от информации, разрушающей устоявшиеся в социуме «картины мира» на социально-психологическом уровне.

Точку зрения о тотальном контроле над информацией, кибернетических рисках, сетевых войнах и др., а также о необходимом наличии оперативной реакции на возникающие информационные риски постулируют в своих работах С. П. Расторгуев, А. И. Ивлева, С. Н. Бухарин, М. В. Арсентьев, А. В. Тонконогов и др. Большой тематический блок исследований по данной проблематике А. Г. Глушкова, А. А. Смирнова, В. В. Цыганова, В. В. Кульбы и др. посвящен методологической составляющей, нацеленной на регуляцию действий различных акторов, обеспечивающих данный вид безопасности на глобальном государственном и локальном организационном уровнях.

Междисциплинарный, социетальный план обозначенной проблематики представлен работами ученых-правоведов П. У. Кузнецова, Е. К. Волчинской, И. Л. Бачило и др., чьи работы направлены на регулируемую роль нормопрактик в информационном поле.

Экономический срез информационной безопасности достаточно полно представлен работами А. В. Зуева, Л. В. Мясникова.

Информационно-технологическая безопасность больших промышленных систем рассмотрена в работах Н. А. Махутова, М. М. Гаденина, В. В. Москвичева, Д. О. Резникова, Р. С. Ахметханова.

Геополитический и политический аспекты проблемы отражены в научном творчестве А. А. Кокошина, Е. О. Кубякина, И. Ю. Сундиева, А. Ф. Федорова и др.

Альтернативное направление информационной безопасности, нацеленное на изучение сугубо информационных войн и информационного противоборства, представлено работами В. В. Цыганова, А. Г. Дугина, Ю. А. Матвиенко и др.

Сугубо социально-научный взгляд на информационную безопасность отражен в исследованиях С. Г. Кара-Мурзы, Н. Н. Богомолова, Т. В. Науменко, И. Н. Панарина, И. Д. Фомичёва и др.

Научно-исследовательский вклад отечественных и зарубежных ученых в разработку данного научного направления трудно переоценить. Актуальность и востребованность его дальнейшего научного изучения будет только возрастать.

Методы

Информационную и научно-практическую основу работы составила специализированная литература по проблемам информационной безопасности, ее общим теоретико-методологическим основам. Использовались специализированные узкопрофильные материалы по наиболее актуальным аспектам: статьи, авторефераты диссертационных исследований и пр.

При этом авторами отмечено, что в России больше развита теоретическая (социально- психологическая) составляющая информационной безопасности. Выраженная гуманитарная разработанность проблематики детерминирована общей социально-научной и социально- философской проработанностью темы и обусловлена глубоким теоретическим заделом в данных областях знания. Анализ вышеупомянутых научных трудов позволил актуализировать превентивную составляющую информационной безопасности. В связи с этим в перспективе от научного сообщества потребуется не только общее теоретическое обобщение проблем информационной безопасности, но и выход на научно-практический уровень данной проблематики в связи со сложившейся геополитической ситуацией и общим социально-политическим вектором развития новой России.

Отмечается, что все большее значение будет приобретать междисциплинарный контекст исследований, детерминированный сложностью и многогранностью самого феномена, требующего привлечения инструментария таких смежных социально-научных дисциплин, как психология, этика, культурология, медицина, социология, право, философия, политология, технические науки и др.

В работе использовались первичный и вторичный анализ материалов по профильному направлению, сравнительный анализ научно-исследовательских подходов к пониманию сути информационной безопасности, описание, систематизация, обобщение и др.

Данное направление научных исследований имеет выраженную актуальность, поскольку «информационные пространства активно осваиваются как новые сферы ведения военных действий»⁴ на уровне ментальной войны, в соответствии с чем первостепенно важно «... развитие безопасного информационного пространства, защита российского общества от деструктивного информационно-психологического воздействия»⁵.

В работе отмечено, что с помощью развитых технологий управляемого хаоса разнородные воздействия смещаются на уровень сознания человека, когда на практике используются апробированные в течение долгого времени методы и способы управления им.

Авторы также акцентируют свое внимание на том, что все информационное воздействие или информационные войны ориентируются сегодня на человеческое сознание и разум, как самое слабое и открытое для воздействия и поражения место. Подобная война – это всегда война смысловая, глубинная, но именно она предопределяет наше поведение и ментальность. Воздействие на этот пласт психики влечет за собой ряд серьезнейших проблем мировоззренческого характера, что подтверждается активным информационным воздействием на установки, мотивации,

⁴ Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // КонсультантПлюс: сайт. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/ (дата обращения: 15.04.2022).

⁵ Там же.

диспозиции социума, являющиеся фундаментальной основой конструирования как самой социальной реальности, так и формирования желательного/нежелательного направления ее развития. Социальная реальность создается именно на основе глубоко субъективного миропонимания [1]. На поверку решающее значение начинает приобретать и так называемый человеческий фактор.

Не стоит также забывать, что любой хаос, включая информационный, как правило, «... имеет четкую причинно-следственную мозаику и те скрытые закономерности, выявить и предотвратить которые следует в рамках превентивной роли информационной безопасности. Речь идет о системном уровне и единых звеньях взаимосвязанных процессов в социуме без их одномерной событийной фиксации, что позволит понять направления изменений структуры будущего, цели и задачи многих социетальных процессов, а также определиться «зачем? и куда?» они ведут общество. Только тогда можно будет сложить «мозаику» происходящего и так называемый хаос исчезнет. Целесообразно говорить о социально-психологическом аспекте изучения данной проблематики» [3, с. 33].

Авторами актуализируется организационно-управленческий план реализации информационной безопасности, который наиболее теоретически и практически не проработан и которому, с нашей точки зрения, уделяется недостаточно внимания.

Социум в перспективе ждет своеобразная «гонка вооружений» в управленческой области принятия решений и управления технологиями воздействия на общественное сознание и поведение. Именно поэтому существует необходимость создания системы информационной безопасности, где особое внимание уделено проблеме включения социально-научных разработок в принятие государственных решений. Разумно вести речь об интеграции социологического знания в нормативную практику, что позволит на гуманитарной основе, с учетом конкретных исследований прогнозировать риски и угрозы в информационном пространстве и управлять ими.

Данное направление дает возможность использовать научный методологический и, в частности, социологический аппарат, позволяющий учитывать, проверять, отсекаать сомнительную информацию и оценивать степень возникающих и возрастающих угроз. Использование социально-научного знания позволит эффективно противодействовать им и одновременно принимать адекватные решения в проблемной сфере. Это касается и защиты самой информации, и защиты от информации, что детерминировано всеобъемлющей информатизацией всех социетальных систем жизнедеятельности современного социума.

Целесообразно также в будущем использовать на практике ряд наиболее перспективных научных направлений (методик), нацеленных на изучение возможностей влияния на общественные процессы через информационное пространство. К таким направлениям можно отнести разработку так называемого «социального лазера», или технологию управления социумом, с помощью информационных воздействий в информационном пространстве и другое направление – миметику, которая с эволюционной точки зрения подходит к изучению процессов изменения культуры, тем самым управляя информационным пространством социума. Эти исследования носят также выраженный междисциплинарный характер на стыке математики, физики, информатики, культурологии и т. д.

В работе также теоретически осмыслены некоторые моменты методологии манипулирования сознанием с помощью «методов воздействия на коллективное со-

знание» [4]. Интенсивность данного воздействия возрастает пропорционально социальным изменениям в обществе и требует управления.

Исследования по обозначенной проблематике имеют высокую научную актуальность, социальную востребованность в будущем и будут продолжаться на междисциплинарном научном уровне, что подтверждается перманентно ведущейся информационной войной и современным бифуркационным состоянием новой социальной реальности России.

Результаты

Информационная безопасность в «Доктрине информационной безопасности Российской Федерации» входит в комплекс девяти ключевых угроз новой социальной реальности России, что указывает на ее несомненную важность. Данный уровень включения подразумевает не только специализированные методы и средства противодействия угрозам информационной безопасности, но также учет социально-психологического фактора как на индивидуальном, так и групповом уровнях.

Ключевой уровень значимости приобрели именно процессы, происходящие на уровне массового и индивидуального сознания, связанные с осмыслением социальной реальности, формированием новой картины мира в социуме и трансформацией ее устоявшихся форм. Массовое и индивидуальное сознание взаимосвязаны и взаимообусловлены. В соответствии с чем массовое сознание это «... не простая совокупность индивидуальных сознаний, а целостное образование, обладающее внутренней структурой, которая включает в себя различные уровни (теоретическое, обыденное сознание, идеология, общественная психология) и формы сознания (политическое, правовое, этическое, эстетическое, научное, религиозное, философское). Оно обладает выраженными интегративными качествами, присущими ему как цельному социальному образованию. Массовое сознание, как правило, обладает своими характеристиками и неспособно к выработке собственных критических оценок происходящих в социуме событий, что значительно снижает возможность рационального восприятия событий и способствует повышению уровня управляемости. Здесь и таится основной потенциал бифуркаций, требующий внимания и защиты» [3, с. 34].

Как было отмечено выше, в рамках современной открытости информационных потоков основные информационные удары, имеющие значительный разрушительный потенциал, ориентируются на достаточно легкую цель – незащищенное человеческое (социума) сознание, поскольку это самое слабое место в системе воздействия.

В мире достаточно давно для ослабления информационной безопасности оппонентами нашей страны ведется разработка *когнитивного оружия* как эффективного инструмента поражения сознания современного российского социума. Данный вид оружия используется как инструмент ослабления и десоверенизации страны через поражение сознания социума. По сути, на ментальном уровне социума ведется *когнитивная война*, нацеленная на войну смыслов и воздействующая на высший уровень мышления человека, его ценности и смысловые конструкции, которые определяют его поведение. Меняя их, в результате мы можем получить иной тип поведения.

Когнитивная война требует создания адекватной когнитивной защиты, использующей социальные технологии облегчения человеческого когнитивного мыш-

ления. Защита подобного рода базируется на противодействии разрушительным информационным технологиям. В настоящее время существует насущная необходимость в создании когнитивной безопасности, позволяющей оперативно находить угрозы и риски информационной безопасности в информационном пространстве и управлять ими. Решение поставленной задачи, несмотря на её научно-методологический ракурс, невозможно без обращения к имеющейся нормативно-правовой базе, регламентирующей процессы, связанные с вопросами информационной безопасности. В процессе актуализации и совершенствования способов предотвращения информационных угроз и обеспечения информационной безопасности определяющим условием является ресурсная составляющая. В этой связи целесообразно обратиться к таким категориям, указанным в Доктрине, как силы и средства информационной безопасности.

Под силами обеспечения информационной безопасности понимаются «государственные органы, а также подразделения и должностные лица государственных органов, органов местного самоуправления и организаций, уполномоченные на решение в соответствии с законодательством Российской Федерации задач по обеспечению информационной безопасности»⁶. В то время как «средства обеспечения информационной безопасности – правовые, организационные, технические и другие средства, используемые силами обеспечения информационной безопасности»⁷. В рамках наиболее востребованного направления в исследовании проблематики информационной безопасности *актуализируется ее практическое организационно-управленческое направление, которому, с нашей точки зрения, уделяется недостаточное внимание*. Речь идет о ряде научно-практических действий по укреплению информационной безопасности, включающему потенциал системообразующих факторов (научный, образовательный, законотворческий и т. д.) новой социальной реальности, к которым можно отнести:

1. *Прямое законодательное регулирование негативных информационных процессов новой социальной реальности*. В рамках уже имеющегося положительного опыта принятия закона о фейках или «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьей 31 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» от 04.03.2022 г., по результатам применения которого устанавливается «... уголовная ответственность за публичное распространение заведомо ложной информации, содержащей данные об использовании Вооружённых Сил Российской Федерации и за публичные действия, направленные на их дискредитацию»⁸, целесообразно, с нашей точки зрения, расширить ареал его регулятивного поля с включением в него информационного контента социальных сетей и СМИ. Разумная цензура позволит отсепарировать негативные информационные потоки, направленные на сознание масс. Подобные законы, с одной стороны, предотвращают

⁶ Указ Президента РФ от 05.12.2016 № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации // КонсультантПлюс: сайт. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_208191/02ede4153cefcb2787580144c4bd05be466415f9/ (дата обращения: 15.04.2022).

⁷ Там же.

⁸ Федеральный закон от 4 марта 2022 г. № 32-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // ГАРАНТ: сайт <https://base.garant.ru/403609306/#friends> (дата обращения: 15.04.2022).

появление фейков, с другой стороны, напоминают о социальной миссии и необходимости соблюдения профессиональной «чистоплотности» блогерам и журналистам.

2. *Поиск адекватных форм развития бдительности и диалога об информационной безопасности с гражданами страны.* Речь идет, как пример, о пока содержательно спорном предложении фракции «Справедливая Россия» о создании сайта жалоб и предложений для россиян, где можно отражать данные тех, кто выступает против «спецоперации» в Украине. Весь сбор информации предлагается передавать напрямую в Следственный комитет РФ. Как считают члены партии, «... пришло время настроить кадровую политику государства на патриотическую волну. Это не про чистки, это про любовь к стране. Мы уверены, что правда поможет работать лучше тем, кто готов. И освободить должности тем, кто не хочет ставить цели Родины выше личных интересов» [5]. Справедливо отметить, что целесообразность в этом предложении есть, но формат подобного диалога требует выработки индикаторов адекватности реальным событиям и поиска дополнительных форм.

3. *Формирование открытого, правдивого информационного пространства в социуме и прямого диалога между властью, научным сообществом и гражданами страны.* Смещение реального и виртуального в социуме породило такое явление, как «постправда». Это особый диалог в социуме, базирующийся на эмоциях, а не на разуме, на личном субъективном мнении, а не на фактах. И в таком контексте «пост» означает «вне» правды, то есть «за ее гранью». В таком дискурсе реальная фактология становится неважной, доказательства подлинности теряют смысл в мире субъективизма и фактической виртуальности. Непреходящую важность приобретают фейки, ложь, воздействующие на эмоции людей и нацеленные на достижение определенной цели. Отсутствие фактов ставит «постправду» вне адекватности, а следовательно, вне уязвимости для критики. Есть сознание социума, информационно обработанное журналистами, политиками, блогерами, и этого достаточно. «... Общество постмодерна принципиально плюралистично. Нет одной правды, одной трактовки истории, одной культуры» [6, с. 102]. «... Следовательно, в современном обществе достоверность любого сообщения, суждения зависит от индивидуальных, групповых предпочтений. Предпочтения, установки легко конструируются и режиссируются с использованием социальных технологий» [7, с. 14].

Подобный конструкт информационного воздействия не способствует устойчивому развитию социума и выводит его на общий уровень недоверия к власти и к проводимой в стране политике. Во избежание подобного развития необходимо позволить социуму самому разобраться в том, где правда, а где ложь, предоставив ему реальную фактологию. В диалоге с обществом необходимо опираться на реальные факты, подтвержденные научными и экспертными заключениями, достоверной документалистикой. Настало время вскрывать правду и действовать в едином властном и народном мейнстриме. Социум ждет подобного диалога от власти и готов на него ответить и поддержать ее.

4. *Создание, нормативное закрепление созидательной и объединяющей социум идеологии, включающей информационный защитный контекст.* Идеология в любом социуме всегда является тем базисом, который его цементирует и сохраняет на уровне сознания. Социум вне идеологии не имеет тех духовных скреп, которые позволяют ему сохраниться и быть защищенным на уровне личности, общества, государства.

5. *Формирование «... оборонного сознания у общества – иными словами, формирование в обществе сознания, которое должно охватывать идеологическую, когнитивную, информационную области существования социума. Но оборонное сознание само по себе не приходит, если не определены явные и скрытые противники»* [8, с. 490]. Следует обратить особое внимание на «невидимые рубежи», требующие дополнительных знаний в области управления коллективным сознанием, «... ведения информационных войн, политических технологий, включая теорию «управляемого хаоса», а также принципов функционирования сетевых структур» [9, с. 31].

6. *Включение научного потенциала (научного знания и методик) в систему принятия государственных решений с учетом информационной безопасности.* Кризисные процессы в социуме стимулируются и сопровождаются массивным информационным воздействием СМИ. Кризис проявляется в том, что хлынувший на общество поток информации и дезинформации по происходящим в нем процессам (общая геополитическая ситуация, военная операция на Украине и др.) объем и разноречив. Сознание социума дезориентировано, что влечет за собой потерю критической оценки происходящего и создает благодатную основу для негативного воздействия на него и манипуляцию им. В обществе сформировано «пространство страха», на фоне которого произошел легкий отказ от массы социальных завоеваний. Данные тенденции *должны быть управляемы и при наличии научной аналитики могут служить индикативными контурами новой социальной реальности*, указывающими на вероятные направления ее развития, включая негативные сценарии. В настоящее время в Российской Федерации не существует закона по интеграции научного знания в механизмы принятия решений на государственном уровне. «... Нет норм, которые бы государство в целом или его органы обязывали использовать достижения науки при принятии своих решений, при формировании и реализации государственной политики в различных областях и отраслях» [10, с. 145]. Но, как показывает практика, государственные решения не принимаются без уже имеющихся научных разработок по тематике закона, без привлечения научного сообщества к его обсуждению и без проведения соответствующих юридических методик, которые всесторонне способствуют закреплению научного знания в процессе принятия решений. Значимость научного знания трудно переоценить. Оно используется там, где требуются научные данные по проблеме и ее аналитика для последующего внесения научно обоснованных изменений.

К подобным методикам можно отнести мониторинг правоприменения, правовой мониторинг, оценку регулирующего воздействия и др. В целом методики нацелены на изучение действия законодательства на практике. Как правило, изучаются юридические недостатки законодательства, противоречие норм права и т. д.; работа субъектов правоприменения, искажение смысла закона, отсутствие единой практики его применения; выявляются противоречия в действующем законодательстве; вскрываются факты понимания или непонимания гражданами закона и др. Как правило, используется профильная закону научная информация. Особая роль отведена социологическому знанию. При анализе действия закона либо используют уже готовые результаты исследований, проведенные социологическими службами, либо осуществляется опрос населения и экспертного сообщества по конкретной сфере, регулируемой законом. Речь идет об интернет-опросах, omnibus и т. д. При рассмотрении материалов СМИ используется метод контент-анализа. Методики и их

дальнейшее использование на практике позволят предотвратить отсутствие методов моделирования юридических, экономических, социальных и др. последствий информационного воздействия, осуществлять прогнозы, обеспечивать обратную информационную связь, анализировать риски и др.

7. Целенаправленная образовательная работа с будущими профессионалами в области средств массовой информации. На стадии подготовки специалистов в области СМИ необходимо формировать у них высокое чувство ответственности перед обществом, патриотическое начало и высшую степень гуманизма по отношению к людям. В стране ощущается чрезвычайная нехватка высоких нравственных ориентиров, транслируемых через СМИ, которые должны содержательно быть идеологическим рупором эпохи, объединяющим общество новой России. Крайне востребована работа на созидание и диалог в социуме. Также в процессе образования целесообразно культивировать в сознании профессионалов ориентир на взаимодействие с Правительством Российской Федерации и на отражение проводимой им политики.

Особого внимания требуют тематические подборки, освещаемые СМИ, где необходимо взять курс на укрепление вертикали власти и консолидацию общества.

8. Целенаправленное изменение ценностных приоритетов в сознании общества через СМИ. Пандемия, геополитические проблемы, проводимая в стране военная операция поставили под вопрос сохранение вечных ценностей в обществе, таких как сохранение своей страны, ее территориальной целостности, «русского мира» как такового, жизни, духовного и физического здоровья и как следствие ценность поддерживающих их профессий. Речь идет о труде военных, врачей, педагогов, социальных служб и др. Необходимо вести речь о труде тех профессионалов, которые в критической ситуации становятся подлинным оплотом своей страны и общества. Сложившаяся ситуация в стране представила нам настоящих героев новой страны.

В настоящее время существует запрос обществу и государству на консолидацию усилий по формированию типологии новых героев, современных созидателей. Фактически речь идет о создании новой российской социальной «мифологии», где ведущую роль призваны сыграть современные СМИ. Формирование в сознании социума новых героев – тружеников – послужит подъему патриотизма в стране, ее укреплению и воспитанию новой генерации социально ответственных перед обществом людей.

Приведенный перечень научно-практических мер по укреплению и сохранению информационной безопасности далеко не исчерпывающий и подлежит дальнейшему расширению, углублению в контексте социального запроса и общей геополитической ситуации в стране.

Обсуждение

Современное российское общество, «откликающееся» на протекающие социально-политические и социокультурные трансформации, характеризуется довольно нестабильным, дезориентированным состоянием, что находит своё проявление на всех его уровнях жизнедеятельности. На макро- и микроуровне продолжают сказываться последствия «пандемийной» реальности, проводимой нашей страной военной спецоперации и др. Комфортная и привычная для социума картина мира уступила место совершенно иной, «корректированной» парадигме, где информационно-технологические, экономические и социально-психологические конструкторы

«обнулились». В данный момент мы находимся в процессе формирования иных, незнакомых для общества детерминант, контуров и ценностей. Всё это способствует формированию комплексов внутренних противоречий, наполняющих как индивидуальное, так и коллективное сознание. Глобальное давление, оказываемое на Россию, способствует прогрессирующему угнетению коллективного и индивидуального сознания, что формирует предпосылки для размывания национальной идентичности, гражданственности, сплоченности, настраивая российский социум на внутренний и внешний раскол. Решающее значение в этих процессах играют СМИ, отражающие эти процессы.

Вышеуказанные противоречия погрузили общество в некоторой степени в «анабиозное» состояние глубокого переосмысления универсальных базовых ценностей (жизнь, здоровье, любовь и пр.), как никогда близких к выхолащиванию и «развенчанию». Фактически затронут пласт психофизиологических процессов, отвечающих за ментальную стабильность, психическую устойчивость и потенциал адаптации к качественно иным условиям жизнедеятельности.

Информационное воздействие Запада не только на Россию, но и на другие страны сопровождается культивированием, навязыванием либеральных ценностей, чуждых внутренним национальным, культурно-историческим архетипам. «Либеральное государство стремится гомогенизировать разнообразные традиционные культуры людей. Вместо органической моральной общности со своим языком «добра и зла» надо усвоить новую совокупность демократических ценностей: быть «участником», человеком «рациональным», «секулярным», «мобильным», «сопереживающим» и «толерантным» [11, с. 59]. Удар нацелен фактически по «русскому миру», по сложившимся устоям российского социума. Выраженную актуальность приобретает социально-психологический аспект проблематики.

Укрепление информационной безопасности представляет собой важную системную задачу для государства. Описание и характерные черты таких действий представлены в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации.

Научно-методологический подход к описанной проблематике, обоснованный её новизной, а также поставленная задача переосмысления (актуализации) информационной безопасности в контексте условий новой социальной реальности формируют необходимость обозначения возможных практико-ориентированных способов укрепления информационной безопасности. Отдельного исследования требует наиболее актуальная проблема формирования системы адекватных мер нивелирования негативного информационного воздействия и сохранения информационной безопасности.

Заключение

В условиях новой социальной реальности именно информационная безопасность, ее когнитивный и социально-психологический аспекты обретают качественно новый, востребованный социумом статус. Безопасность становится не просто сферой, обеспечивающей решение социальных, политических, военных, информационных и иных опасностей, разумно вести речь о ее превентивной или упреждающей функции, которая должна лечь в основу комплексных программ с государственным статусом. Это четко прослеживается в нормативных документах, регулирующих данную сферу.

Особую роль в этом процессе призваны сыграть системообразующие институты науки, образования, нормотворчества, в том числе за счет формирования культуры личной информационной безопасности и воспитания нового, устойчивого к информационному воздействию социума.

Ссылки

1. Новая социальная реальность: системообразующие факторы, безопасность и перспективы развития. Россия в техносциальном пространстве (Коллективная монография). М.; СПб.: Нестор-История, 2020. 208 с.
2. Сазонова К. Л. «Гибридная война»: международно-правовое измерение // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2017. № 4. С. 177–187. DOI: 10.17323/2072-8166.2017.4.177.187.
3. Кареева С. Г. К вопросу о новой «посткарантинной» социальной реальности в контексте последствия пандемии COVID-19 // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2021. № 6. С. 32–39. DOI: 10.23672/o8471-3250-0580-j.
4. Некрасов С. В. К вопросу о методах воздействия на общественное сознание // Вестник НГЭУЭ. 2020. № 4. С. 184–201. DOI: 10.34020/2073-6495-2020-4-184-201.
5. Кузнецов Д. «Пришло время настроить кадровую политику государства на патриотическую волну ...» // СР – Справедливая Россия. Патриоты за правду: сайт. URL: <https://sprosims.szpravdu.org/> (дата обращения: 15.04.2022).
6. Bauman Z. Intimations of Postmodernity. N. Y., 1992. 261 p.
7. Осипов Г. В. Социальные науки и образование в условиях становления электронно-цифровой цивилизации // Социальные науки и образование в условиях становления электронно-цифровой цивилизации. Научно-практическая конференция. М.; СПб.: Нестор-История, 2020. С. 12–17.
8. Информационное воздействие на сознание общества в условиях пандемии: теория и методы исследования / Г. В. Осипов, С. Г. Кареева, М. В. Костоломова, С. В. Некрасов, А. Н. Пинчук // Российское общество и государство в условиях пандемии: социально-политическое положение и демографическое развитие Российской Федерации в 2020 году: [Коллективная монография] / Г. В. Осипов и др.; под ред. Г. В. Осипова, С. В. Рязанцева, В. К. Левашова, Т. К. Ростовской; отв. ред. В. К. Левашов. М.: ИТД «ПЕРСПЕКТИВА», 2020. С. 485–510.
9. Попков В. Ю. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации и задачи правоохранительных органов // Труды Академии управления МВД России. 2016. № 3 (39). С. 28–32.
10. Современная социальная реальность России и государственное управление. Социальная и социально-политическая ситуация в России в 2012 году. Том 1. М.: ИСПИ РАН, 2014. 273 с.
11. Триумф глобализма. Конец истории или начало? / Ф. Фукуяма, Ф. Бродель. М.: Родина, 2020. 240 с.

Current changes in social media and the digital environment during a special military operation in Ukraine

V. K. Levashov¹, O. V. Grebnyak¹

¹Institute of Socio-Political Research of FCTAS RAS, 6 Fotieva str., Moscow, 119333, Russian Federation

DOI: 10.18255/2412-6519-2022-2-204-213

Research article
Full text in Russian

The article analyzes the changes taking place in the global social network space under the conditions of a special military operation in Ukraine. The authors draw attention to the difficulties encountered in maintaining the planned pace of development of the national project «Digital Economy» and to the consequences of blocking a number of information channels and social networks both in Russia and abroad. At the same time, they emphasize the growing demand for Russian developments in the field of information and communication technologies (ICT), and the increase in the digital culture and literacy of citizens in circumventing blockages in search of the necessary information or contacts. Particular attention is paid to the problem of abundance and difficulties of verification of information flows that are an integral part of the global information warfare. The article is based on analytical reviews and data from sociological studies of the transformation of media space in 2022. It is noted to have a prominent scientific potential and a high scientific-practical demand in the future.

Keywords: domestic technology; sanctions; blocking; digital literacy; information space; information warfare; fakes; social media

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Levashov, Victor K. | E-mail: levachov@mail.ru
| Doc. Sc. (Sociology), Director

Grebnyak, Oksana V. | E-mail: oksananov@yandex.ru
(correspondence author) | Junior Research Fellow

For citation: Levashov V. K., Grebnyak O. V. Current changes in social media and the digital environment during a special military operation in Ukraine // Social'nye i gumanitarnye znaniya. 2022. Vol. 8, No 2. P. 204-213. (in Russ.)

Актуальные изменения социальных сетей и цифровой среды в период специальной военной операции на Украине

В. К. Левашов¹, О. В. Гребняк¹

¹Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН, ул. Фотиевой, 6, Москва, 119333, Российская Федерация

DOI: 10.18255/2412-6519-2022-2-204-213
УДК 316.422

Научная статья
Полный текст на русском языке

В статье анализируются изменения, происходящие в глобальном социальном сетевом пространстве в условиях проведения специальной военной операции на Украине. Авторы акцентируют внимание на возникших в связи с объявленными в адрес России санкционными мерами сложностях для сохранения плановых темпов реализации национального проекта «Цифровая экономика», на последствиях блокировки ряда информационных каналов и социальных сетей как в России, так и за рубежом. В то же время подчеркивается рост востребованности российских разработок в сфере информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), повышение цифровой культуры и грамотности российских граждан при обходе блокировок в поисках нужной информации или контактов, а также для сохранения доступа к привычным социальным сетям. Отдельное внимание уделено проблеме обилия и сложностям верификации информационных потоков, являющихся неотъемлемой частью глобальной информационной войны. Сложность её ведения обуславливается, помимо прочего, необходимостью балансировать между обеспечением безопасности информационного пространства и риском обвинений в необоснованной цензуре и построении «глобального цифрового концлагеря» в рамках русскоязычного сегмента интернета. В основе статьи лежат аналитические обзоры и данные социологических исследований трансформаций медиапространства в 2022 году.

Ключевые слова: отечественные технологии; санкции; блокировка; цифровая грамотность; информационное пространство; информационная война; фейки; социальные медиа

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Левашов, Виктор Константинович	E-mail: levachov@mail.ru Доктор социологических наук, директор, руководитель Центра социальных и социально-политических исследований
Гребняк, Оксана Валерьевна (автор для корреспонденции)	E-mail: oksananov@yandex.ru Младший научный сотрудник

Для цитирования: Левашов В. К., Гребняк О. В. Актуальные изменения социальных сетей и цифровой среды в период специальной военной операции на Украине // Социальные и гуманитарные знания. 2022. Том 8, № 2. С. 204-213.

Введение в проблемную ситуацию

В последнее время в условиях беспрецедентного санкционного давления на нашу страну стремительно растёт значимость изучения и поиска путей минимизации влияния негативных внешнеполитических факторов на процессы цифровизации в России. Актуальность исследований определяется необходимостью оперативного анализа изменений сетевого информационного пространства, способных влиять на коллективный настрой социума, и опосредованно через него – на траектории общественного развития в силу глубокого уровня информатизации современного российского общества. Согласно открытым данным на начало 2022 года, пользователями интернета стали 89 % населения Российской Федерации, прирост за 2021 год составил 4,7 % [1]. За последние годы сменились ключевые каналы коммуникации: на смену радио (и в малой степени – телевидению) пришли YouTube и подкасты, каналы в Telegram, VK и др. пришли на смену газетам. Вместе со сменой представления информации меняется и её восприятие, возникают, по сути, разные информационные реальности.

Вводимые решением Роскомнадзора внутри нашей страны ограничения на доступ к ряду сайтов и сервисов зачастую воспринимаются гражданами как строительство «глобального цифрового концлагеря». Эта тема не покидает актуальную публичную повестку с начала периода пандемии и ввода QR-кодов, поддерживая градус напряжения обсуждениями проекта цифрового паспорта, ввода системы Face Pay в столичном метрополитене, эволюции персонализированной рекламы и отслеживания контактов в социальных сетях. В этих дискуссиях пользователи и исследователи периодически проводят аналогии с автономным, функционирующим без критической зависимости от внешней инфраструктуры китайским интернетом, цензурирующим глобальный контент на территории КНР благодаря проекту «Золотой щит», – так называемый Великий китайский файерволл.

Опасения граждан в отношении перспектив развития цифровых технологий и контента социальных коммуникаций подчеркивают необходимость отслеживания трансформаций сетевой среды, в том числе с целью исследования общего психологического состояния участников сети, способного при коллективной аккумуляции воздействовать на социально-политические настроения и интенции гражданского общества.

Цифровая информатизация социума вносит новые изменения в процессы общественного развития, изменяет ход социальных событий, их интенсивность и содержание, характер и структуру [2]. Начало академическим исследованиям роли и места сетевых цифровых коммуникаций в различных сферах жизни общества, включая политическую, сущности информации как важнейшего социального ресурса, положили работы М. Кастельса, Д. Бэлла и др. [3; 4; 5]. Среди российских исследователей по данному направлению можно выделить Л. М. Землянову, А. В. Назарчука [6; 7]. Современные тренды исследования социальных медиа проявляются в сферах услуг, торговли, рекламы, политического управления, образования и пр. [8; 9; 10]. Проведение специальной военной операции на Украине, активное задействование социальных сетей и коммуникаций в информационном противостоянии и гибридной войне, по всей вероятности, потребуют внимания не только исследователей социальной

и гуманитарной сферы жизни социума, но и специалистов в сферах информационных, коммуникационных и военно-технических наук и практик.

Эмпирической базой проводимого анализа стали актуальные правительственные акты, заявления о внешне- и внутривластных решениях, ключевые новостные блоки, а также результаты исследования активности пользователей сетевого пространства и опросов общественного мнения в период с конца февраля по начало апреля 2022 года.

Новые ситуационные вызовы и угрозы

Помимо очевидных, внезапно возникших трудностей с прекращением поставок гаджетов, сетевого оборудования и комплектующих иностранного производства в связи с вводом санкций, необходимо отметить снижение пропускных мощностей сетей из-за ухода или предупреждений о скором уходе с рынка цифровых услуг нескольких международных магистральных провайдеров (в частности, Cogent и Lumen), что может привести к замедлению работы сети для конечных пользователей. В связи с этими вызовами и угрозами Министерство цифрового развития рекомендовало российским операторам связи ограничить безлимитные тарифы на интернет или вовсе избавиться от них, чтобы избежать перегрузки сетей. Параллельно с ограничением трафика на 2–10 % в зависимости от тарифа и провайдера подорожал домашний интернет [11] в силу нестабильности курса валют и подорожания оборудования.

Отключение банков от международной межбанковской системы SWIFT (Society for Worldwide Interbank Financial Telecommunications) создало, по сути, финансовую и банковскую изоляцию для некоторых категорий граждан, а также иностранных резидентов и юридических лиц в России. Международные переводы средств вне системы возможны, но значительно менее удобны, более дороги и небезопасны. Альтернативные пути существуют, к тому же отключены не все банки, а только попавшие под санкции, но на скорости поставок товаров и оказания услуг цифровая блокада неизбежно скажется.

В России продолжает сокращаться цифровое неравенство в связи с политикой и реализуемыми Министерством цифрового развития планами. Однако не факт, что в складывающихся условиях технологической изоляции сегодня в нашей стране хватит оборудования для дальнейшего скоростного строительства цифрового общества. Согласно отчету Правительства РФ по итогам 2021 года, в целях устранения цифрового неравенства 75,5 тыс. социально значимых учреждений подключено к широкополосному интернету, а в 14 тыс. населенных пунктах с численностью населения от 100 до 500 человек появились точки связи [12]. Отметим, что эти инновационные процессы напрямую связаны с общим замедлением интернета. О снижении средней скорости мобильного интернета в России сообщает TelecomDaily [13], и эксперты видят причину именно в росте трафика. Развитие сетей мобильной связи не способно компенсировать рост нагрузки на эти сети; для роста средней скорости необходимы опережающие темпы модернизации. На данный же момент наряду с традиционными экономико-технологическими сложностями выступают санкционные меры, неизбежно ограничивающие обновление и расширение сетевой инфраструктуры: закрыт прежний доступ к привычному шведскому и финскому оборудованию. Остается менее используемое китайское оборудование, но его стоимость

неизбежно вырастет в цене. Во внимание следует принять также существующие риски отказа в покупке коммуникационного оборудования под угрозой закрытия рынков для китайских компаний в США.

Прекращение доступа к каналам Russia Today и Sputnik за границей, блокировка канала Минобороны РФ и пророссийских блогеров на видеохостинге YouTube ограничили возможности донесения до внешнего потребителя информации позиции российского государства и российского общества. Впрочем, то же касается и блокировки сайтов внутри страны, затрудняющей возможности обмена мнениями в информационном поле. Еще в феврале новостными источниками для россиян были в равной степени традиционные СМИ (45 %) и интернет (46 %). А уже к середине марта более половины граждан (52 %) предпочитали узнавать новости из традиционных медиа, а из интернета – 37 %¹.

Цифровая мобилизация

В условиях сокращения доступности оборудования, программного обеспечения иностранного производства возросла востребованность российских разработок. Со стороны государства оперативно заявлена грантовая поддержка разработчиков нового оборудования, а также общая поддержка IT-отрасли. «Мы освободили IT-компании от проверок и уплаты налога на прибыль на три года, предусмотрели льготные кредиты, чтобы у них было больше ресурсов для развития новых перспективных проектов. Сотрудникам таких компаний дали возможность оформить льготную ипотеку и получить отсрочку от армии», – сообщил М. В. Мишустин [12]. Помимо активизации внедрения отечественных разработок, эти меры направлены на сдерживание роста тарифов на интернет, о котором авторы упоминали выше.

С января 2025 года запрещено использование зарубежного программного обеспечения в критически важной инфраструктуре. При этом уже с апреля 2022 года Указом Президента РФ² закупка иностранного ПО для объектов критической информационной инфраструктуры: транспорта, здравоохранения, оборонной промышленности, органов власти и пр. – возможна только по отдельному согласованию. Обсуждение перехода на отечественное программное обеспечение продолжается с 2019 года, но окончательное решение постоянно сдвигалось из-за неготовности ведомств. Подписанный же в марте указ говорит о серьезных опасениях в сфере информационной безопасности, что подтверждается заявлением МИД РФ о масштабной кибероперации против России. «Фактически ежедневно мощным ударам с применением продвинутых информационно-коммуникационных технологий подвергаются государственные учреждения, средства массовой информации, объекты критической инфраструктуры, системы жизнеобеспечения», говорится в заявлении [15]. В Министерстве подчеркивают, что укрепление ИКТ-безопасности в нынешних условиях становится одной из главных задач в русле надежного обеспечения национальной безопасности страны.

¹ Источники информации: предпочтения. Еженедельный всероссийский поквартирный опрос «ФОМнибус». 11–13 марта 2022 г. 53 субъекта РФ, 104 населенных пункта, N=1500. Стат. погрешность не превышает 3,6 % [14].

² О мерах по обеспечению технологической независимости и безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации: Указ Президента РФ от 30.03.2022 № 166 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202203300001> (дата обращения: 04.04.2022).

Пока сложно говорить о результативности предпринимаемых мер мобилизации ИТ-сферы. Реализации препятствует долговременное «задвигание» российских разработок в пользу зарубежных приложений – авторы ранее писали о такой форме цифрового неравенства [16], – многолетнее отсутствие финансирования, а вследствие этого – массовый отток «цифровых мозгов». Исход специалистов ИТ-индустрии неоднозначен, согласно прогнозу Российской ассоциации электронных коммуникаций (РАЭК), в апреле 2022 года из страны могут уехать 70–100 тыс. «айтишников», по данным организации, это будет второй исход после отъезда первых 50–70 тысяч специалистов [17]. Другие эксперты называют цифры в пределах 8 тысяч человек. При этом все они констатируют явный уже сейчас дефицит кадров в ИТ-сфере. Ситуация настолько обострилась, что отдельными представителями бизнес-среды была инициирована подготовка проекта федерального закона «О мерах по дополнительному контролю за передвижением и трудоустройством специалистов ИТ». Впрочем, все предложения по ограничению выезда из страны специалистам ИТ-профиля были отвергнуты официальным заявлением Минцифры как неконституционные и способные еще более деструктивно сказаться на отрасли в целом [18].

Активизируется, согласно заявлениям руководителей Минцифры, льготная программа обучения цифровым профессиям. Инвалиды и официально зарегистрированные в центрах занятости безработные смогут получить новое образование бесплатно, другие категории населения: студенты, бюджетники, незарегистрированные безработные и пр. – на льготных условиях. Ранее вице-премьер РФ Дмитрий Чернышенко заявлял, что пройти обучение в сфере ИТ в 2022 году в рамках проекта «Цифровые профессии» национальной программы «Цифровая экономика» смогут свыше 57 тысяч россиян из всех регионов страны.

Ликвидация зависимости от западного оборудования, инфраструктуры, приложений, банковских систем, мессенджеров и пр. – процесс не быстрый, но как неоднократно показывала жизнь, военные действия, при всей их деструктивной силе, всегда становились двигателем технического прогресса. Большинство прорывных военных технологий в различные периоды трансформировалось для гражданской сферы жизни обществ. К примеру, после первой мировой войны широкое применение в повседневной мирной жизни получили медицинские технологии, в т. ч. переливания крови, нержавеющая сталь, беспилотники и т. д. Военное дело и наука второй половины XX века подарили человечеству, помимо прочего, еще и интернет. В. И. Вернадский, рассматривая Первую мировую войну как величайшую трагедию XX века, отмечал невиданный размах применения научных знаний в период войны. В статье «Война и прогресс науки» (1915) Вернадский подчеркивал недопустимость внешней экономической зависимости страны в период войны и необходимость научных исследований и использования естественных производительных сил страны. Для этого следует произвести их учет и научиться применять их технически [19].

Помимо научно-технологической мобилизации аналогичные процессы происходят в социальной сфере. Закрытие доступа к ряду популярных социальных сетей и сайтов вызвало рост освоения альтернативных соцсетей, а также средств обхода блокировки: технологии VPN, прокси-серверы, TOR-браузеры и пр.³ То есть пользо-

³ Перечисленное представляет собой способы сохранения анонимности в интернете, в том числе для сокрытия информации о стране местонахождения пользователя. Virtual Private Network (VPN) предоставляет зашифрованный безопасный канал связи. Сайты видят

ватели как экспериментируют с новыми возможностями на альтернативных площадках, так и стремятся сохранить доступ к привычным социальным медиа. По данным исследовательской компании Mediascore, специально выбранной Роскомнадзором в качестве единого измерителя посещаемости сайтов, аудитория Instagram⁴ снизилась после блокировок на 16 % – с 40,9 млн до 34 млн Twitter потерял больше 50 % – сейчас у него около 1,2 млн. В то же время аудитория ВКонтакте выросла за тот же период с 46 до 50 млн, а Telegram – с 35,7 до 47,3 млн пользователей. Согласно отчетам мобильных операторов, в марте Telegram впервые обошел по объему трафика WhatsApp [20], став наиболее популярной соцсетью.

Для сохранения доступа к привычным источникам информации и средствам коммуникации россияне готовы осваивать новые технологии. С первой же информацией о вынесенных предупреждениях в связи с распространением заведомо недостоверной информации начал расти интерес россиян к VPN-сервисам. Только за неделю с 24 февраля по 1 марта спрос на VPN вырос в 13,7 раза по сравнению с неделей ранее. В целом число пользователей VPN-сервисов с января 2022 года по начало апреля возросло в 53,3 раза [21].

Информационная война

Глубокая цифровая информатизация современного социума расширяет возможности влияния на массовое сознание и поведение масс через коммуникационные каналы. Рассматривая социальные трансформации в сетевом пространстве, невозможно обойти стороной проблему информационного противостояния, контрпропаганды и войны фейков. Существует она и в рамках традиционных средств массовой информации, однако масштабные охваты и скорость распространения фейков напрямую связаны с развитием информационных и цифровых коммуникаций, а также с ростом общей компьютерной грамотности, в частности, массовым освоением графических программ и видеоредакторов. С первой волной фейков граждане столкнулись в период пандемии COVID-19. Тогда, подчеркивая масштаб проблемы, ВОЗ обозначила её как «инфодемию». Обострение международной политической обстановки в 2022 году вызвало вторую – ничуть не меньшую волну. Позитивным с точки зрения информационной культуры и грамотности можно считать тот факт, что граждане отдают себе отчет в наличии информационного противостояния. Согласно опросу ВЦИОМ, абсолютное большинство россиян (90 %) считают, что в настоящее время против России ведется информационная война в связи с проведени-

не информацию пользователя, а «адрес» VPN-сервера, который может располагаться чуть ли не в любой стране мира; Проху-сервер – посредник, дополнительное звено между пользователем сети и интернетом. При прохождении запроса через Проху происходит подмена IP-адреса пользователя, это позволяет как обойти региональные блокировки, так и, к примеру, получить региональные привилегии (например, скидки на авиабилеты или доступ к американской части фильмотеки Netflix); The Onion Router (TOR) использует так называемую «луковичную» маршрутизацию, где защита наслаивается поверх данных пользователя. TOR пропускает трафик через несколько промежуточных серверов-ретрансляторов, в ходе чего теряется изначальный IP-адрес отправленного пакета данных.

⁴ Холдинг Meta, куда входят Instagram и Facebook, 21 марта 2022 года признан экстремистской организацией, чья деятельность запрещена на территории РФ.

ем специальной военной операции. Не считают, что ведется информационная война, 4 %. Затруднились ответить 6 %⁵.

Реальность цифровой информационной войны, взрывной направленной рост недостоверной информации в социальных сетях актуализируют проблему достоверности информации, ставят перед исследователями и гражданами задачу фильтрации источников дезинформации, поднимая вместе с тем этический вопрос о приоритете гражданских прав и свобод и социальной безопасности. Блокировка и запрет источников информации, морально и нравственно опасных и неприемлемых для социума, ставших, по сути, информационным оружием, воспринимаются некоторыми гражданами в качестве нелегитимной цензуры. Резко возросший объем информационных потоков сам по себе превратился в проблему адекватного восприятия реальности. Обилие разнонаправленных информационных потоков, идеологически интерпретирующих факты, создаёт турбулентную информационную ситуацию хаоса, выстраивает в социальных сетях информационные завалы и баррикады, состоящие из информационного мусора, лжи и вымыслов. Воздействие лавинообразного потока разнонаправленной информации при наличии минимальных сомнений в собственных убеждениях заставляет граждан бросаться из крайности в крайность в зависимости от рациональной и эмоциональной убедительности источника. Либо вынуждает ограничивать свое информационное пространство двумя-тремя источниками, полностью созвучными собственным взглядам и чувствам, что неизбежно сужает информационные возможности и ограничивает понимание ситуации. Политическая и социальная аналитика сторонников зачастую преподносится с применением техник и приемов нейролингвистики, специальных способов манипуляции информацией и латентного когнитивного программирования слушателя или читателя. Методики не новы, но неизменно действенны. «Главное в их сообщениях – идеи, внедряемые в наше сознание контрабандой» [23].

Социология фиксирует настроения и самочувствие общественного сознания. За последнюю неделю марта, переполненную сообщениями о событиях на Украине, на 12 процентных пунктов снизилась самооценка гражданами собственной информированности о ситуации в стране. Тем не менее уверенность в собственной осведомленности по-прежнему высока. Частично или полностью осведомленными о последних событиях считают себя 59 % респондентов, сообщает Ромир [24].

Заключение

При всём многообразии изменений, происходящих в социальных сетях и цифровой среде в связи со специальной военной операцией, эти события дали мощный импульс, указав слабые точки и актуальные направления развития информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) для сохранения темпов информатизации общества и дальнейшего выполнения национального проекта «Цифровая экономика». Этот импульс проявился как на уровне поддержки разработки и внедрения технологий, так и на уровне ускоренного освоения гражданами новых навыков. Наиболее сложными и противоречивыми остаются проблемы информационной безопасности. На правительственном и бизнес-уровнях опасения связаны с зависимостью от ино-

⁵ Информационная война вокруг специальной военной операции: всероссийский репрезентативный опрос ВЦИОМ среди граждан РФ в возрасте 18 лет и старше. N=1600 ежедневно. Метод: телефонный опрос. Стат. погрешность ≤ 2,5 %. Опрос проведен 5–6 апреля 2022 г. [22].

странного оборудования и программного обеспечения; вероятными кибератаками, запуском вредоносных скриптов через обновление иностранного ПО, хищением личных данных, недостаточно отработанными методами контрпропаганды и пр. На уровне социума основные опасения касаются безопасности информационного пространства и способности – как индивидуальной, так и коллективной – к фильтрации информационных потоков и критическому мышлению. Краеугольными камнями актуальной повестки остаются перспективы технологического развития в сфере информационных технологий: разработка, производство, контроль качества, обеспечение безопасности, а также правовые и морально-этические аспекты как внедрения, так и ограничений доступа ко всей полноте цифровых и информационных ресурсов и возможностей.

Ссылки

1. Digital 2022: The Russian Federation // Datareportal. 15.02.2022. URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2022-russian-federation> (дата обращения: 12.03.2022).
2. Китова Д. А. Интернет как ресурс геополитического развития // Наука. Культура. Общество. 2018. № 1. С. 78–88.
3. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / Пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Academia, 2004. 783 с.
4. Кастельс М. Становление общества сетевых структур // Новая постиндустриальная волна на западе: антология / Под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Academia, 1999. С. 494–505.
5. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество, культура / Пер. с англ. под ред. О. И. Шкаратана. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 606 с.
6. Землянова Л. М. Сетевое общество, информационализм и виртуальная культура // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 1999. № 2. С. 58–69.
7. Назарчук А. В. Сетевое общество и его философское осмысление // Вопросы философии. 2008. № 7. С. 61–63.
8. Сизоненко А. Ю. Имидж депутатов региональных парламентов в популярных социальных сетях: равноправие в эру цифровизации // Наука. Культура. Общество. 2021. Том 27. № 3. С. 56–68. DOI: 10.19181/nko.2021.27.3.6.
9. Коммуникация в социальных сетях как способ продвижения бизнеса / Н. А. Колесникова, А. Ю. Сергиенко, А. С. Серая, М. М. Апачева // Современные тенденции развития общества: образование, коммуникация, психология: Сб. науч.-практич. конференции (Ростов-на-Дону, 04.12.2021). Ростов-на-Дону: ЮРИУФ РАНХиГС, 2022. С. 204–209.
10. Лободенко Л. К., Давлетшина Е. В. Корпоративные коммуникации вуза и контент-планирование в социальных сетях в период пандемии // Трансформация стратегии и тактики медиакоммуникаций в условиях пандемии. Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2022. С. 360–381.
11. Кодачигов В. На повышенных тарифах: домашний интернет в России подорожал на 2–10 % // Известия. 14.03.2022. URL: <https://iz.ru/1303724/valerii-kodachigov/na-povyshennykh-tarifakh-domashnii-internet-v-rossii-podorozhal-na-2-10> (дата обращения: 09.04.2022).
12. Ежегодный отчёт Правительства в Государственной Думе // Правительство России: [сайт]. 07.04.2022. URL: <http://government.ru/news/45073> (дата обращения: 09.04.2022).

13. Средняя скорость мобильного интернета в России продолжает снижаться // ИАА TelecomDaily. 31.03.2022. URL: <https://telecomdaily.ru/news/2022/03/31/iaa-telecomdaily-srednyaya-skorost-mobilnogo-interneta-v-rossii-prodolzhaet-snizhatsya> (дата обращения: 04.04.2022).
14. Источники информации: предпочтения // ФОМ. 25.03.2022. URL: <https://fom.ru/SMI-i-internet/14705> (дата обращения: 04.04.2022).
15. Заявление МИД России в связи с продолжающейся киберагрессией со стороны «коллективного Запада» // МИД РФ. 29.03.2022. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1806906/ (дата обращения: 04.04.2022).
16. Новоженина О. П., Гребняк О. В., Афанасьев В. А. Цифровое неравенство в условиях пандемии // Вторые декабрьские социально-политические чтения «Как живешь, Россия?». Российское социальное государство и гражданское общество в 2020 году: реализация национальных проектов в условиях постпандемической реальности: материалы науч.-практич. конф., Москва, 10 декабря 2020 года. М.: ФНИСЦ РАН, 2020. С. 63–71.
17. РАЭК спрогнозировала отъезд до 100 тысяч IT-специалистов из РФ в апреле // Интерфакс. 22.03.2022. URL: <https://www.interfax.ru/digital/830581> (дата обращения: 04.04.2022).
18. Минцифры категорически против любых ограничений передвижения IT-специалистов // Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации. 25.03.2022. URL: <https://digital.gov.ru/ru/events/41466/> (дата обращения: 11.04.2022).
19. Вернадский В. И. Война и прогресс науки // Публицистические статьи. М.: Наука, 1995. С. 199–206.
20. Мингазов С. Мессенджер Telegram впервые опередил WhatsApp по объему трафика в России // Forbes. 21.03.2022. URL: <https://www.forbes.ru/tekhnologii/459631-messendzer-telegram-vpervye-operedil-whatsapp-po-razmeru-auditorii-v-rossii> (дата обращения: 04.04.2022).
21. Число пользователей VPN-сервисами с начала 2022 года выросло в 53,5 раза // ТАСС. 11.04.2022. URL: <https://tass.ru/ekonomika/14339659> (дата обращения: 11.04.2022).
22. Информационная война вокруг специальной военной операции // ВЦИОМ. 08.04.2022. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/informacionnaja-voina-vokrug-specialnoi-voennoi-operacii> (дата обращения: 08.04.2022).
23. Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием. М.: Эксмо, 2006. 862 с.
24. Ромир: телезрители теряют интерес к экономической повестке // Ромир. 04.04.2022. URL: <https://romir.ru/studies/romir-telezriteli-teryayut-interes-k-ekonomicheskoy-povestke> (дата обращения: 06.04.2022).

Methodology for monitoring the effectiveness of family and demographic policy: regional aspect

T. K. Rostovskaya¹, O. A. Zolotareva¹, E. N. Vasilieva²

¹Institute for Demographic Research FCTAS RAS, 6 Fotieva str., building 1, Moscow, 119333, Russian Federation

²Volgograd State University, 100 Universitetskiy Ave., Volgograd, 400062, Russian Federation

DOI: 10.18255/2412-6519-2022-2-214-229

Research article
Full text in Russian

The relevance of the study is justified by the fact that in the regions of Russia the development of demographic processes has different dynamics: it can be characterized by positive or negative changes, remain stable for several years, which raises the question of different levels of effectiveness of the state and regional demographic policy pursued locally. Under the conditions of the second wave of depopulation, a deeper analysis of the factors that shape the demographic behavior of the population is needed, which will make it possible to develop relevant measures in the field of fertility. The development of evidence-based monitoring of the effectiveness of family and demographic policy (in the light of the implementation by the Decree of the President of the Russian Federation V.V. Putin No. synthesis of state documents in the field of demography, generalization of information sources, including Rosstat data. The work carried out a search and selection of sustainable indicators, on the basis of which a methodology for assessing the effectiveness of family and demographic policy in Russia and its regions was proposed. The methodology for evaluating the effectiveness of family and demographic policy was tested in 10 pilot regions of the country, which made it possible to develop recommendations for implementation.

Keywords: family and demographic policy; monitoring; effectiveness of measures; demographic indicators; birth rate; family; demographic behavior

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Rostovskaya, Tamara K. | E-mail: rostovskaya.tamara@mail.ru
(correspondence author) | ORCID iD: 0000-0002-1629-7780
| Doc. Sc. (Sociology), Professor

Zolotareva, Olga A. | E-mail: oamahova@yandex.ru
| ORCID iD: 0000-0001-7339-7510
| Cand. Sc. (Economics), Associate Professor

Vasilieva, Ekaterina N. | E-mail: vasilevaen@yandex.ru
| ORCID iD: 0000-0002-0460-5539
| Doc. Sc. (Sociology), Associate Professor

Funding: Russian scientific foundation, project 20-18-00256.

For citation: Rostovskaya T. K., Zolotareva O. A., Vasilieva E. N. Methodology for monitoring the effectiveness of family and demographic policy: regional aspect // *Social'nye i gumanitarnye znaniya*. 2022. Vol. 8, No 2. P. 214-229. (in Russ.)

Методология мониторинга результативности семейно-демографической политики: региональный аспект

Т. К. Ростовская¹, О. А. Золотарева¹, Е. Н. Васильева²

¹Институт демографических исследований, Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН, ул. Фотиевой, 6, к. 1, Москва, 119333, Российская Федерация

²Волгоградский государственный университет, пр. Университетский, 100, Волгоград, 400062, Российская Федерация

DOI: 10.18255/2412-6519-2022-2-214-229
УДК 314.8

Научная статья
Полный текст на русском языке

Актуальность исследования обосновывается тем, что в регионах России развитие демографических процессов имеет разную динамику: может характеризоваться положительными или отрицательными изменениями, оставаться стабильным на протяжении нескольких лет, что ставит вопрос о разных уровнях эффективности проводимой на местах государственной и региональной демографической политики. В условиях второй волны депопуляции необходимо более глубокий анализ факторов, формирующих демографическое поведение населения, что даст возможность выработать релевантных мер в области рождаемости. Разработка научно-обоснованного мониторинга результативности семейно-демографической политики (в свете исполнения Указом Президента РФ В. В. Путина № 633 от 08.11.2021 г. «Об утверждении Основ государственной политики в сфере стратегического планирования в Российской Федерации») осуществлена на основе анализа и синтеза государственных документов в области демографии, обобщения информационных источников, включая данные Росстата. В работе осуществлен поиск и отбор устойчивых индикаторов, на основе которых предложена методология оценки результативности семейно-демографической политики в России и ее регионах. Методика оценки результативности семейно-демографической политики апробирована в 10 пилотных субъектах страны, что позволило выработать рекомендации для внедрения.

Ключевые слова: семейно-демографическая политика; мониторинг; результативность мер; демографические показатели; рождаемость; семья; демографическое поведение

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Ростовская, Тамара Керимовна (автор для корреспонденции)	E-mail: rostovskaya.tamara@mail.ru ORCID iD: 0000-0002-1629-7780 Доктор социологических наук, профессор, заместитель директора по научной работе
Золотарева, Ольга Анатольевна	E-mail: oamahova@yandex.ru ORCID iD: 0000-0001-7339-7510 Кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник
Васильева, Екатерина Николаевна	E-mail: vasilevaen@yandex.ru ORCID iD: 0000-0002-0460-5539 Доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры педагогики, психологии и социальной работы

Финансирование: Российский научный фонд № 20-18-00256 «Демографическое поведение населения в контексте национальной безопасности России».

Для цитирования: Ростовская Т. К., Золотарева О. А., Васильева Е. Н. Методология мониторинга результативности семейно-демографической политики: региональный аспект // Социальные и гуманитарные знания. 2022. Том 8, № 2. С. 214-229.

© Ростовская Т. К., Золотарева О. А., Васильева Е. Н., 2022

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

Введение

Оценка демографической ситуации проводится постоянно на основании сведений Федеральной службы государственной статистики (Росстата). Однако остается открытым вопрос о том, чем обусловлены изменения статистических показателей (рождаемость, смертность, миграция и др.) – мерами, введенными на федеральном и региональном уровнях, или иными социально-экономическими или политическими решениями. В качестве примера можно отметить положительный прирост населения России в 2014 г., обусловленный территориальным расширением границ государства, что актуализировало задачи по оптимизации методики оценки демографической политики. Семейно-демографическая политика является частью демографической политики и шире – частью социальной политики. Реализации поставленных на всех уровнях задач зависит от бюджета, выделенного на финансовое обеспечение мер поддержки российской семьи и детей, что, в свою очередь, является результатом экономической политики государства.

Для концептуального определения методологии исследования необходимо определиться: какая шкала оценки будет разработана? Шкальная оценка эффективности конкретных мер поддержки семьи и детей: введения госпрограммы финансовой поддержки семей – материнского капитала, программы «Молодая семья», увеличения пособия по уходу за ребенком до 3 лет и т. д. Или это будет комплексная оценка семейно-демографической политики на федеральном и региональном уровнях? Методологические проблемы мониторинга результативности семейно-демографической политики обсуждаются научным сообществом достаточно давно как в зарубежной теории и практике, так и российскими исследователями.

Среди зарубежных работ отметим исследование К. Адель и С. Вейланд, в котором систематизированы теоретические основы методологии оценки социальной политики (частью которой является и семейно-демографическая политика), авторы предлагают не только измерять эффективность принятых мер, но и прогнозировать последствия принятых решений [1]. Наиболее распространены технологии мониторинга влияния результатов социальной политики на социальные процессы, основанные на сопоставлении затрат и выгод, что позволяет выявить неэффективные решения, найти инструменты оптимизации управленческих решений.

Интересное исследование проведено на базе Научно-исследовательского института социального развития Организации Объединенных Наций [2]. Авторы доклада предлагают использовать системный подход для выявления результатов социальной политики, что предполагает получение полной информации о межведомственных взаимодействиях, которые позитивно или негативно повлияли на социальную ситуацию. Например, исследование отчетов по всем секторам экономики, оценка сотрудничества с СО НКО и т. д. Авторы разделяют оценки результатов и процесса реализации социальной политики, отмечая, что комплексные интегральные методы позволяют делать предварительную оценку, далее, опираясь на теории изменений, в структуру оценки включаются индикаторы причинно-следственных связей и эффективности реализации, наконец, производится окончательная оценка итогов мер социальной политики. В докладе М. Самсон с соавторами предлагают комплексный подход, который позволяет определить следующие направления разработки мониторинга оценки социально-демографической политики: оценки эффективности взаимодействий между различными субъектами и учреждениями; планируемых и достигнутых результатов (могут совпадать, не совпадать, частично совпадать,

часто появляются непредвиденные эффекты, позитивно или негативно влияющие на результаты); социального, экономического, политического и культурного контекста реализации социальной политики. Такой подход, разработанный для исследования социальной политики, можно адаптировать под задачи измерения реализации и результатов семейно-демографической политики, если учитывать, что влияние оказывает каждый субъект реализации, а конкретный результат является итогом воздействия совокупности факторов. Анализ работ по исследуемому вопросу зарубежных ученых и практиков показывает, что системы оценки не могут быть заимствованы в других странах, т. к. комплекс мер, источники финансирования, принципы социальной защиты семьи в мире существенно различаются.

В российских исследованиях не всегда дифференцированы разные уровни государственной политики, направленной на решение демографических проблем, – социальная, социально-демографическая, демографическая, семейно-демографическая. Большой вклад в разработку методологии исследований, ориентированных на разработку аналитического инструментария оценки политических решений, направленных на воспроизводство населения, внесли работы В. В. Елизарова, он отвечает на вопрос «Политика народонаселения и/или демографическая политика?» [3], отмечая изменение научного дискурса: отход от использования термина «политика народонаселения», понимаемого как воспроизводство населения, закрепление термина «демографическая политика», смысл которого первоначально определялся как планирование семьи и ограничение рождаемости. Насыщение основных понятий новыми смыслами происходило постепенно, так, В. Н. Архангельский, Н. В. Зверева рассматривали «социально-демографическую политику» в региональном разрезе и провели важную работу по формированию индикаторов ее мониторинга [4].

С 2006–2007 гг. разрабатываются комплексные меры поддержки семьи, и до сих пор идет работа по их существенному расширению. Российские ученые чаще всего используют устоявшееся понятие «демографическая политика», определяемое как комплекс мер, разработанных государством, направленных на достижение поставленных целей по регулированию численности населения, таким образом, речь может идти как об увеличении, так и о снижении темпов прироста населения. В России демографическая политика направлена на рост численности населения за счет снижения смертности, увеличения рождаемости, регулирования миграции.

Комплексный подход к анализу демографической политики предлагают Н. П. Гончарова, А. А. Еремин, Е. В. Тарасова [5; 6], включая в оценку анализ сводных годовых докладов о ходе реализации и оценке эффективности государственных программ РФ; мониторинг реализации национальных и федеральных проектов; экспертные опросы; кластеризацию регионов РФ в зависимости от сложившейся в них демографической ситуации на основе статистических показателей и социологический мониторинг демографического поведения населения на основе опросных методов исследования. Н. П. Гончарова, А. А. Еремин, Е. В. Тарасова систематизировали подходы, предложенные российскими исследователями, т. к. мониторингом разных направлений демографической политики серьезно занимаются научные группы российских ученых.

Во-первых, это работы, опирающиеся на статистические и социологические методы исследования конкретных направлений демографической политики: тенденций и эффективности мер по снижению смертности (А. Е. Иванова, А. Ю. Михайлов и др.) [7]; увеличения рождаемости (В. Н. Архангельский, О. А. Золотарева, Ю. Э. Плет-

нева, Т. К. Ростовская, С. Ю. Сивоплясова, Е. П. Сигарева и др.) [8; 9]; регулирования миграции (О. Д. Воробьева, С. В. Рязанцев, Л. Л. Рыбаковский, О. Л. Рыбаковский и др.) [10; 11]. Во-вторых, работы, проводящие оценку демографической политики на региональном уровне: П. Г. Абдулманапов [12], А. Р. Сулейманов [13] и др. В-третьих, работы, направленные на прояснение отдельных методологических вопросов, например, Е. Н. Яковлева, И. В. Крюкова [14] проводят теоретическую интерпретацию понятий «эффективность» и «результативность», выявляя объективные и репрезентативные подходы к оценке результативности и эффективности региональной социально-демографической политики; О. А. Кислицына предлагает индикаторы благополучия как инструмента оценки социально-экономической политики, делая вывод, что основной вклад в улучшение качества жизни вносят семья, доходы и безопасность [15]; В. В. Канищев, А. Н. Плужников обосновывают значимость экспертных опросов для оценки региональной демографической политики [16]; М. М. Разаханов анализирует государственную политику в области регуляции демографических процессов как основу безопасности России [17].

В данном исследовании будет использоваться понятие «семейно-демографическая политика», т. е. исключаются данные по следующим направлениям демографической политики: регулирование миграционных процессов, снижение смертности. Исследование направлено на разработку методологии оценки эффективности государственных мер, направленных на увеличение рождаемости. Для измерения и оценки социальной эффективности используются такие результаты, как улучшение качества и повышение уровня жизни непосредственных благополучателей (целевой группы) – семей с детьми. Индикаторами оценки семейно-демографической политики являются следующие группы показателей: данные о принятых и действующих законодательных актах, программных документах в сфере семейной политики; статистические данные (среднее ожидаемое число детей в домохозяйстве, естественный прирост населения, коэффициенты рождаемости, возрастные коэффициенты рождаемости и др.), данные переписей и микропереписей населения; данные экспертных опросов; данные массовых опросов населения РФ, отражающих спектр мнений, суждений представителей целевых групп.

Важно прояснить, что берется за основу при оценке социально-экономической эффективности: соотношение затрат на реализацию семейно-демографической политики и полученных результатов. Социально-экономическая эффективность трактуется как соотношение, с одной стороны, социальных результатов/эффектов, которые в текущих условиях могут быть непосредственно измерены и выражены в денежном эквиваленте, и, с другой стороны, затрат на реализацию мер семейной политики. Актуальность представленной работы определяется необходимостью своевременного обновления инструментов мониторинга, т. к. с течением времени существенно меняются технологии реализации государственных задач по преодолению демографических проблем, следовательно, происходит обновление существующих инструментов оценки.

Концептуальные основы мониторинга семейно-демографической политики в России и ее регионах

Основу результативности реализуемой семейно-демографической политики составляет комплекс этапов деятельности, включающий: первое – осознание потребности в достижении тех или иных уровней развития демографических процессов,

в необходимости их изменений; второе – постановку целей и задач в соответствии с выявленными потребностями; третье – планирование действий, направленных на достижение поставленных целей и задач; четвертое – осуществление действий в соответствии с планом; пятое – контроль и анализ результатов. Цикличность этих этапов определяется тем обстоятельством, что в соответствии с полученной оценкой результатов потребности корректируются.

Обеспечение требуемых качества и скорости подготовки и принятия управленческих решений в области семейно-демографической политики достигается прежде всего имеющимися возможностями осуществлять оперативный и всесторонний мониторинг текущей ситуации, позволяющий максимально охватить все параметры демографических процессов и явлений и факторы, воздействующие на них. На основе диагностики полных и релевантных данных мониторинга можно представить целостную и четкую картину текущего состояния демографического развития страны и ее регионов. Данные мониторинга являются базой для построения адекватных моделей демографического развития, прогнозных оценок основных демографических параметров, дают основания для конструирования «проекта решений», планирования и программирования с разработкой четких индикаторов оценки результатов действий и позволяют осуществить контроль реализуемых управленческих решений в области семейно-демографической политики. Мониторинг, представляющий собой систему наблюдения за демографическими явлениями и процессами в обществе, как инструмент исследований обеспечивает сбор информационно-аналитического материала по результатам выполнения управленческих действий по заранее определенным для исследования показателям.

Мониторинг семейно-демографической политики требует научно-обоснованного подхода, что отвечает основным направлениям государственной политики, определенным Указом Президента РФ В. В. Путина № 633 от 08.11.2021 г. «Об утверждении Основ государственной политики в сфере стратегического планирования в Российской Федерации»: «развитие системы мониторинга и контроля процессов стратегического планирования и реализации документов стратегического планирования»¹. Данный Указ актуализирует значимость научно-методологического обеспечения стратегического планирования социально-экономического развития и обеспечения национальной безопасности.

Систематизация государственных стратегических документов и программ социально-экономического развития страны позволила выявить основные документы по семейно-демографической политике, подлежащие мониторингу в России (рис. 1).

Принятые и реализуемые в настоящее время основные стратегические документы, направленные на решение значимых для государства и общества демографических проблем, отвечают требованиям соответствия их иерархической структуре, последовательной связности, обеспечивающей преемственность целей семейно-демографической политики, что свидетельствует о сформированном целеполагании в семейно-демографической политике на современном этапе развития.

Анализ государственных инициатив, затрагивающих вопросы семьи и демографии, а также информационной базы Росстата и проводимых выборочных исследований в ИДИ ФНИСЦ РАН позволил очертить широкое поле мониторинга с учетом воз-

¹ Указ Президента РФ В. В. Путина № 633 от 08.11.2021 г. «Об утверждении Основ государственной политики в сфере стратегического планирования в Российской Федерации» // Администрация Президента России: сайт. [2022]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47244>

возможностей получения довольно большого набора качественных и количественных параметров, позволяющих всесторонне охарактеризовать закономерности развития института семьи и происходящих в нем трансформаций, проанализировать изменения основных демографических явлений и процессов, оценить эффективность реализуемых мероприятий, направленных на поддержку, укрепление и защиту семьи как фундаментальной основы российского общества, сохранение традиционных семейных ценностей, профилактику и преодоление семейного неблагополучия, установить реальные факторы, влияющие на формирование репродуктивных установок в обществе, определить противоречия правил общественной жизни, идеологических принципов, состояния физического, психического и духовного здоровья, процессов воспитания, обучения.

Указ Президента РФ от 02.07.2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации»

Указ Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 г. № 203 “Указ о национальных целях развития России до 2030 года”

Концепция демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года (утв. Указом Президента РФ от 9 октября 2007 г. № 1351)

Концепция семейной политики России (утв. Распоряжением Правительства РФ от 25 августа 2014 г. № 1618-р)

Национальная стратегия действий в интересах женщин на 2017 - 2022 годы (утв. Распоряжением Правительства Российской Федерации от 8 марта 2017 г. N 410-р)

Паспорт национального проекта "Демография"

Рисунок 1. Основные документы по семейно-демографической политике, подлежащие мониторингу в России

Система показателей мониторинга результативности семейно-демографической политики в России и ее регионах

Фундаментом мониторинга семейно-демографической политики является система статистики, призванная осуществлять сбор, разработку, анализ и распространение данных о последствиях принятых и реализуемых мер, решений, программ.

В статистике традиционно любое исследование на первом этапе начинается с формирования информационной базы и разработки системы показателей. В целях формирования информационной базы мониторинга проведен анализ различных источников данных, результаты которого позволили определить, что в качестве статистической информации для оценки результативности семейно-демографической политики можно использовать как данные текущего статистического учета, так и результаты переписей и выборочных обследований населения (включая социологические обследования), а также выявить довольно широкий пул показателей,

объединив их в единую систему, что позволяет представить целостную оценку результативности семейно-демографической политики (рисунок 2).

Одной из основных демографических характеристик любого государства является численность ее жителей. Обеспечение устойчивого роста численности населения определяется в рамках национальной цели «Сохранение населения, здоровье и благополучие людей», утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 г. № 203 «Указ о национальных целях развития России до 2030 года»², что предопределяет включение показателя численности населения в подсистему показателей целей и ориентиров семейно-демографической политики.

Подсистема показателей **целей и ориентиров семейно-демографической политики** (блок основных/базовых показателей эффективности мер, направленных на рост рождаемости и увеличение уровня жизни семей с детьми)

Подсистема показателей **демографической конъюнктуры** (блоки дополнительных показателей, характеризующих возрастно-половой состав населения - структурные факторы)

Подсистема показателей **«Семья, брачность, материнство и детство»** (блоки дополнительных показателей, направленных на решение конкретных задач в области семейной политики)

- - блок индикаторов, характеризующих брачность и разводимость населения;
- - блок индикаторов, характеризующих репродуктивное поведение;
- - блок индикаторов, характеризующих детствосбережение;
- - блок индикаторов смертности, заболеваемости, здорового образа жизни и и самосохранительного поведения;
- - блок индикаторов, характеризующих социально-экономическое положение семей.

Рисунок 2. Многоуровневая система показателей мониторинга семейно-демографической политики

По данным Росстата³, на 1 января 2022 г. численность населения России составила 145 млн 478 тысяч 097 человек, масштабы общей убыли населения за 2021 г. количественно равны 693 тыс. человек (на 1 января 2021 г. численность населения была равной 146 млн 238 тысяч 185 человек). За 30 лет (с 1992 г.) численность жителей страны уменьшилась более чем на 3 млн человек – рисунок 3. Рассматривая период до 2015 г., следует отметить более существенную интенсивность сокращения численности населения в сравнении с последним восьмилетним периодом: с 1992 по 2014 гг. общая убыль населения составила более 4 млн 847 тыс. человек, в среднем уменьшение численности населения достигало 0,15 % в год. В 2014 г. присоединение территорий Республики Крым и г. Севастополя увеличили население России более чем на 2 млн человек. Это не покрыло потери населения в первую волну депопуляции.

² Указ Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 г. № 203 «Указ о национальных целях развития России до 2030 года» // Администрация Президента России: сайт. [2022]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/63728>

³ Росстат // Федеральная служба государственной статистики: сайт. [2022]. URL: <https://rosstat.gov.ru/>

Рисунок 3. Динамика численности населения Российской Федерации на 1 января 1992–2022 гг.

Положительные тенденции роста численности населения России наблюдались с 2010 по 2016 гг. Однако сложившаяся неблагоприятная демографическая конъюнктура, характеризующаяся высоким уровнем старения населения и суженным воспроизводством, сформировала предпосылки для второй волны депопуляции, в которую Россия вошла в 2016–2017 гг. и находится в ней по настоящее время.

Сокращение численности населения, фиксируемое в последние четыре года, формируется прежде всего под устойчивым снижением рождаемости. Существенный рост смертности населения в 2020 и 2021 гг., спровоцированный «излишней» смертностью из-за COVID-19, усугубил ситуацию. Сегодня государством проводится активная семейно-демографическая политика, направленная на достижение роста рождаемости, что требует мониторинга и включения в число показателей целей и ориентиров семейно-демографической политики показателей, характеризующих рождаемость.

Обобщение и синтез информационных источников, включая как принятые государственные инициативы в области семейно-демографической политики, так и специальную научную литературу, позволяет утверждать, что одним из базовых показателей, характеризующих результативность семейно-демографической политики, однозначно является суммарный коэффициент рождаемости. Данный индикатор по своей сути отражает эффект от принимаемых мер, направленных на преодоление существующих демографических проблем, прежде всего суженного воспроизводства и депопуляции населения. Именно суммарный коэффициент рождаемости в подавляющем большинстве ведущие демографы выделяют или указывают в перечнях показателей для оценки демографической безопасности (при наличии ряда других).

В подсистеме показателей целей и ориентиров семейно-демографической политики суммарный коэффициент рождаемости является базовым, что также обосновано

вывается его включением в целевые ориентиры социально-экономического развития Российской Федерации⁴ и Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года⁵.

Концепцией демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года⁶ определена задача достижения увеличения суммарного показателя рождаемости в 1,5 раза в сравнении с 2006 г. Рост суммарного коэффициента рождаемости наблюдался с 2006 г. до 2015 г. и был равен 36,2 % (увеличение показателя с 1,305 до 1,777 ребенка на одну женщину). С 2016 г. он ежегодно уменьшался и в 2020 г. составил лишь 1,505 (рисунок 4).

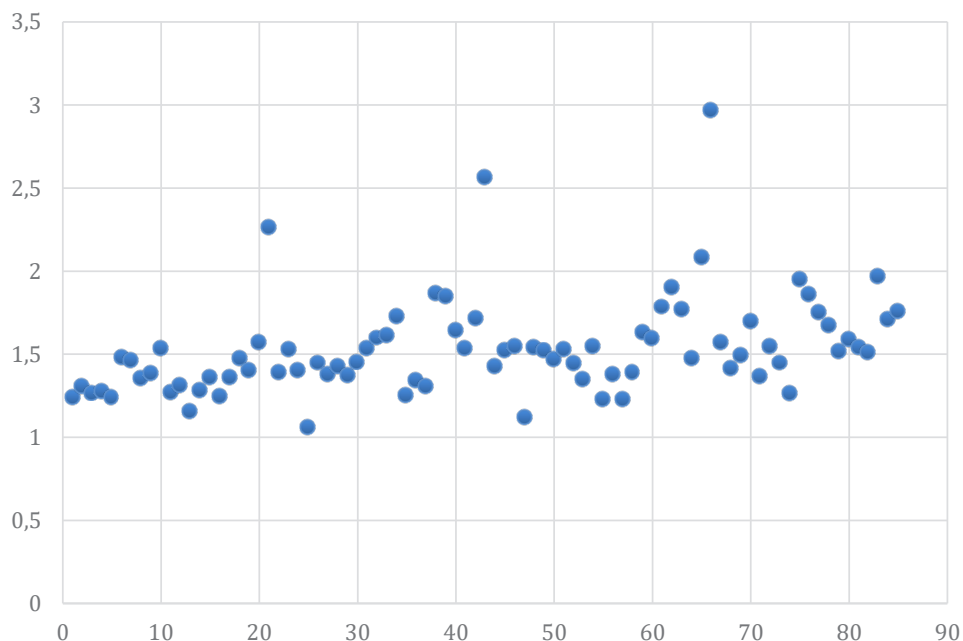

Рисунок 4. Суммарный коэффициент рождаемости населения в регионах Российской Федерации в 2020 г.

В региональном разрезе наблюдается существенная дифференциация по суммарному коэффициенту рождаемости, что подтверждается статистическими характеристиками по показателю за 2020 г.: максимальный суммарный коэффициент рождаемости зафиксирован в Республике Тыва (2,971), минимальный – в Ленинградской

⁴ Постановление Правительства Российской Федерации от 11 ноября 2015 г. № 1218 «О порядке разработки, корректировки, осуществления мониторинга и контроля реализации прогноза социально-экономического развития Российской Федерации на долгосрочный период» // Правительство Российской Федерации: сайт. [2022]. URL: <http://government.ru/docs/all/104147/>

⁵ Указ Президента Российской Федерации от 09.10.2007 г. № 1351 «Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года» // Администрация Президента России: сайт. [2022]. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/26299>

⁶ Указ Президента Российской Федерации от 09.10.2007 г. № 1351 «Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года» // Администрация Президента России: сайт. [2022]. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/26299>

области (1,061); размах вариации равен 1,91; стандартное отклонение, равное 0,29, указывает на довольно существенное рассеяние вокруг среднего значения. Медианное значение суммарного коэффициента рождаемости среди 85 субъектов России составило 1,479, следовательно, в более 50 % регионах более низкий уровень воспроизводства населения, чем в стране в целом (1,505).

Отметим, что в десяти регионах России суммарный коэффициент рождаемости с 2006 по 2020 гг. уменьшился: в Республиках Калмыкии, Ингушетии, Мордовии; в Чеченской Республике, в Белгородской, Владимирской, Волгоградской, Кемеровской, Томской областях и Чукотском автономном округе. При этом в шести из них показатель ниже среднероссийского уровня.

Подобные колебания значений суммарного коэффициента рождаемости по регионам, отрицательная динамика или стагнация данного показателя в ряде субъектов страны требуют дополнительных исследований мотивов репродуктивного поведения населения, факторов, влияющих на принятие решения о рождении ребенка.

В Стратегии национальной безопасности страны, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 02.07.2021 г. № 400⁷, среди национальных интересов на современном этапе сбережение народа России, развитие человеческого потенциала, повышение качества жизни и благосостояния граждан стоят на первом месте. Достижению указанного способствует решение таких задач, как: увеличение реальных доходов населения, сокращение числа малообеспеченных граждан; повышение рождаемости, формирование мотивации к многодетности и др.

Учитывая указанное, подсистема показателей «Целей и ориентиров семейной политики» может включать следующие индикаторы: численность населения на начало года (источник – Росстат); суммарный коэффициент рождаемости (источник – Росстат); ожидаемая продолжительность жизни при рождении (источник – Росстат); среднее ожидаемое число детей в домохозяйстве / семье (источник – Росстат; ИДИ ФНИСЦ РАН, данные Всероссийского социологического исследования «Демографическое самочувствие России»⁸); доля домашних хозяйств с детьми в возрасте до 16 (18) лет со среднедушевыми денежными доходами ниже величины прожиточного минимума в общей численности домашних хозяйств с детьми в возрасте до 16 (18) лет (источник – Росстат).

В качестве примера мониторинга результативности семейно-демографической политики на основе анализа показателей, характеризующих репродуктивное поведение населения России и полученных на основе Всероссийского социологического исследования «Демографическое самочувствие России», проводимого ИДИ ФНИСЦ РАН в 2020 г., можно привести данные, полученные по желаемому и ожидаемому числу детей в российских семьях (таблица 1). Данные сформированы по следующим субъектам России: г. Москва, Республика Башкортостан, Республика Татарстан, Вологодская область, Волгоградская область, Ивановская область, Ленинградская область, Московская область, Нижегородская область, Свердловская область.

⁷ Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Администрация Президента России: сайт. [2022]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046/page/1>

⁸ Всероссийское социологическое исследование «Демографическое самочувствие России», проведенное в конце 2019 – начале 2020 гг. в Центральном, Северо-Западном, Приволжском, Уральском, Северо-Кавказском, Южном федеральных округах. N=5616 представители различных поколений в возрасте от 18 до 50 лет. Рук. – д. соц. н., профессор Т. К. Ростовская.

**Структура ответов респондентов на вопросы о желаемом
и перспективно возможном числе детей, % от числа опрошенных**

Вариант ответа	Структура ответов на вопрос «Сколько всего детей (включая имеющихся) Вы хотели бы иметь, если бы у Вас были все необходимые условия?»		Структура ответов на вопрос «Сколько всего детей (включая имеющихся) Вы собираетесь иметь?»	
	Женщины	Мужчины	Женщины	Мужчины
Ни одного	3,2	5,0	4,6	5,8
1 ребенка	8,8	10,0	18,9	17,3
2 детей	43,2	39,4	44,0	39,7
3 детей	28,5	23,2	14,7	14,4
4 детей	3,0	2,9	1,4	2,0
5 детей и более	2,9	4,7	1,0	2,3
Трудно сказать	10,4	14,9	15,3	18,6

Среди опрошенных, имеющих детей (в возрасте 30–39 лет и 40–50 лет), и среди мнений респондентов о желаемом числе детей – два ребенка – оптимальный / предпочтительный вариант (либо как свершившейся факт, либо в оценке на перспективу), что определяет сформированную двухдетную модель семьи и необходимость мер, направленных на рост рождений в семьях третьих и последующих детей.

Подсистема показателей **демографической конъюнктуры** основана на данных Росстата и формируется по следующему перечню индикаторов: коэффициент естественного прироста (убыли) (на 1 тыс. чел. населения); доля населения моложе трудоспособного возраста (в %; на начало года); доля населения трудоспособного возраста (в %; на начало года); доля населения старше трудоспособного возраста (в %; на начало года); коэффициент общей демографической нагрузки на трудоспособное население (лиц нетрудоспособного возраста на 1 тыс. чел. трудоспособного возраста); коэффициент демографической нагрузки пожилыми на трудоспособное население (лиц старше трудоспособного возраста на 1 тыс. чел. трудоспособного возраста); коэффициент демографической нагрузки детьми на трудоспособное население (лиц младше трудоспособного возраста на 1 тыс. чел. трудоспособного возраста); соотношение мужчин и женщин (женщин на 1000 мужчин); соотношение мужчин и женщин репродуктивного возраста (женщин на 1000 мужчин; 15–49 лет); средний возраст населения (лет).

В состав блоков подсистемы показателей «**Семья, брачность, материнство и детство**» могут входить в том или ином наборе / перечне индикаторы, как приведенные в государственных концепциях, стратегиях, программах, так и разработанные и наблюдаемые Росстатом.

В качестве социологической информации, позволяющей оценить результативность мер демографической политики со стороны целевых групп и качественно дополнить базу индикаторов подсистемы показателей «Семья, брачность, материнство и детство», могут быть использованы показатели, собираемые в ходе мониторингово-

го исследования «Демографическое самочувствие России», например: оценка экономического положения семьи; оценка жилищных условий; жизненные ценности; место семьи в системе ценностей; характеристика образа жизни; характер взаимоотношений в семье, межпоколенных взаимоотношений; отношение к моделям семьи и брака; идеальная модель семьи; желаемое число детей; ожидаемое число детей; помехи к рождению детей; причины откладывания рождения; протогенетический и интергенетические интервалы; линии репродуктивного поведения; возраст при рождении детей каждой очередности; мотивы рождения детей; самооценка состояния репродуктивного здоровья; отношение к новым репродуктивным технологиям; возраст при вступлении в брак; отношение к регистрации брака; миграционная подвижность; перспективы миграции; факторы миграции; оценка состояния здоровья; мотивы здорового образа жизни; распространенность долголетия; мотивы долголетия; характеристики самосохранительного поведения; значимость семейной и демографической политики; оценка значимости мер демографической политики; оценка эффективности демографической политики; перспективные направления демографической политики; оценка влияния семейной и демографической политики на принятие решений в сфере репродуктивного поведения.

Примером мониторинга результативности семейно-демографической политики на основе данных Всероссийского социологического исследования «Демографическое самочувствие России» также может служить оценка зависимости репродуктивного поведения молодежи в возрасте до 35 лет от их самооценки уровня жизни – рисунок 5.

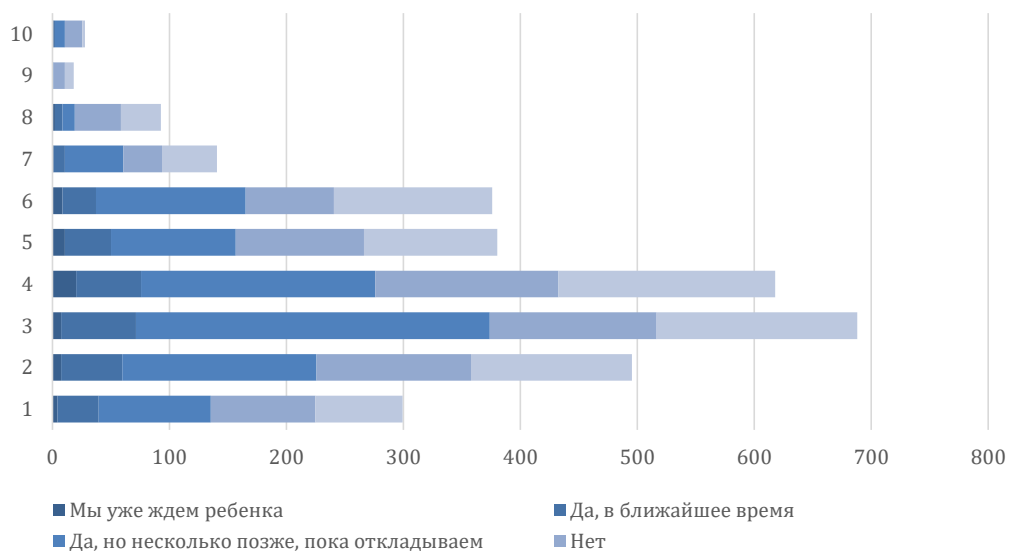

Рисунок 5. Сопряженность ответов респондентов, не состоящих в браке, в возрасте до 35 лет по оценке зависимости уровня жизни семьи в настоящее время и рождения в их семье ребенка, чел.⁹

⁹ По данным Всероссийского социологического исследования «Демографическое самочувствие России», проведенного в конце 2019 – начале 2020 гг. в Центральном, Северо-Западном, Приволжском, Уральском, Северо-Кавказском, Южном федеральных округах. N=5616 представители различных поколений в возрасте от 18 до 50 лет. Рук. – д. соц. н., профессор Т. К. Ростовская.

В оценках уровня жизни респондентами (4–10 баллов) наблюдается следующая ситуация: число респондентов, которые уже ждут ребенка или планируют рождение в их семье ребенка (в ближайшее время или несколько позже), превышает число тех, кто не собирается иметь ребенка. В категории молодого поколения, которое характеризует свой уровень жизни как довольно плохой (1–3 балла), наблюдается противоположная ситуация. При этом четко определяется склонность молодежи к откладыванию рождения ребенка вне зависимости от их самооценки уровня жизни, что определяет важность оценки причин подобного репродуктивного поведения.

В целом представленная система индикаторов и перечень показателей позволяют довольно полно охарактеризовать результативность проводимой государством семейной политики.

Заключение

Мониторинг результативности семейно-демографической политики подразумевает: сбор надлежащей информации, включая статистические и исследовательские данные, позволяющие разрабатывать / актуализировать и осуществлять управленческие стратегии (концепции, программы), выявлять преграды и барьеры, препятствующие достижению устойчивости социально-демографического развития России, способствовать устранению угроз, наносящих ущерб национальным интересам страны.

Анализ национальных приоритетов и интересов Российской Федерации, целей и задач, выделенных стратегических документов, касающихся вопросов семьи и демографического развития, позволил говорить о возможности внедрения многоуровневой системы показателей результативности семейной политики. Существует множество различных научных подходов к систематизации параметров комплексной оценки рассматриваемого объекта исследования, однако разнообразие предпосылок и факторов препятствует однозначной идентификации и согласованности со стороны всех теоретиков и практиков в отношении количества и поименного состава индикаторов, используемых для его полной и достоверной характеристики.

Сегодня необходимо обратить внимание на разрастание числа применяемых индикаторов, характеризующих состояние и трансформацию института семьи, динамику и структурные изменения демографических явлений и процессов, что объективно соответствует сложной, комплексной категории объекта исследования, имеющего многоаспектный, многогранный характер и предполагающего аналитику достаточно широкого спектра взаимосвязанных и взаимозависимых компонент. В этой связи для оперативных оценок результативности семейно-демографической политики возникает необходимость выделения предельно узкого круга параметров, которые должны идентифицировать сложившуюся обстановку на первом этапе, объединив их в подсистему показателей «целей и ориентиров семейно-демографической политики», – блок основных / базовых показателей эффективности мер, направленных на рост рождаемости и увеличение уровня жизни семей с детьми. По показателям подсистемы целей и ориентиров семейно-демографической политики должны быть разработаны и утверждены пороговые значения. Оценку результативности семейно-демографической политики необходимо

проводить как в рамках сравнения индикаторов с их пороговыми значениями, так и в динамике (в особенности, если пороговые значения не соблюдаются).

На втором этапе в целях более полной и комплексной оценки демографических рисков и угроз, рекомендаций по корректировке государственной семейной политики должны применяться вспомогательные показатели, объединяемые в подсистемы показателей «демографической конъюнктуры» и «семьи, брачности, материнства и детства».

Анализ результативности семейно-демографической политики для полноты и качества выводов необходимо проводить как на базе оценке показателей подсистемы целей и ориентиров, так и в сравнении и сопоставлении их значений с индикаторами, включенными в подсистему «демографической конъюнктуры» и «семьи, брачности, материнства и детства», включая расчет показателей интегральной / сводной оценки.

В целом разработанная методология мониторинга результативности семейно-демографической политики представляется оптимальной, так как на ее основе возможно всесторонне и адекватно отражать достижение целей и решение задач, предусмотренных в рамках стратегических инициатив, затрагивающих вопросы семьи и демографии. Разработанная система показателей, включающая существенно большой пул индикаторов, характеризующих разнообразные социально-демографические аспекты, позволяет как дать оценку тенденциям и текущей ситуации для разработки/актуализации конкретных решений, так и охарактеризовать изменения от реализации принятых мер.

Ссылки

1. Adelle C., Weiland S. Policy assessment: the state of the art // Impact assessment and project appraisal. 2012. Vol. 30. № 1. P. 25–33. URL: https://www.researchgate.net/publication/233320667_Policy_assessment_The_state_of_the_art (date of access: 03.04.2022).
2. Methods of Measuring the Impacts of Social Policy in Political, Economic and Social Dimensions / M. Samson, S. van Katwyk, M. Froling, R. Ndro // UNRISD Working Paper. 2015. № 4. URL: <https://www.econstor.eu/bitstream/10419/148748/1/861283775.pdf> (date of access: 08.04.2022).
3. Елизаров В. В. Теория и практика демографической политики в СССР // Статистика и Экономика. 2017. № 5. С. 71–84.
4. Архангельский В. Н., Зверева Н. В. Теоретические основы мониторинга региональной социально-демографической политики. М.: МАКС Пресс, 2009. 217 с.
5. Гончарова Н. П., Еремин А. А., Тарасова Е. В. Демографическая динамика и результативности демографической политики в регионах России // Государственный советник. 2019. № 3 (27). С. 101–108.
6. Гончарова Н. П., Еремин А. А., Тарасова Е. В. Демографическая политика в современной России: особенности реализации и методика оценки результативности: монография. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2020. 135 с.
7. Иванова А. Е., Михайлов А. Ю. Оценка демографической политики по снижению смертности на региональном уровне в России // Социальные аспекты здоровья населения. 2017. № 5 (57). С. 1.

8. Ростовская Т. К., Золотарева О. А. Оценка значимости мер демографической политики в области рождаемости: мнения мужчин и женщин России (по результатам социологического исследования) // *Женщина в российском обществе*. 2021. № 3. С. 47–52.
9. Методологические вопросы оценки результативности демографической политики в отношении рождаемости / Е. П. Сигарева, С. Ю. Сивоплясова, Ю. Э. Плетнева, В. Н. Архангельский // *Социальная политика и социология*. 2021. Т. 20. № 3 (140). С. 24–32.
10. Воробьева О. Д., Рыбаковский Л. Л. Доминанта миграционной политики современной России // *Социологические исследования*. 2017. № 8. С. 59–65.
11. Рязанцев С. В. Современная миграционная политика России: проблемы и подходы к совершенствованию // *Социологические исследования*. 2019. № 9. С. 117–126.
12. Абдулманов П. Г. Оценка эффективности демографической политики в республике Дагестан // *УЭПС: управление, экономика, политика, социология*. 2020. № 3. С. 66–72.
13. Сулейманов А. Р. Государственная национальная политика в российских регионах: индексы оценки эффективности и мониторинг // *Вопросы политологии*. 2016. № 3 (23). С. 165–171.
14. Яковлева Е. Н., Крюкова И. В. Методические подходы к оценке результативности и эффективности региональной социальной и демографической политики: теоретический аспект // *Известия высших учебных заведений. Серия: Экономика, финансы и управление производством*. 2021. № 1 (47). С. 114–124.
15. Кислицына О. А. Национальный индекс качества жизни (благополучия) как инструмент мониторинга эффективности социально-экономической политики в России // *Журнал исследований социальной политики*. 2017. Т. 15. № 4. С. 547–558.
16. Канищев В. В., Плужников А. Н. Региональная демографическая политика в текущих оценках государственных и муниципальных служащих: по материалам экспертных интервью в тамбовской области // *Pro пупс. Современные политические процессы*. 2021. № 1 (22). С. 92–109.
17. Разаханов М. М. Государственная политика в области регуляции демографических процессов и оценка ее эффективности в условиях современной российской реальности // *Научно-практические исследования*. 2019. № 8-3 (23). С. 190–195.

Russian citizens about life in the country: a sociological analysis of typological groups

I. S. Shushpanova¹, O. P. Novozhenina¹

¹Institute of Socio-Political Research of FCTAS RAS, 6 Fotieva str., bldg. 1 Moscow, 119333, Russian Federation

DOI: 10.18255/2412-6519-2022-2-230-243

Research article
Full text in Russian

The sociological monitoring measurement of Russians' opinions about life in the country allows us to trace the dynamics of changes in the actual demands of the population on important aspects of life, to identify reserves and risks of socio-political consolidation and sociopolitical stability of society. The author's research is based on the tools and empirical data obtained from the sociological monitoring "How are you, Russia" (ISPR FCTAS RAS, V. K. Levashov). The researchers analyze the change in quantitative indicators of the key socio-political characteristics of the consolidation of Russian society, obtained over 28 years of monitoring measurements (socio-economic and political factors). Positive changes were recorded according to the indicator of labor motivation of Russians. However, consolidation by the political factor makes it possible to fix pronounced processes of alienation, distrust and actualized demands for change in society. In the course of the sociological analysis, the authors construct two typological groups that differ in signs of economic and political optimism. The analysis of the features of the two identified typological groups showed the presence of different socio-political views, assessments and attitudes of their representatives. For the authorities, such information will become a support for rapid response to changes in the external and internal environment, the development of effective plans and strategies for the further development of the country, minimizing the risks of lowering the standard of living and well-being of the population.

Keywords: typology; civil society; state; government; politics; consolidation; optimism; pessimism

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Shushpanova, Irina S. | E-mail: i.s.shushpanova@mail.ru
| Cand. Sc. (Sociology), Associate Professor, Leading Research Fellow

Novozhenina, Olga P. | E-mail: olganov@yandex.ru
(correspondence author) | Senior research fellow

For citation: Shushpanova I. S., Novozhenina O. P. Russian citizens about life in the country: a sociological analysis of typological groups // *Social'nye i gumanitarnye znaniya*. 2022. Vol. 8, No 2. P. 230-243. (in Russ.)

Российские граждане о жизни в стране: социологический анализ типологических групп

И. С. Шушпанова¹, О. П. Новоженина¹

¹Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН, ул. Фотиевой, 6, корп. 1 Москва, 119333, Российская Федерация

DOI: 10.18255/2412-6519-2022-2-230-243
УДК 316.03

Научная статья
Полный текст на русском языке

Социологическое мониторинговое измерение мнений россиян о жизни в стране позволяет проследить динамику изменения актуальных запросов населения по важным аспектам жизнедеятельности, выявить резервы и риски социально-политической консолидации и социополитической устойчивости общества. В основе авторского исследования лежит инструментарий и полученные эмпирические данные социологического мониторинга «Как живешь, Россия» (ИСПИ ФНИСЦ РАН, рук. – В. К Левашов). Исследователи анализируют изменение количественных показателей ключевых социально-политических характеристик консолидации российского общества, полученных за 28 лет мониторинговых измерений (социально-экономический и политический факторы). Позитивные изменения зафиксированы по индикатору трудовой мотивации россиян. Однако консолидация по политическому фактору позволяет зафиксировать ярко выраженные процессы отчужденности, недоверия и актуализировавшиеся в обществе запросы на перемены. В ходе социологического анализа авторы строят две типологические группы, различающиеся по признакам экономического и политического оптимизма. Анализ особенностей двух выделенных типологических групп показал наличие отличающихся социально-политических взглядов, оценок и установок их представителей. Для органов власти такая информация станет опорой для оперативного реагирования на изменения во внешней и внутренней среде, разработки эффективных планов и стратегий дальнейшего развития страны при минимизации рисков снижения уровня жизни и благополучия населения.

Ключевые слова: типология; гражданское общество; государство; власть; политика; консолидация; оптимизм; пессимизм

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Шушпанова, Ирина Сергеевна (автор для корреспонденции)	E-mail: i.s.shushpanova@mail.ru Кандидат социологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник
Новоженина, Ольга Петровна	E-mail: olganov@yandex.ru Старший научный сотрудник

Для цитирования: Шушпанова И. С., Новоженина О. П. Российские граждане о жизни в стране: социологический анализ типологических групп // Социальные и гуманитарные знания. 2022. Том 8, № 2. С. 230-243.

Введение

Консолидация гражданского общества и государства является одной из ключевых условий устойчивого социально-политического развития страны. Мнения, суждения и установки граждан отражают объективную сторону восприятия жизни в стране, аккумулируют в себе целый спектр оценок, описывающих позитивные и негативные аспекты жизнедеятельности социума. Исследование общественного мнения в данном контексте позволит выявить резервы, оценить риски социально-политической консолидации и устойчивого развития страны. С одной стороны, любые изменения во внутренней и внешней политике, проводимые органами власти, непременно найдут свое отражение в мнениях граждан, сформировав особое видение сложившейся ситуации. С другой – объективные научные знания, полученные в ходе анализа общественного мнения о жизни в стране, будут способствовать налаживанию конструктивного диалога и эффективной обратной связи между гражданским обществом и государством.

Научные исследования, предметом которых является изучение различных аспектов жизни граждан, вызывают широкий общественный и государственный интерес. В социологической науке исследуются различные индикаторы, близкие по пониманию: «социальное самочувствие», «социальное благополучие», «удовлетворенность жизнью». Суждения, мнения и оценки респондентов могут служить оперативными и конкретными индикаторами при проведении эмпирических исследований с целью изучения широких основополагающих процессов и явлений. Например, с социологической точки зрения показатель, характеризующий оценки и суждения граждан о своей жизни в стране, является составной частью индикатора, измеряющего «социальное самочувствие» (субъективное благополучие). В свою очередь, «социальное самочувствие» входит в состав более широкого понятия «социальное благополучие»: «основными компонентами «социального благополучия» являются социальное самочувствие, разного рода настроения, ценностные ориентации, установки (политические, социально-психологические, духовные...» [1, с. 294]. Отдельные стороны удовлетворенности жизнью россиян, а также суждения, мнения и оценки респондентов исследуются учеными-социологами А. М. Алмакаевой, Н. В. Гашениной [2], М. К. Горшковым [3], Е. Ю. Костиной, Н. А. Орловой, А. О. Панфиловой [4], А. В. Кученковой, Г. Г. Татаровой [5; 6], И. В. Соболевой [7], Е. П. Сушко [8]. Изучению удовлетворенности жизнью респондентов и их точек зрения на различные стороны жизнедеятельности в различных странах посвящены работы А. В. Андреевской и Н. В. Андреевской [9]. Отметим, что оценка респондентами сложившейся жизненной ситуации в стране легла в основу исследования российскими социологами социально-политической устойчивости российского социума как индикатор социальной отчужденности и измерения актуального состояния гражданского общества [10].

Измерениями общественного мнения, в том числе по вопросу оценки гражданами отдельных сторон жизнедеятельности, занимается целый ряд социологических организаций. Актуальные социологические исследования проводят такие российские компании, как ВЦИОМ, Фонд «Общественное мнение», Левада-Центр, исследовательская группа «Циркон» и другие. Среди международных организаций можно выделить IPSOS, YouGov, Freedom house, Pew research center и другие. ВЦИОМ

ежемесячно рассчитывает индексы социальных настроений, которые базируются на измерении социологических показателей. Так, индекс «В какой мере Вас устраивает сейчас жизнь, которую Вы ведете?» по состоянию на 22 марта 2022 года составил 72 пункта (измеряется как разница между положительными и отрицательными ответами). В динамике с 21 января 2022 года значение данного показателя возросло с 50 до 72 пунктов. Значение другого индекса «Как Вы считаете, через год Вы (Ваша семья) будете жить лучше или хуже, чем сейчас?» равно 52 пунктам¹. Фонд «Общественное мнение» регулярно проводит мониторинг «Доминанты. Поле мнений». В очередном выпуске социологического бюллетеня социологи компании опубликовали следующие данные: 10 апреля 2022 года по сравнению с 16 января 2022 года на вопрос «Действия российских властей за последний месяц у Вас лично вызывали недовольство, возмущение или не вызывали?» с 63 % до 72 % возросло респондентов, давших ответ «не вызывали»². Численность когорты с противоположным мнением сократилась с 29 % до 24 %.

Методические аспекты авторского исследования

В настоящей статье эмпирической базой для социологического анализа послужили материалы социологического мониторинга «Как живешь, Россия?» с участием авторов. Исследование ежегодно выполняется в Центре социальных и социально-политических исследований ИСПИ ФНИСЦ РАН с 1992 года. В основу мониторинга положена квотно-пропорциональная репрезентативная всероссийская выборка. Объем выборочной совокупности в июле 2021 года составил 1609 респондентов. Опрос населения проведен в период 28.05.2021 – 18.06.2021 в следующих регионах Российской Федерации: УрФО (Челябинская область, Екатеринбург, Свердловская область), СФО (Новосибирская область), ЮФО (Ростов-на-Дону, Азов, Краснодарский край), СКФО (Ставропольский край), ЦФО (Ярославская область, Москва, Московская область), ПФО (Нижегородская область, Татарстан), ДФО (Владивосток), СЗФО (Санкт-Петербург, Ленинградская область).

На основе полученных авторами мониторинга эмпирических данных проводится социологический анализ, итогом которого является построение и описание типологических групп по ключевым индикаторам, а также описание сложившихся в стране взаимоотношений между гражданским обществом и государством. Новизна полученных авторами результатов заключается в нескольких аспектах. Во-первых, в основу социологического анализа положены эксклюзивные эмпирические индикаторы, наиболее точно характеризующие особенности отношений российского социума и государства. Они описывают два ключевых направления (фактора), в рамках которых формируются общественный запрос, процессы консолидации или отчуждения и доверия: социально-экономическое (трудовая мотивация)

¹ ВЦИОМ. Эмпирическая база исследований – социологические данные всероссийского опроса «ВЦИОМ-Спутник» (опрошены 1600 россиян в возрасте старше 18 лет), ошибка выборки не превышает 2,5 %. URL: <https://wciom.ru/ratings/indeksy-socialnogo-samochuvstvija> (дата обращения: 20.04.2022).

² Фонд «Общественное мнение». «Доминанты. Поле мнений. Социологический бюллетень». Опрос: неделя № 14. Выпуск: 14 апреля 2022 года. Социологическая информация базируется на репрезентативном еженедельном социологическом опросе населения России ФОМ-нибус (опрошены 1500 респондентов, статистическая погрешность не превышает 3,6 %). URL: <https://media.fom.ru/fom-bd/d142022.pdf> (дата обращения: 20.04.2022).

и политическое. Во-вторых, авторы анализируют количественные динамические показатели исследуемых индикаторов, начиная с 1994 года. В свою очередь, данный аспект позволяет проследить качественные изменения, происходящие во взаимоотношениях российского гражданского общества и государства на протяжении почти тридцати лет. В-третьих, построенная авторами типология и ее характеристика отражают структуру базиса процессов консолидации, раскрывая риски устойчивого социально-политического развития страны.

Результаты социологического анализа мнений российских граждан о жизни в стране: построение и описание типологических групп

Важнейшим условием нормального функционирования социального государства является консолидация гражданского общества и государства. Сложный авторский индикатор социально-политической отчужденности гражданского общества и российского государства отражает сложившиеся взаимоотношения и позволяет измерить степень их консолидированности [11, с. 65–69]. Этот индикатор складывается из четырех простых индикаторов, описывающих оценки респондентами уровней трудовой мотивации, отчуждения от власти, отношений Центр-регионы и включённости в политическую жизнь страны. Индикаторы трудовой мотивации и включённости в политическую жизнь страны могут быть интерпретированы как отражение, соответственно, социально-экономического («сейчас каждый, кто может и хочет работать, способен обеспечить свое материальное благополучие», альтернатива – «сколько ни работай, материального благополучия себе не обеспечишь») и политического («большинство из нас могут повлиять на политические процессы в стране», альтернатива – «большинство из нас не могут повлиять на политические процессы в стране») оптимизма.

За двадцать восемь лет мониторинга индикатор «экономического оптимизма» вырос с 20 % в 1994 году до 44 % в 2021 году. Альтернативный показатель «сколько ни работай, материального благополучия себе не обеспечишь» показал за тот же период снижение с 70 % до 43 %. Приведенные количественные значения демонстрируют протекающий в общественном сознании процесс становления трудовой мотивации, растущей уверенности граждан в своей способности реализовать экономическое благополучие при существующих возможностях. Однако отметим, что даже максимальное значение «экономического оптимизма» (47 %, декабрь 2014 года) не достигало 50 % (рис. 1).

О наличии глубокого социально-политического противоречия, не нашедшего своего разрешения за все годы либеральных реформ, свидетельствует индикатор «политического оптимизма». В 2021 году только 16 % респондентов считали, что «большинство из нас могут повлиять на политические процессы», 78 % – «большинство из нас не могут повлиять на политические процессы в стране» (рис. 2).

Количество респондентов, выражающих оптимизм относительно своей роли в политических процессах и решении будущего политического устройства страны, за период мониторинга не превысило 18 %. Подавляющее большинство российских граждан считали, что они глубоко отчуждены от происходящих в стране политических процессов.

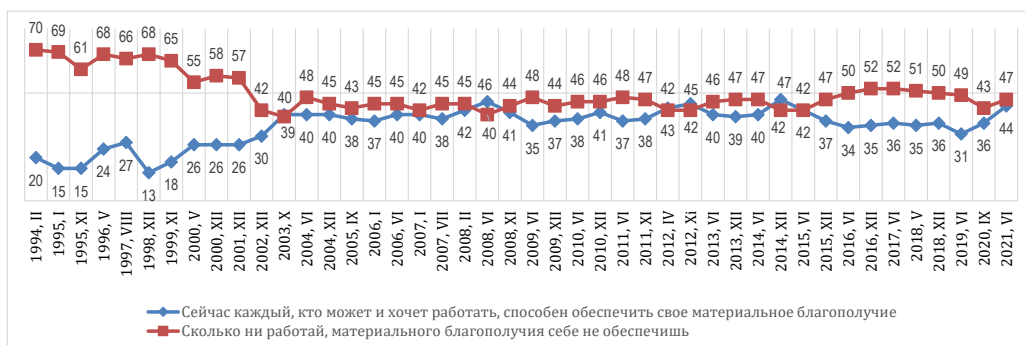

Рисунок 1. Индикатор «экономического оптимизма»: динамика изменения мнений российских граждан (в % от числа опрошенных респондентов)

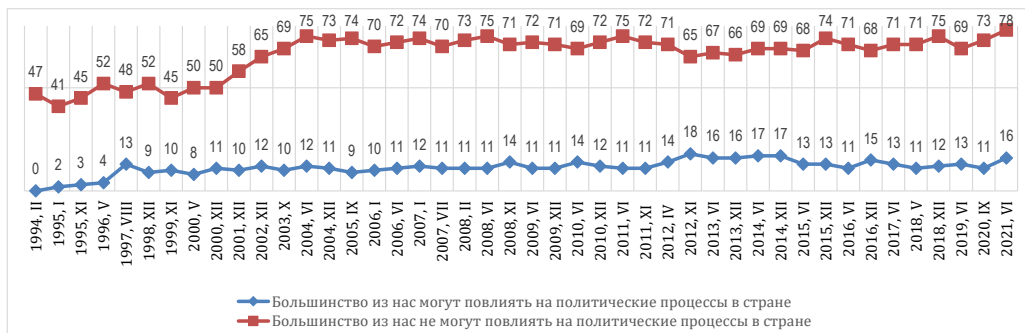

Рисунок 2. Индикатор «политического оптимизма»: динамика изменения мнений российских граждан (в % от числа опрошенных респондентов)

Классификация респондентов 51 этапа мониторинга «Как живешь, Россия?» по признакам «политического оптимизма» и «экономического оптимизма» позволила сформировать две условные типологические группы: «оптимисты» (позитивный вариант ответа по двум индикаторам) и пессимисты (оба варианта ответа негативные). В данном случае авторов статьи интересовали социально-политические установки и взгляды двух противоположных групп по восприятию своих перспектив одновременно в области благосостояния и гражданской политической активности. Количество респондентов в соответствующих группах составляло в 2021 году: «оптимисты» – 165 человек, «пессимисты» – 654 человека, соответственно, 10,3 % и 40,6 % от общего числа опрошенных.

Различие позиций наиболее ярко проявляется в ответах представителей типологических групп на вопрос о приоритетах российского государства в защите интересов различных слоёв общества (табл. 1).

Распределение ответов респондентов на вопрос: «Чьи интересы, по Вашему мнению, выражает и защищает сегодня российское государство?» (РФ, 2021. % от числа опрошенных в группах и по массиву)³

Варианты ответа	«Оптимисты»	«Пессимисты»	Справочно – по массиву в целом, N=1609
Бедных слоев	6,1	2,3	3,2
Средних слоев	13,9	6,7	11,3
Богатых слоев	33,9	66,1	54,9
Всех граждан России	43,6	6,3	15,6
Государственной бюрократии	25,5	42,2	36,9
Затруднились ответить	8,5	6,4	9,4

В целом по всему массиву опрошенных в 2021 году почти 55 % респондентов считали, что российское государство защищает интересы богатых, 36,9 % – государственной бюрократии, 15,6 % – всех граждан России. Однако структура и иерархия ответов в типологических группах резко отличаются от общего результата. Почти половина «оптимистов» (43,6 %) видят в государстве выразителя и защитника интересов всех его граждан, богатых слоёв – около трети, государственной бюрократии – около четверти опрошенных в группе. В целом такая позиция «оптимистов» соответствует как Конституции РФ (Российской Федерации, в соответствии с Конституцией, является социальным государством), так и реалиям капиталистического общества. Большинство же «пессимистов» убеждены, что в фокусе забот и приоритетов государства находятся богатые (66,1 %) и государственная бюрократия (42,2 %), относительно же интересов всех граждан России они придерживаются прямо противоположного «оптимистам» мнения. Только 6,3 % в этой группе согласны, что российское государство выражает и защищает интересы всех граждан России.

Противоположные взгляды на уровень социализации российского государства дополняются разнящимися оценками состояния различных сторон гражданского общества и видением собственного социального статуса представителями исследуемых типологических групп. В исследовании 2021 года респондентам было предложено дать оценку степени развития основных сторон российского гражданского общества по 10-балльной шкале. Оценки «оптимистов» по всем критериям развития социума ожидаемо оказались выше оценок «пессимистов». При этом иерархия оценок практически одинакова. Поменялись местами только позиции «Общественные организации» (четвертое место у «оптимистов», шестое – у «пессимистов») и «Демократия, свобода политического выбора» (наоборот, шестое и четвертое соответственно). Наивысшие оценки у представителей обеих групп, как и в целом по массиву, получило развитие таких сторон гражданского общества, как «Право собственности», «Политическое и идеологическое разнообразие

³ Число ответов превышает 100 %, так как респонденты могли отметить до 3 вариантов ответа. Источник: Центр социальных и социально-политических исследований ИСПИ ФНИСЦ РАН.

политических партий», «Открытость и доступность информации о положении дел в стране и за рубежом». Разница в значениях оценок по этим сторонам является минимальной – от 1,97 до 2,07 балльных пунктов. Самой слабой стороной жизни российского гражданского общества с точки зрения представителей обеих рассматриваемых групп является «Правовое государство – господство закона, перед которым все равны, и который защищает права, свободы и безопасность граждан»: восьмое место, 5,90 баллов – «оптимисты», 3,62 балла – «пессимисты».

Отметим, что оценка по критерию «Демократия, свобода политического выбора» максимально дифференцирует представителей двух типологических групп – разница в оценке составляет 2,51 балльных пункта. В целом общий уровень развития российского гражданского общества, рассчитанный как средняя величина по восьми индикаторам, составил у «оптимистов» 6,57, у «пессимистов» – 4,36 балльных пункта (разница в уровне оценки – 2,21 балльных пункта) (табл. 2).

Таблица 2

Мнение респондентов о том, в какой степени гражданское общество сегодня развито в нашей стране (РФ, 2021. Баллы по десятибалльной шкале, ранжировано по столбцу «Справочно»)⁴

Стороны жизни гражданского общества	«Оптимисты»	«Пессимисты»	Справочно – по массиву в целом, N=1609
Право собственности – владение, пользование и распоряжение своим имуществом	7,73	5,65	6,30
Политическое и идеологическое разнообразие политических партий	6,79	4,82	5,42
Открытость и доступность информации о положении дел в стране и за рубежом	6,61	4,57	5,26
Демократия, свобода политического выбора	6,53	4,02	4,85
Самоуправление – инициативное участие граждан в управлении делами по месту жительства, работы, учёбы и т. д.	6,38	4,07	4,81
Общественные организации, представляющие и защищающие интересы граждан	6,32	4,08	4,79
Свобода слова – право граждан без ограничений выражать своё мнение	6,30	4,01	4,70
Правовое государство – господство закона, перед которым все равны и который защищает права, свободы и безопасность граждан	5,90	3,62	4,28
Общий уровень развития гражданского общества (средняя величина восьми индикаторов)	6,57	4,36	5,05

⁴ Центр социальных и социально-политических исследований ИПИ ФНИСЦ РАН.

Проанализируем социальную самоидентификацию респондентов изучаемых групп. Эмпирическим референтом в данном случае служат ответы респондентов на вопрос о том, какое, по их мнению, место в нашем обществе они занимают по своему образованию, профессии, другим сторонам жизни. В целом по массиву в 2021 году выше всего респонденты оценивали свое место в обществе по образованию (6,48 балла по десятибалльной шкале). Немного меньше значения самооценок места в обществе по профессии (6,33 балла), по квалификации (6,25 балла) и по выполняемой работе, учебе (6,18 балла). Такая структура оценок в общем соответствует сложившимся в российском обществе представлениям о значении трудовых и профессиональных отношений. Более низкие значения имели самооценки места в обществе по качеству жизни (5,34 балла) и размеру денежных доходов (4,46 балла). Ниже всего респонденты оценили своё участие в политической жизни страны (3,03 балла). Среднее значение индикатора социальной самоидентификации по семи указанным критериям составило 5,44 балла – самый высокий уровень общей самооценки социального статуса респондентов за весь период наблюдений. Таким образом, на первом месте – оценки, определяемые ролью трудовых и профессиональных отношений в российском обществе. На втором – оценки уровня и качества жизни. И ниже всего – самооценка гражданами уровня вовлеченности в политическую жизнь страны (табл. 3).

Таблица 3

Социальная самоидентификация респондентов (РФ, 2021. Баллы по десятибалльной шкале, ранжировано по столбцу «Справочно»)⁵

Индикаторы	«Оптимисты»	«Пессимисты»	Справочно – по массиву в целом, N=1609
Полученное образование	7,41	6,13	6,48
Ваша профессия	6,68	5,93	6,33
Квалификация	6,79	5,93	6,25
Выполняемая работа, учеба	7,02	5,62	6,18
Качество вашей жизни	6,45	4,55	5,34
Размер вашего денежного дохода	5,42	3,78	4,46
Участие в политической жизни страны	4,16	2,67	3,03
Место в обществе в целом	6,28	4,94	5,44

Как и при оценке уровня развития гражданского общества, иерархия и структура социальных самооценок «оптимистов» и «пессимистов» в сложившихся в обществе условиях жизнедеятельности в основном совпадает. Единственное различие – у «оптимистов» на второе место выходит самооценка по выполняемой работе, учебе (7,02 балла), «пессимисты» ставят ее на четвертое место – 5,62 балла, у «пессимистов» на втором месте самооценка по профессии (5,93 балла), «оптимисты» – 6,68 балла, четвертое место. Очевидно, «пессимисты» оценивают себя скорее

⁵ Центр социальных и социально-политических исследований ИПИ ФНИСЦ РАН.

по потенциальным возможностям (полученная профессия, специальность), а «оптимисты» – по статусу реально занимаемой должности (выполняемая работа).

Значительные различия в социально-политических оценках и установках нашли свое отражение в уровнях и характере тревожности рассматриваемых типологических групп. Результаты мониторинга показали растущий уровень тревожности российского общества по поводу своего экономического положения. Повышение цен и тарифов по-прежнему является главной социально-экономической заботой российского гражданского общества в целом, занимая первое и второе места в иерархии тревожности представителей изучаемых групп. Однако если среди «оптимистов» индикатор «Повышение цен на продукты питания» отметили немногим более трети опрошенных в группе, то среди «пессимистов» – более половины, разница составила 17,1 процентных пункта. Сходная картина наблюдается в оценке тревог по индикатору «Повышение тарифов на жильё и коммунальные услуги», здесь разница – 11,6 процентных пункта. Уже начиная с третьего места, в группах актуализировались значения различных индикаторов, характеризующие состояние гражданского общества и социального государства в России (табл. 4).

Для «оптимистов» на третьем месте находятся «Экологическая обстановка» (27,9 %), на четвертом – «Произвол чиновников, коррупция» (24,2 %), на пятом – «Наркомания» (23,0 %). Данные проблемы описывают тревоги социального плана. «Пессимистов» продолжают волновать вопросы, непосредственно или опосредованно связанные с их материальным положением: третье место в группе получила «Дороговизна жизни» (37,9 %), четвертое – «Безработица» (30,3 %), пятое – «Высокая инфляция» (26,0 %). Отметим, что столь актуальная для «пессимистов» «Дороговизна жизни» находится лишь на шестом месте у «оптимистов», разница в уровне тревожности по этому индикатору составляет 15,5 процентных пункта. Позиция «Экологическая обстановка», напротив, гораздо менее тревожит «пессимистов» (9-е место), нежели «оптимистов» (3-е место).

По остальным позициям «оптимисты» выражают сравнительно большую, чем «пессимисты», обеспокоенность по индикаторам «Безопасность Ваша и Ваших близких» (разница 8,1 п.п.), «Экономические санкции против России» (6 п.п.), «Терроризм» (5,1 п.п.), «Обострение международных отношений» (4,2 п.п.), «Алкоголизм» (3,2 п.п.), «Мировой экономический кризис» (2,8 п.п.). У «пессимистов» уровень тревог выше, чем у «оптимистов» по индикаторам «Ухудшение положения пенсионеров в обществе» (разница 6,6 п.п.), «Разделение общества на богатых и бедных» (5 п.п.), «Страх перед будущим» (3,6 п.п.), «Заккрытие, простой предприятий» (3,2 п.п.), «Ухудшение отношений с США и Европой» (2,3 п.п.), «Преступность» (2,1 п.п.).

Структура тревожности, как и остальные анализируемые авторами социально-политические взгляды и установки респондентов типологических групп, отчасти находит своё объяснение в самооценке уровня доходов респондентов. При преобладании в обеих группах варианта ответа «Денег достаточно для приобретения необходимых продуктов и одежды» доля «Богатых» и «Обеспеченных» в группе «оптимистов» значительно превышает процент соответствующих социальных групп среди «пессимистов», а число «Бедных» и «Нищих», наоборот, значительно выше в группе «пессимистов» (табл. 5).

Распределение ответов респондентов на вопрос: «Какие проблемы беспокоят Вас в первую очередь?» (РФ, 2021. % от числа опрошенных в группах и по массиву, ранжировано по столбцу «Справочно»)»⁶

Индикаторы	«Оптимисты»	«Пессимисты»	Справочно – по массиву в целом, N=1609
Повышение цен на продукты питания	35,8	52,9	49,0
Повышение тарифов на жильё и коммунальные услуги	33,3	45,0	40,4
Дороговизна жизни	22,4	37,9	34,1
Безработица	19,4	30,3	25,2
Произвол чиновников, коррупция	24,2	24,2	24,0
Высокая инфляция	21,8	26,0	23,1
Экологическая обстановка	27,9	19,3	21,6
Падение нравов, культуры	19,4	18,7	20,6
Разделение общества на богатых и бедных	16,4	21,4	19,2
Наркомания	23,0	18,5	18,1
Ухудшение положения пенсионеров в обществе	16,4	22,9	18,1
Алкоголизм	17,6	14,4	15,8
Преступность	15,2	17,3	14,9
Страх перед будущим	10,9	14,5	13,2
Безопасность Ваша и Ваших близких	17,0	8,9	11,9
Терроризм	14,5	9,5	11,2
Обострение межнациональных отношений	10,3	6,1	7,8
Мировой экономический кризис	9,1	6,3	7,6
Экономические санкции против России	11,5	5,5	7,3
Задержка выплаты зарплаты, пенсий	9,7	8,0	7,2
Закрытие, простой предприятий	4,2	7,5	6,8
Ухудшение отношений с США и Европой	3,0	5,4	6,5
Другое	4,2	2,1	2,2

⁶ Центр социальных и социально-политических исследований ИПИ ФНИСЦ РАН.

Распределение ответов респондентов на вопрос: «Какая из ниже приведенных оценок наиболее точно характеризует Ваши доходы?» (РФ, 2021. % от числа опрошенных в группах и по массиву)⁷

Индикаторы	«Оптимисты»	«Пессимисты»	Справочно – по массиву в целом
Богатые	7,9	2,0	5
Обеспеченные	29,1	13,0	20
Ограниченные в средствах	48,5	56,0	53
Бедные	11,5	22,6	17
Нищие	3,0	6,4	5

Процессы российской социально-политической консолидации в разрезе типологических групп: основные выводы

В целом за 28 лет мониторинговых измерений трудовая мотивация граждан возросла (социально-экономический фактор). В свою очередь, уровень «экономического оптимизма» в российском социуме увеличился. Однако количественный показатель так и не достиг 50-процентного барьера. По данному индикатору наблюдается положительная динамика процессов консолидации российского социума и государства. Отметим, что ее резервы высоки. Здесь государству необходимо создавать эффективные фундаментальные основы и условия, направленные на рост оптимистических настроений в экономической сфере, своевременно отвечая на современные вызовы и угрозы во внешней и внутренней политике, снижая риски бедности и экономической отчужденности.

Второй индикатор, характеризующий политическую сторону консолидации российского гражданского общества и государства, позволяет зафиксировать наличие высоких уровней рисков социально-политической устойчивости. На протяжении почти тридцати лет российские граждане считали, что они не могут повлиять на происходящие в стране политические процессы. Данный факт отражает устойчивую оценочную установку граждан, характеризующую ярко выраженные процессы отчужденности социума в политической сфере.

Проанализированные авторами динамические характеристики мнений и суждений граждан о жизни в стране позволили построить типологические группы россиян, имеющих диаметрально противоположные взгляды и позиции по ключевым

⁷ Варианты ответов: «Богатые» – денег вполне достаточно, чтобы ни в чем себе не отказывать; «Обеспеченные» – покупка большинства товаров длительного пользования (холодильник, телевизор) не вызывает у нас трудностей; «Ограниченные в средствах» – денег достаточно для приобретения необходимых продуктов и одежды; «Бедные» – денег хватает только на приобретение продуктов питания; «Нищие» – денег не хватает даже на приобретение продуктов питания. Источник: Центр социальных и социально-политических исследований ИСПИ ФНИСЦ РАН.

параметрам: «оптимисты» и «пессимисты». Такой выбор исследователей обусловлен высокими интеграционными и дезинтеграционными (рисковыми) аспектами социально-политической консолидации российского общества. «Оптимисты» и «пессимисты» по-разному воспринимают социально-политическую реальность. Так, наибольшее число «оптимистов» полагают, что государство является выразителем и защитником интересов всех его граждан. В то же время большинство «пессимистов» считают, что государство заботится в первую очередь об интересах богатых. Средняя оценка «оптимистов» уровня развития российского гражданского общества существенно ниже, чем у «пессимистов». Анализ по критерию самооценки своего места в обществе показал, что «оптимисты» оценивают свое положение в социуме выше, чем «пессимисты». Отметим, что оптимистически настроенные граждане идентифицируют свой статус относительно реально занимаемой должности (выполняемая работа), а «пессимисты» – скорее соотносят себя с имеющимися потенциальными возможностями (профессия). Среди тревог, характерных для «оптимистов», можно выделить экологические, нравственные проблемы, вопросы безопасности и кризисности. «Пессимисты» в большей степени озабочены социально-экономическими и трудовыми проблемами. По критерию денежной самоидентификации среди «оптимистов» в большей степени зафиксировано «Обеспеченных в средствах» граждан. «Пессимисты» склонны себя идентифицировать с «Бедными» и «Ограниченными в средствах». Выявленная существенная разница в оценках своей жизни и своего положения в анализируемых типологических группах фиксирует наличие латентных резервов и рисков социально-политической консолидации и социополитической устойчивости, актуализации запросов общества на перемены, которые могут быть решены в ходе оптимизации процессов реформирования.

Ссылки

1. Социологические подходы к изучению социального благополучия: [монография] / Е. А. Авдеев, Э. Аллардт, Л. А. Беляева [и др.]; отв. ред. М. Ф. Черныш, Ю. Б. Епихина. М.: ФНИСЦ РАН, 2021. 431 с. DOI 10.19181/monogr.978-5-89697-377-5.2021
2. Алмакаева А. М., Гашенина Н. В. Субъективное благополучие: концептуализация, измерение и российская специфика // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2020. № 1. С. 4–13. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.1.01>.
3. Горшков М. К. О социальных результатах постсоветских трансформаций // Социологические исследования. 2019. № 11. С. 3–17. DOI: 10.31857/S013216250007445-2
4. Костина Е. Ю., Орлова Н. А., Панфилова А. О. Социальное благополучие в оценках жителей Дальневосточного региона // Вестник института социологии. 2020. Т. 11. № 1. С. 70–83.
5. Кученкова А. В., Татарова Г. Г. «Этап жизненного цикла» как детерминанта субъективного благополучия личности // Социологические исследования. 2019. № 8. С. 30–43.

6. Татарова Г. Г., Кученкова А. В. «Удовлетворенность жизнью» и «личное счастье» в социологическом измерении субъективного благополучия // Россия реформирующаяся: ежегодник: Вып. 18 / Отв. ред.: М. К. Горшков. М.: Новый Хронограф, 2020. С. 565–589. DOI: <https://doi.org/10.19181/ezheg.2020.24>

7. Соболева И. В. Социальное самочувствие предпринимателей и наемных работников в малом бизнесе // Социологические исследования. 2019. № 4. С. 57–69.

8. Сушко П. Е. Счастье и социальное благополучие в оценках россиян: проблема разграничения понятий // Социологическая наука и социальная практика. 2020. Т. 8. № 1. С. 48–62. DOI: [10.19181/snsp.2020.8.1.7094](https://doi.org/10.19181/snsp.2020.8.1.7094)

9. Андреевкова А. В., Андреевкова Н. В. Детерминанты удовлетворенности жизнью в России и Европе: сравнительный анализ // Дискурс. 2019. Т. 5. № 1. С. 67–81.

10. Социальное государство и гражданское общество в условиях реализации национальных проектов: [монография] / В. К. Левашов, Н. М. Великая, И. С. Шушпанова [и др.]; отв. ред. В. К. Левашов; ФНИСЦ РАН. М.: ФНИСЦ РАН, 2021. 128 с. DOI [10.19181/monogr.978-5-896-973522.2021](https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-896-973522.2021)

11. Российское гражданское общество и государство в условиях пандемии и парламентских выборов: [монография] / В. К. Левашов, Н. М. Великая, И. С. Шушпанова [и др.]; отв. ред. В. К. Левашов; ФНИСЦ РАН. М.: ФНИСЦ РАН, 2021. 110 с. URL: <https://www.fnisc.ru/publ.html?id=10240> (дата обращения: 22.04.2022).

Study of Russian expressions of time in the Chinese audience (based on the material of engineering texts)

Q. Buyin¹, O. A. Ilyina²

¹Pushkin State Russian Language Institute, 6 Akademika Volgina, Moscow, 117485, Russian Federation

²Moscow State Technical University, 5 2nd Baumanskaya, building 1, Moscow, 105005, Russian Federation

DOI: 10.18255/2412-6519-2022-2-244-268

Research article
Full text in Russian

The aim of the work is a comparative study of grammatical constructions of the expression of time in the Russian and Chinese languages based on the analysis of texts of engineering and technical discourse. The choice of the texts' orientation is due to the fact that the research is being carried out in order to improve the quality of teaching Russian to Chinese students at technical universities. Thus, this scientific work is linguodidactic in nature. Its results are addressed to teachers of the Russian language who work with Chinese students and do not speak Chinese.

This comparative study was carried out on the material of lexical and grammatical means of expressing the idea of time in the Russian and Chinese languages. All the constructions of time were divided into groups: (1) the designation of time using physical units of time measurement, (2) designation of time without the use of time units – designation of intervals, approximate time, repetitive moments of action.

All Russian lexical and grammatical models are presented in the work in the form of a parallel catalog, in which each Russian construction corresponds to a construction-translation into Chinese and the construction following the translation-restoration of the Chinese model by means of the Russian language. Thus, using the compiled catalog, a Russian-speaking teacher who does not speak Chinese can accurately see grammatical discrepancies when expressing the idea of time in two languages and, as a result, compile educational materials that allow students to cope with difficulties faster when studying the constructions of time expression in Russian.

Keywords: Russian expressions of expressing the idea of time; Chinese expressions of expressing the idea of time; nationally oriented education; Russian language in technical universities; Russian as a foreign language; reverse reconstruction method

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Buyin, Qimike | E-mail: BUYIN2014@mail.ru
Postgraduate

Ilyina, Olga A. | E-mail: o.a.ilina@gmail.com
Cand. Sc. (Pedagogy), Associate Professor

For citation: Buyin Q., Ilyina O. A. Study of Russian expressions of time in the Chinese audience (based on the material of engineering texts) // Social'nye i gumanitarnye znaniya. 2022. Vol. 8, No 2. P. 244-268. (in Russ.)

Изучение русских конструкций времени в китайской аудитории (на материале текстов инженерно-технического профиля)

Ц. Буинь¹, О. А Ильина²

¹Государственный институт русского языка имени А. С. Пушкина, Академика Волгина, 6, Москва, 117485, Российская Федерация

²Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана, 2-я Бауманская, 5, стр. 1, Москва, 105005, российская федерация

DOI: 10.18255/2412-6519-2022-2-244-268
УДК 378.4

Научная статья
Полный текст на русском языке

Целью работы является сопоставительное изучение грамматических конструкций выражения времени в русском и китайском языках на основе анализа текстов инженерно-технического дискурса. Выбор направленности текстов обусловлен тем фактом, что исследование выполняется в целях повышения качества обучения китайских студентов русскому языку в технических университетах. Таким образом, данная научная работа носит лингводидактический характер. Её результаты адресованы преподавателям русского языка, работающим с китайскими студентами и не владеющим китайским языком.

Объектом исследования являются предложно-падежные конструкции выражения времени. Анализ инженерно-технических текстов показал, что в целом все собранные модели могут быть разделены на группы: (1) обозначение времени с помощью физических единиц измерения времени, (2) обозначение времени без использования единиц измерения времени – обозначение моментов, интервалов, приблизительного времени, повторяющихся моментов действий.

Все собранные лексико-грамматические модели представлены в работе в виде параллельного каталога, в котором каждой русской конструкции соответствует конструкция-перевод на китайский язык и следующая за переводом конструкция-реставрация китайской модели средствами русского языка. Таким образом, пользуясь составленным каталогом, русскоязычный преподаватель, не владеющий китайским языком, может точно увидеть грамматические несовпадения при выражении идеи времени в двух языках и, как следствие, составлять учебные материалы, позволяющие студентам быстрее справляться с трудностями при изучении конструкций выражения времени в русском языке.

Ключевые слова: выражение времени в русском языке; выражение времени в китайском языке; национально ориентированное обучение; русский язык в технических университетах; русский язык как иностранный; метод обратной реконструкции

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Буинь, Цимике | E-mail: BUYIN2014@mail.ru
Аспирант

Ильина, Ольга Александровна | E-mail: o.a.ilina@gmail.com
Кандидат педагогических наук, доцент

Для цитирования: Буинь Ц., Ильина О. А. Изучение русских конструкций времени в китайской аудитории (на материале текстов инженерно-технического профиля) // Социальные и гуманитарные знания. 2022. Том 8, № 2. С. 244-268.

© Буинь Ц., Ильина О. А., 2022

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

Введение

Проводимое исследование выполнено в аспекте лингводидактики, а именно в целях преподавания русского языка китайским студентам, обучающимся по программам российских технических университетов.

В настоящее время, по данным Министерства образования и науки, в российских университетах в рамках различных программ подготовки обучается 32 600 студентов из Китая. Совместные программы подготовки технических специалистов проводят такие крупные китайские университеты, как Пекинский, Харбинский, Шаньдунский, Чанчуньский, Шэньянский политехнические университеты, Северокитайский университет водных ресурсов и электроэнергетики, Китайский университет геологических наук, Китайский нефтяной университет и др. С российской стороны в совместных образовательных проектах участвуют Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Московский государственный технический университет имени Н. Э. Баумана, Московский авиационный институт, Санкт-Петербургский политехнический университет имени Петра Великого, Томский политехнический университет, Томский государственный университет, Уральский федеральный университет и др. [1]. Регулярно проводимые опросы китайских студентов, обучающихся по совместным с российскими университетами программам, показывают, что наибольшей трудностью для них является использование русского языка как средства получения знания [2; 3; 4; 5].

Известно, что грамматические системы русского и китайского языков устроены по-разному, что, несомненно, является препятствием для китайских учащихся в процессе овладения русским языком. Студентам приходится пересматривать привычное устройство грамматического кода родного языка и трансформировать его в соответствии с формальными алгоритмами русского языка. Привыкание китайских учащихся к грамматическим конструкциям русского языка может задерживаться во времени и дополнительно осложняться тем, что русскоязычные преподаватели, не владеющие китайским языком, не понимают всех трудностей конвертации грамматических смыслов, которые испытывают их студенты в учебном процессе, и как следствие, не могут предложить более тонкой методической настройки своих занятий.

Тот факт, что в настоящий момент в учебный процесс технических университетов РФ вовлечен большой контингент китайских студентов, актуализирует для современной методики преподавания русского языка как иностранного задачу создания этноориентированных учебных материалов, позволяющих инофонам преодолевать интерференционные препятствия, вызванные несовпадением двух столь далеких друг от друга лингвистических систем: русского и китайского языков. Основным преимуществом разработки таких учебных коллективов является то, что она «позволяет повысить эффективность преподавания, т. е. уменьшить время обучения и увеличить объем изучаемого материала за счет использования межъязыкового сходства и снижения влияния интерференции» [6, с. 158]. Грамматический аспект русского языка, как показывают многочисленные методические исследования [7; 8; 9; 10], требует в китайской аудитории особой методической интерпретации, основанной на сопоставительном анализе строя двух

языков. Стоит подчеркнуть, что данные исследования, фокусируясь на выявлении предельных сходств и различий в двух языковых системах, делают акцент на описании трудностей, сопровождающих процесс изучения русского языка в китайской аудитории.

Цель данной работы заключается в том, чтобы показать, как носители китайского языка осмысливают русские грамматические конструкции выражения времени в процессе их изучения в сопоставлении с аналогичными конструкциями в родном языке. Результаты исследования адресованы прежде всего преподавателям русского языка, не владеющим китайским языком, но работающим с китайской аудиторией.

Материалом исследования стали конструкции выражения времени в простом предложении в текстах инженерного дискурса в сравнении с аналогичными китайскими конструкциями. Необходимо подчеркнуть, что конструкции выражения времени могут проявляться в синтаксической функции номинации (сейчас 8 часов) и обстоятельства (встретимся в 8 часов). В ходе каталогизации частотных конструкций выражения времени выявлено, что в технических текстах конструкции времени используются в функции обстоятельства.

Методы

С целью обнаружения языковых несовпадений в моделях с семантикой времени в русском и китайском языках был разработан метод обратной реконструкции. Изначально этот метод был разработан для сопоставительного анализа конструкций выражения времени в русском языке общей сферы употребления [11; 12], затем был применен для анализа конструкций с семантикой времени в текстах инженерной направленности. Данный метод основан на последовательном исполнении нескольких действий.

На первом этапе был составлен каталог русских конструкций со значением времени. Составление каталога происходило с опорой на Лингводидактическую программу по русскому языку как иностранному общего владения [13], научное исследование в области функциональной грамматики [14], а также через анализ текстов инженерного дискурса с целью выявления в них соответствующих языковых моделей. В результате удалось определить, какие именно языковые конструкции с семантикой времени должны входить в число обязательных для сопоставления на двух языках.

На следующем этапе каждая русская конструкция была переведена на китайский язык. Далее китайская модель реконструировалась средствами русского языка так, чтобы носителю русского языка было понятно её лексико-грамматическое устройство. В процессе реконструкции важно отразить морфологические и иногда лексические средства, участвующие в образовании анализируемой языковой модели. При этом, несомненно, возникают некоторые погрешности, вызываемые несовпадением грамматического строя языков: в частности, отсутствие в китайском языке словоизменения ставит исследователя перед выбором, сохранять ли при передаче китайской конструкции средствами русского языка морфологический строй китайского языка или использовать падежные и прочие грамматические формы русского языка. В данном исследовании был преимущественно выбран

второй вариант. Например, русская модель «встретимся через два часа» в результате обратной реконструкции может выглядеть так: 我们两个小时后见 «мы два часа через встретимся». В реконструированной модели можно видеть, что идея обозначения времени отложенного события в китайском языке передается следующим образом: во-первых, конструкция времени помещается перед глаголом, во-вторых, в самой конструкции на первом месте стоят слова, называющие время, затем слова с семантикой «после указанного момента времени». Форма глагола сохраняется такой, какой она была в русской модели до реконструкции, так как она не влияет на понимание структуры модели в целом. Таким образом, видя реконструированную модель, преподаватель русского языка как иностранного, не владеющий китайским языком, может понять, какие лингвистические операции должен произвести китайский студент при выражении идеи времени средствами русского языка.

Результаты

В технических текстах конструкции с семантикой времени используются чаще всего для отражения параметрических характеристик: времени протекания физического процесса, обозначения точных моментов, обозначения различных промежутков времени. Типичная русская языковая модель с семантикой времени представляет собой грамматическую структуру, включающую три элемента: во-первых, предлог, генерирующий основную семантику времени, или его отсутствие, что тоже формирует семантику времени (буквально отсутствие предлога сообщает следующую информацию – «время протекания действия»), во-вторых, числовое выражение, в-третьих, номинацию физических единиц измерения времени.

На начальном этапе исследования сопоставительному анализу, как было отмечено выше, подвергались конструкции с семантикой времени, используемые в общеупотребительной сфере. В этих конструкциях в качестве единиц измерения времени чаще выступали названия больших интервалов (дни, недели, годы и т. п.), чем названия единиц часового времени. В технических же текстах большинство конструкций времени сопровождается указанием единиц именно часового времени (секунды, минуты, часы): замечено, что чаще всего обстоятельства времени используются в текстах данной сферы для передачи точной темпоральной характеристики протекания различных физических процессов, что связано с предметной стороной инженерно-технического дискурса.

Далее в статье будут представлены типичные примеры, в которых употребляются конструкции времени в сопоставлении с их китайскими коррелятами. Среди наиболее распространенных в текстах инженерного дискурса языковых конструкций с семантикой времени выделено восемь групп, которые имеют следующую грамматическую семантику:

- обозначение времени протекания физического процесса;
- обозначение времени, необходимого для достижения результата;
- обозначение времени, в течение которого сохраняется результат;
- обозначение времени действия, наступающего по окончании другого действия;
- обозначение предельных точек периодов;
- обозначение идеи предшествования;

- выражение идеи срока, разделяющего разные действия;
- выражение идеи одновременности действий.

1. Обозначение времени протекания физического процесса

Сопоставим обозначение продолжительности действия в русском и китайском языках:

- *двигаться одну минуту* 移动一分钟 (кит. двигаться одна минута);
- *падение продолжается две секунды* 下跌持续了两秒 (кит. падение продолжается две секунды).

Приведенные выше примеры показывают, что для обозначения продолжительности действия в русском языке зарезервирована позиция беспредложного винительного падежа после глагола несовершенного вида, который формирует семантику процесса действия. В китайском языке также существует аналогичная модель, но ее употребление регулируется следующим правилом: она должна помещаться после глагола. По своей форме она совпадает с конструкцией, используемой в роли субъекта предложения, таким образом, дифференциация грамматической семантики у одной и той же конструкции в китайском языке зависит от позиции конструкции относительно глагола. Данная модель не представляет сложностей для изучения в китайской аудитории, требуется лишь акцентуализация необходимости использования глаголов несовершенного вида.

Другим вариантом выражения идеи времени процесса, не менее распространенным в технических текстах, является лексико-грамматическая модель с предлогом «в течение»:

- *тело двигалось в течение 5 секунд* 物体在五秒之内发生了移动 (кит. тело в 5 секунд^内 двигалось);
- *камень падает в течение 3 секунд* 石头在三秒内跌落 (кит. камень в 3 секунды^内 падает).

Согласно новому китайско-русскому словарю, слово «в течение» ведёт себя по-разному в китайском языке в зависимости от того, чем выражено зависимое от него слово – существительным со значением названия периода или числительным в комбинации с указанием физических единиц времени. Если зависимое слово выражено существительным со значением названия процесса или названия периода, то используется только модель со словом 在 (течение), например, 在法国大革命期间 – буквально «в течение Великой французской революции», 在战争期间 – буквально «в течение войны». На русский язык эти модели обычно переводятся с использованием предлога «во время». Таким образом, в этих ситуациях слово «в течение» в китайском языке переводится как слово с семантикой продолжительности процесса.

В случае если после предлога «в течение» используется численно-именная конструкция, выражающая время в физических единицах измерения, то для ее передачи в китайском языке употребляется модель с двумя служебными словами «在 единица времени 内». Однако главная методическая трудность для преподавателя и студентов при работе с данной конструкцией связана вовсе не с наличием двух разных аналогов русского слова «в течение» в китайском языке, а с тем,

что во втором значении (при числовых обозначениях времени) этот предлог в китайской лингвокультуре становится эквивалентным русскому предлогу «за», используемому в конструкциях обозначения времени, необходимого для достижения результата. В русском языке эти конструкции несут разные смыслы – «за пять минут, месяцев, недель» и «в течение пяти минут, месяцев, недель», – а на китайский они переводятся одинаково: 在5分钟内/ 在一周内/ 在一个月內 [15, с. 244]. В нижеследующей части конструкция со значением времени, необходимого для достижения результата, в сопоставлении с её китайским аналогом рассмотрена более детально.

2. Обозначение времени, необходимого для достижения результата

Идея фиксации срока действия, необходимого для достижения результата действия, в русском языке передается конструкцией «за сколько времени». Преподавателям русского языка как иностранного хорошо известно, что эта конструкция вызывает особые трудности в процессе её изучения в иностранной аудитории в силу неочевидности для иноязычного сознания выражаемого ей грамматического значения. В предыдущем параграфе уже было показано, что в китайском языке семантика данной конструкции смыкается с семантикой конструкции выражения периода действия, что значительно осложняет для китайских учащихся понимание обеих лексико-грамматических моделей. Необходимо отметить, что в текстах инженерно-технической направленности данные конструкции имеют высокий индекс частотности, в силу того что сам предмет речи инженерно-технического дискурса требует выражения темпоральных характеристик завершившихся или планируемых физических процессов. Следовательно, работе с описываемыми грамматическими моделями на занятиях по русскому языку в китайской аудитории должно быть придано особое значение.

Рассмотрим примеры использования данной модели в русскоязычных текстах в сопоставлении с китайским языком:

– *тело этот участок пути прошло за одну минуту* 物体在一分钟内经过了这段路 (кит. тело в одну минуту内 прошло этот участок пути);

– *за две секунды скорость тела увеличилась* 在两秒内物体的速度加快了 (кит. в две секунды内 скорость тела увеличилась).

Приведенные примеры языковых моделей дают возможность утверждать, что в обоих языках действительно присутствует специальная модель для выражения значения «срока действия, необходимого для достижения результата действия». Однако, если в русском языке идея выражается лексико-грамматической конструкцией «предлог «за» + название интервала времени в синтаксической позиции винительного падежа», то в китайском языке эта идея передается моделью «在+ время + 内», где к комбинации слов, обозначающей время, добавляются специальные слова, маркирующие идею «срока действия, необходимого для достижения результата действия» [16, с. 236].

Наличие прямого коррелята русской модели в родном языке студента всегда позитивно отражается на процессе изучения русского языка, однако в случае с описываемой выше китайской моделью «在+ время + 内», которую мы рассматриваем как эквивалент русской «за + период, необходимый для достижения результата»,

это методическое положение не выполняется. Осложняющим является тот факт, что эта же модель, как было показано в первой части, в китайском языке эквивалентна модели «в течение + период», т. е. носителем китайского языка эти две модели рассматриваются как синонимичные, несущие одинаковые смыслы.

Учитывая данные лингвистические обстоятельства, преподавателям русского языка рекомендуется работать на занятии с большим количеством примеров, чтобы студенты смогли самостоятельно наблюдать за употреблением конструкций с предлогами «за» и «в течение».

3. Обозначение времени, в течение которого сохраняется результат

Обозначение времени, в течение которого сохраняется результат действия, выражается в русском языке грамматической конструкцией с предлогом времени «на», требующим после себя использования форм винительного падежа:

– *поставить воду в холодильник на час* 把水在冰箱里放一个小时 (кит. воду в холодильник поставить и оставить час);

– *оставить работающее устройство на весь день* 让设备全天运行 (кит. пусть устройство работает весь день).

В китайском языке у этой модели нет точного структурного коррелята, поэтому грамматическое значение «срока сохранения результата действия» передается лексически: к основному тексту добавляется фраза, которую на русский язык можно перевести как «и останусь там в течение некоторого периода», «и буду находиться там некоторый период», «и можно использовать объект некоторый период», «пусть будет так некоторый период» и др. Выбор лексической модели зависит от смысла предложения и от контекстных слов. Так, в предложении «поставить воду в холодильник на час» выбирается модель «и оставить час», а в предложении «оставить работающее устройство на весь день» выбирается модель «пусть устройство работает весь день».

Хотя у описываемой русской языковой модели в китайском языке отсутствует грамматически эквивалентная языковая модель, тем не менее освоение её не вызывает больших трудностей у китайских студентов, её структура и семантика понятна им.

4. Обозначение времени действия, наступающего по окончании другого действия

Рассмотрим три языковые модели, которые обозначают время, по прошествии которого начнётся какое-либо иное действие. Для выражения данной идеи в русском языке используются конструкции с тремя разными предлогами: «через», «после», «спустя». Предлоги «через» и «спустя» требуют после себя введения слов с семантикой единиц времени, предлог «после» – названий событий.

– *тело остановилось через 2 минуты* 两分钟后物体停了下来 (кит. 2 минуты через тело остановилось);

– *после падения температура тела повысится* 跌落后物体的温度会上升 (кит. падение после температура тела повысится);

– *спустя три секунды тело остановилось* 过了三秒后物体停了下来. (кит. спустя три секунды тело остановилось).

Реконструируемые модели показывают, что модели данного раздела в двух языках семантически эквивалентны, однако синтаксические правила китайского языка требуют, чтобы служебные слова стояли после слов, выражающих значение времени, кроме конструкции со словом «спустя», в которой синтаксическая последовательность элементов соответствует русскому варианту.

5. Обозначение идеи предшествования

Для реализации идеи временного предшествования в русском языке используются конструкции с предлогами «перед» и «до». Нейтральным в этой паре является предлог «до», а предлог «перед» обладает коннотацией, указывающей на близость двух событий во времени:

– **до падения** *скорость тела была постоянной* 墜落前物体的速度是匀速的 (*kit.* до падения скорость тела была постоянной);

– **перед стартом** *ракета размещается в грузовом отсеке самолёта* 火箭在快发射时被放置在飞机货舱内 (*kit.* ракета перед стартом размещается в грузовом отсеке самолёта).

В случае, если необходимо выразить идею, что одно событие происходит во времени раньше другого, используется слово «前», что приблизительно значит «раньше, чем...». В случае, если необходимо показать близость двух моментов, то используются два слова «快...时», которые можно перевести как «близко к моменту». Таким образом, обе идеи имеют свои средства для реализации в китайском и русском языках.

6. Обозначение предельных точек периодов

Далее рассмотрим языковые модели, которые фиксируют внимание на моментах начала и конца действия. В русском языке для выражения указанной идеи используются языковые модели с предлогами «от» и «до». Необходимо отметить, что при указании точного часового времени используются комбинация предлогов «с» и «до», однако в технических текстах важнее отразить идею времени протекания события, с этой целью используется предложная пара «от» и «до»:

– **время от момента броска до момента падения** *равняется 3 секундам* 从投掷瞬间到墜落瞬间的时间为3秒 (*kit.* от броска момента до падения момента время равняется 3 секунды);

– **от начала движения и до остановки** *прошло 3 минуты* 从开始移动到停下来过去了3分钟 (*kit.* от начала движения и до остановки прошло 3 минуты).

Таким образом, для передачи идеи периода с указанием на его начало и конец в русском языке используется модель с предлогами «от» и «до» и существительным в форме родительного падежа. В китайском языке также употребляются предлоги, эквивалентные русским предлогам «от» и «до», поэтому в целом модели в обоих языках выглядят симметрично.

7. Выражение идеи срока, разделяющего разные действия

Идея срока, разделяющего разные действия, в русском языке выражается моделями с парными предлогами «через ... после» и «за ... до». Первая конструкция

употребляется для выражения идеи о том, что одно событие происходит после предшествующего, а вторая, наоборот, фиксирует момент предшествования:

- **через 2 секунды после броска** расстояние между телами было 10 м 投掷(后)2秒之后, 物体之间的距离为10米 (кит. после броска через 2 секунды расстояние между телами было 10 м);

- **за 2 секунды до падения** тело двигалось со скоростью 5 м/с 坠落前的两秒内, 物体以5米/秒的速度移动着 (кит. до падения за 2 секунды тело двигалось со скоростью 5 м/с).

Для передачи значения, выражаемого моделью с парными предлогами «через ... после», в китайском языке используется схожая модель со служебными словами «后...之后...», что дословно переводится «после ... через ...», однако следует обратить внимание, что в китайской модели порядок расположения служебных слов выстроен иначе, чем в русском языке. Во втором случае для передачи «за ... до» используется модель «...前...内», в которой порядок служебных слов также противоположен русскому: в китайском языке порядок следования служебных слов выглядит так: «... до ... за».

8. Выражение идеи одновременности действия

Рассмотрим конструкции, обозначающие одновременность протекания двух действий. В русском языке данная идея выражается с помощью конструкций, в состав которых входят предлоги времени «при» и «во время». Рассмотрим, как реализуется в китайском языке данная идея:

- **во время работы двигателя** ускорение равно 2 м/с 发动机运转时, 加速度为2米/秒 (кит. во время работы двигателя ускорение равно 2 м/с);

- **во время движения** скорость не изменялась 在运动时, 速度没有变化 (кит. во время движения скорость не изменялась);

- **при повышении температуры** повышается скорость химической реакции 当温度的升高时, 化学反应的速率会增加 (кит. когда повышается температура, скорость химической реакции повышается).

В китайском языке слово «时» означает «во время», таким образом, русской конструкции со словом «во время» есть соотносительная пара в китайском языке. Для русской конструкции с предлогом «при» в китайском языке нет коррелята, при передаче основного смысла необходимо использовать синтаксическую структуру сложного предложения со словом «когда».

Обсуждение

Категория времени не является исключительно грамматической, она носит глобальный, философский характер. Выражение идеи времени языковыми средствами обусловлено влиянием национальной картины мира, сформированной у каждого субъекта коммуникативного процесса под воздействием родной лингвокультуры. Хотя русская и китайская лингвокультуры в целом согласны с быстротечностью бытия, тем не менее восприятие физического времени ощущается по-разному. Исследователями было установлено, что для носителей европейской, в частности русской, культуры ось жизненного пути человека представлена таким образом, что прошлое находится позади него, а будущее – впереди. Для носителей

китайской культуры восприятие прошлого и будущего полностью противоположное: будущее находится позади человека, а прошлое – впереди [17, с. 97]. Общее восприятие движения времени влияет на формирование способов создания высказывания о нём.

Рассмотренные в данной работе грамматические конструкции времени, переведенные на китайский с последующим возвратным переводом на русский язык, позволяют показать преподавателю русского языка, не владеющему китайским языком, как студент-китаец воспринимает данные конструкции, пропуская их через оптику родного языка. В состав русских конструкций входят обычно три элемента: служебное слово-предлог, числовое выражение и номинация единиц измерения времени. В аналогичных конструкциях времени в китайском языке могут отсутствовать служебные слова, однозначно соотносимые по смысловой нагрузке с русскими предлогами, поэтому для формирования необходимой семантики в китайской конструкции используются либо специальные, уникальные, служебные слова, либо другие, отличные от русских, лексические средства. В некоторых случаях идея не имеет лингвистической возможности быть точно выраженной из-за отсутствия её в языковом сознании участников национально-языкового коллектива, в этом случае необходимо работать над формированием понятия данной идеи и над средствами её выражения в русском языке.

Разработанный параллельный каталог конструкций времени на русском и китайском языках позволяет преподавателю разрабатывать эффективные лингводидактические материалы, учитывающие интерференционные пересечения в китайских и русских языковых моделях выражения времени.

Ссылки

1. Лю Лицю. Базовое исследование текущего положения и педагогических моделей обучения русскому языку студентов технических специальностей в рамках российско-китайского сотрудничества в области образования // Теория и практика. 2020. № 9. С. 84–86.
2. Тань Яньцзе Этнопсихологические особенности обучения китайских учащихся // Молодой ученый. 2017. № 17. С. 288–291.
3. Гулимуре А., Титкова С. И. Русский язык в Китае: традиции и перспективы // Современные лингвистические и методико-дидактические исследования. 2018. № 2. С. 68–78.
4. Новикова А. К. Преподавание русского языка в Китае: этнометодические и этнокультурные особенности // Вестник РУДН. Вопросы образования: языки и специальность. 2011. № 1. С. 68–75.
5. Сунь Ю. Учет когнитивно-психологических характеристик китайских учащихся при обучении русской грамматике // Самарский научный вестник. 2020. Т. 9. № 1. С. 283–288.
6. Азимов Э. Г., Щукин А. Н. Современный словарь методических терминов и понятий. Теория и практика обучения языкам. М.: Русский язык. Курсы, 2019. 496 с.
7. Балыхина Т. М., Чжао Юйцзян. От методики к этнометодике: обучение китайцев русскому языку: проблемы и пути их преодоления. М.: РУДН, 2010. 344 с.

8. Вакула Е. А., Колесникова В. В., Можаяева Е. Ю. Особенности преподавания русского языка как иностранного китайским слушателям на начальном этапе обучения // Современные проблемы науки и образования. 2018. № 4. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=27790> (дата обращения: 20.05.2022).
9. Краснокутская Н. В. Реализация принципа учета родного языка в учебниках русского языка для иностранцев // Русистика. 2020. Т. 18. № 3. С. 342–358.
10. Щелокова А. Преодоление трудностей в обучении русской грамматике китайских студентов // Концепт. 2018. № 2. С. 1–5.
11. Ильина О. А., Буинь Ц. Грамматическая категория времени: почему ее нелегко понять китайским студентам, изучающим русский язык? // Когнитивные стратегии филологического образования в России и за рубежом : Сборник научных статей по итогам Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Екатеринбург, 23–26 мая 2019 года / Главные редакторы Е. В. Дзюба, С. А. Еремина. Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2019. С. 82–85.
12. Буинь Ц., Ильина О. А. Выражение точного времени в русском и китайском языках // Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие. XX Кирилло-Мефодиевские чтения: Материалы Международной научно-практической конференции (в рамках Международного Кирилло-Мефодиевского фестиваля славянских языков и культур), Москва, 22–24 мая 2019 года / Главный редактор М. Н. Русецкая. М.: Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, 2019. С. 83–87.
13. Лингводидактическая программа по русскому языку как иностранному: элементарный уровень (А1), базовый уровень (А2), первый сертификационный уровень (В1). М.: РУДН, 2017. 185 с.
14. Книга о грамматике. Для преподавателей русского языка как иностранного. СПб.: Златоуст, 2018. 752 с.
15. Чжан Цзяньхуа и др. Новый русско-китайский словарь. Пекин: Преподавание иностранных языков и исследовательская пресса, 1992. 1068 с.
16. Ли Ван. Основы китайской грамматики. М.: Грамматика, 1954.
17. Панков Ф. И. Некоторые вопросы преподавания русской грамматики и лексики в свете языковой картины мира // Вопросы когнитивной лингвистики. 2007. № 2. С. 85–101.

Psycholinguistic meaning of anthroponyms of the lexico-semantic group "TV Presenter" in the youth language consciousness

A. A. Talitskaya¹, V. A. Pozdnyakova¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, 14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003, Russian Federation

DOI: 10.18255/2412-6519-2022-2-256-268

Research article
Full text in Russian

The article discusses the peculiarities of the perception of anthroponyms of the lexico-semantic group "TV Presenter" by the youth language consciousness. The anthroponyms *Pavel Volya* and *Olga Buzova* served as the material for the study. The study was conducted using the methods of a free and directed associative experiment, according to the results of which the associative fields of both stimuli were compiled. After processing the experimental data obtained, the psycholinguistic meanings of anthroponyms are formulated. The analysis of the materials of the Russian National Corpus allowed us to form elements of the communicative meaning of the studied anthroponyms. In the psycholinguistic meaning and in the texts of the media, the anthroponyms *Pavel Volya* and *Olga Buzova* are characterized by semantic groups of the *Sphere of activity*, *Life events*, *Professional achievements* and *Appearance, character traits, intelligence, behavior*. It is shown that both anthroponyms are characterized by semes with both approving and disapproving evaluation, while the variety of evaluative characteristics is wider in psycholinguistic meaning. A comparative analysis of the semantics of anthroponyms is carried out on the basis of the psycholinguistic meaning formulated according to the results of the experiment and the media texts presented in the Russian National Corpus. Conclusions about the different assimilation of anthroponyms by language consciousness are drawn: the anthroponym *Pavel Volya* is better fixed in the youth language consciousness.

Keywords: free associative experiment; directed associative experiment; associative field; psycholinguistic meaning; semes; anthroponyms

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Talitskaya A. A. | E-mail: a.talitskaya@uniyar.ac.ru
Cand. Sc. (Philology), Associate Professor

Pozdnyakova V. A. | E-mail: victoriya.pozdniackova@yandex.ru
Graduate

For citation: Talitskaya A. A., Pozdnyakova V. A. Psycholinguistic meaning of anthroponyms of the lexico-semantic group "TV Presenter" in the youth language consciousness // *Social'nye i gumanitarnye znaniya*. 2022. Vol. 8, No 2. P. 256-268. (in Russ.)

Психолингвистическое значение антропонимов лексико-семантической группы «Телеведущий» в молодежном языковом сознании

А. А. Талицкая¹, В. А. Позднякова¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, ул. Советская, 14, Ярославль, 150003, Российская Федерация

DOI: 10.18255/2412-6519-2022-2-256-268

УДК 81

Научная статья

Полный текст на русском языке

В статье рассматриваются особенности восприятия антропонимов лексико-семантической группы «Телеведущий» молодежным языковым сознанием. Материалом для исследования послужили антропонимы *Павел Воля* и *Ольга Бузова*. Исследование проводилось с помощью методов свободного и направленного ассоциативного эксперимента, по результатам которого были составлены ассоциативные поля обоих стимулов. После обработки полученных экспериментальных данных сформулированы психолингвистические значения антропонимов. Анализ материалов Национального корпуса русского языка позволил сформировать элементы коммуникативного значения исследуемых антропонимов. В психолингвистическом значении и в текстах СМИ антропонимы *Павел Воля* и *Ольга Бузова* характеризуются с помощью семантических групп *Сфера деятельности, События из жизни, Профессиональные достижения* и *Внешность, черты характера, интеллекта, поведения*. Показано, что для обоих антропонимов характерны семы как с одобрительной, так и с неодобрительной оценкой, при этом разнообразие оценочных характеристик шире в психолингвистическом значении. Проведен сопоставительный анализ семантики антропонимов на базе сформулированного по результатам эксперимента психолингвистического значения и текстов СМИ, представленных в Национальном корпусе русского языка. Сделаны выводы о разной освоенности антропонимов языковым сознанием: антропоним *Павел Воля* лучше закреплен в молодежном языковом сознании

Ключевые слова: свободный ассоциативный эксперимент; направленный ассоциативный эксперимент; ассоциативное поле; психолингвистическое значение; семы; антропонимы

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Талицкая, Анна Александровна | E-mail: a.talitskaya@uniyar.ac.ru
Кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры
общей и прикладной филологии

Позднякова, Виктория Андреевна | E-mail: victoriya.pozdniackova@yandex.ru
Магистрант факультета филологии и коммуникации

Для цитирования: Талицкая А. А., Позднякова В. А. Психолингвистическое значение антропонимов лексико-семантической группы «Телеведущий» в молодежном языковом сознании // Социальные и гуманитарные знания. 2022. Том 8, № 2. С. 256-268.

Актуальным для языкознания на протяжении всей истории его развития является вопрос о семантике имен собственных. Условно можно выделить три точки зрения по данной проблеме: 1) имя собственное лишено лексического значения (Дж. Милль, О. С. Ахманова, Н. Д. Арутюнова); 2) имя собственное получает значение только в речи, при этом оно является неполноценным (А. В. Суперанская); 3) имя собственное обладает лексическим значением, но глубоко отличным от значения имен нарицательных (Л. В. Щерба, Е. Курилович).

По мнению лингвистов С. И. Влахова и С. П. Флорина, имена собственные (в первую очередь антропонимы) являются частью языковой картины мира и отражают национальный колорит [1, с. 238]. Исследователь Ю. Н. Караулов также обращает внимание на лингвокультурную специфику имени собственного. Он относит онимы к местам памяти – «крупным явлениям национальной истории и культуры, известным большинству носителей данного языка и культуры, хранящимся в памяти поколений» [2, с. 154]. В связи с этим изучение семантической наполненности имени собственного становится значимым для современной лингвистики.

Согласно точке зрения И. А. Стернина, доступ к богатой семантике имени собственного дает ассоциативный эксперимент.

Ассоциативный эксперимент является наиболее разработанным методом психолингвистического анализа семантики. Исследователями, как правило, используются свободный и направленный эксперименты. Свободный эксперимент предполагает отсутствие каких-либо ограничений на словесные реакции; при направленном эксперименте испытуемые должны дать реакции определенного семантического или грамматического класса. По результатам эксперимента лингвисты составляют психолингвистическое значение слова, понимаемое как «упорядоченное единство всех семантических компонентов, которые актуализирует изолированно взятое слово в сознании носителей языка, в единстве всех образующих его семантических признаков, более и менее ярких, ядерных и периферийных, которые реально связаны с данной звуковой оболочкой (лексемой)» [3, с. 6]. Такое значение в лингвистике принято называть также «психологически реальным».

Целью нашей работы является психолингвистическое описание значений антропонимов в молодежном языковом сознании. Под языковым сознанием мы понимаем «совокупность ментальных механизмов порождения, понимания речи и хранения языка в сознании» [4, с. 32].

В качестве материала исследования были выбраны антропонимы лексико-семантической группы «Телеведущий»: *Павел Воля* и *Ольга Бузова*.

Респондентам были предложены следующие задания:

1. Просим Вас принять участие в психолингвистическом эксперименте. Пожалуйста, прочитайте предлагаемый список слов и около каждого напишите первое слово, которое придет Вам в голову. Не раздумывайте долго. Если затрудняетесь ответить – поставьте прочерк. Нам интересно Ваше личное мнение. Все Ваши ответы будут правильными.

Павел Воля – _____

Ольга Бузова – _____

Просим указать свои данные: пол _____, возраст _____.

2. Просим Вас принять участие в психолингвистическом эксперименте. Подберите, пожалуйста, определения к предлагаемым словам (ответьте на вопрос *какой/какая?*) и запишите те, которые первыми приходят Вам в голову. Не раздумывайте.

вайте долго. Если затрудняетесь ответить – поставьте прочерк. Нам интересно Ваше личное мнение. Все Ваши ответы будут правильными.

Павел Воля – *какой?* _____

Ольга Бузова – *какая?* _____

Просим указать свои данные: пол _____, возраст _____.

В эксперименте принял участие 181 человек в возрасте от 17 до 25 лет: 90 полученных анкет приходится на свободный ассоциативный эксперимент, 91 анкета – на направленный.

По результатам психолингвистических экспериментов были составлены ассоциативные поля выбранных антропонимов и описаны их психолингвистические значения.

Ассоциативные поля антропонима

ПАВЕЛ ВОЛЯ

Павел Воля 90: комик 15; комеди клуб 14; Камеди 6; ТНТ, ведущий 4; Импровизация, костюм, юмор 2; Comedy club, актер, высокомерный, душа, забавный, известный, КВН, комедиант, комедия, красная сцена, крутой, любовь, Ляйсан, муж, мыслитель, популярный, прикольный, пример, скука, смех, смешной комик, смешной, Снежок, стендап, сцена, телевизор, темный зал, типо смешно, тощий, умный, хороший муж, худоба, шутки, юморист 1.

Всего 83 реакции, из них различных – 42, отказ – 7.

Павел Воля – какой? 91: смешной 21; худой 9; веселый, тощий 7; умный 3; остроумный 2; Камеди, вольный, гламурный подонок, да, дурак твой Павел, забавный, захватил ТНТ, он там везде уже; известный, любимый, любящий, любящий муж, молодящийся, наглый, надменный, настоящий, не бритый, не смешной, нормальный, подкаблучник, популярный, послушный. Слушается свою жену Ляйсан. Мы все знаем, что последнее слово должно быть за мужчиной, и это слово «слушаюсь»; свободный, семьянин, сойдёт, стендаповый, стильный, странный, с тупым юмором, талантливый, успешный, хороший муж, юморист, юморной 1.

Всего 82 реакции, из них различных – 39, отказ – 9.

Для описания психолингвистического значения антропонима *Павел Воля* ассоциативные реакции подверглись семантической интерпретации. Близкие по семантике ассоциации, репрезентирующие различные семантические компоненты стимулов, были объединены и сформулированы как семы.

Комик 0,35: смешной 22; комик 15; веселый 7; забавный, остроумный, юмор, юморист 2; КВН, комедиант, комедия, не смешной, прикольный, с тупым юмором, смех, смешной комик, типо смешно, шутки, юморной 1.

Резидент и ведущий юмористического шоу Comedy club 0,16: Камеди Клуб 14; Камеди 7; Comedy club, гламурный подонок, красная сцена, Снежок, стендап, стендаповый, сцена, темный зал 1.

Худой 0,1: худой 9; тощий 8; худоба 1.

Телеведущий 0,07: ведущий, ТНТ 4; Импровизация 2; захватил ТНТ, он там везде уже, телевизор 1.

Муж гимнастки Ляйсан Утяшевой 0,05: хороший муж 2; любящий муж, любящий, Ляйсан, муж, подкаблучник, послушный. Слушается свою жену Ляйсан. Мы все знаем, что последнее слово должно быть за мужчиной, и это слово «слушаюсь»; семьянин 1.

Умный 0,03: умный 4; мыслитель 1.

Стильный 0,02: костюм 2; стильный 1.

Популярный 0,02: известный, популярный 2.

Вызывает тёплые чувства 0,02: любовь, любимый, душа 1.

Высокомерный 0,01: высокомерный, надменный 1.

Психолингвистическое значение

Павел Воля 181

1. Комик, резидент и ведущий юмористического шоу Comedy club, телеведущий.

Комик 0,35; резидент и ведущий юмористического шоу Comedy club 0,16; телеведущий 0,07; муж гимнастки Ляйсан Утяшевой 0,05; худой 0,1; умный 0,03; стильный, популярный, вызывает тёплые чувства 0,02; высокомерный 0,01.

индивидуальные семы: актер, 'фамилия созвучна со словом «вольный»', дурак, крутой, молодящийся, наглый, настоящий, небритый, нормальный, пример, свободный, скука, сойдёт, странный, талантливый, успешный.

Одобрительное 0,13

Неодобрительное 0,04

Неинтерпретируемые реакции 1: да.

Не актуально 0,09

Индекс освоенности слова 0,91

Сравним полученное психолингвистическое значение с описанием данного антропонима, представленным в Национальном корпусе русского языка (газетный корпус) [5]. Контексты корпуса были распределены нами по семантическим группам.

Сфера деятельности: Шоумен; телеведущий (8); резидент Comedy Club (6); бывший игрок КВН; ведущий; известный артист и телеведущий (4); артист; из Comedy Club; комедиант; комик (3); «Гламурный подонок»; знаменитость; комедиант (2); «старичок» «Comedy Club»; актер; звезда; ведущий «Comedy Баттл»; ведущий в проекте «Убойная лига»; ведущий программы «Смех без правил»; ведущий и резидент Comedy Club; ведущий церемонии; ведущий церемонии MTV Russia Movie Awards; главная звезда «Новогодний Comedy Club» (ТНТ); известный шоумен; известный комик; известный российский актер и стендап-комик; играющий секретаршу Верочку; исполнитель главной роли и резидент Comedy Club; лицо рекламной кампании Газпромбанка; постоянный участник Comedy Club; потенциальный кандидат в Госдуму; резидент; резидент Comedy Club на ТНТ; российский шоумен; участник знаменитой тройцы из Comedy Club; участник проекта Comedy club; шоумен и резидент Comedy Club; юморист; входит в число кандидатов от Единой России; на выборы Госдумы; может стать кандидатом в депутаты; может быть выдвинут кандидатом в депутаты; публикует клипы; присоединился вместе с другими звездами к флэшмобу; входит в актерский состав; сказал в выступлении о ненужности феминизма в России; снимается в главной роли; ведущий премии; записал пародию на клипы; выступит на сцене в зоне ТНТ; в список зарегистрированных блогеров не попал; развлекал публику со сцены; играет графа Орлова; снялся в фильме; играет в фильме большого раком; играет в фильме «С новым годом, мамы!»; в Камеди Клуб жаловался; играет Вадика; шутил на сцене «Камеди Клуб»; играет метросексуала; заменил Лию Ахеджакову в римейке «Служебного романа»; исполнил роль метросексуала; снялся в своем клипе; примется импровизировать в Comedy Club; сыграл в рекламном ролике; сыграл Петра I; снимался в роликах «Хрустteam»; принял участие в съемках социаль-

ного ролика; занимается модным брендом Comedy Fashion; исполнил роль в фильме «Любовь в большом городе 2»; пародирует «Стиляг»; шутит; работал на радиодиджеем; играет топ-менеджера; подозревали в авторстве романов писателя Зотова; играет главного героя в фильме; ведущий «Смеха без правил» на ТНТ; приглашен на роль в фильм «Невеста любой ценой»; снялся в рекламе сухариков; снялся в фильме «САМЫЙ ЛУЧШИЙ ФИЛЬМ»; снялся в «Самом лучшем фильме»; пародирует фильмы; выступит на церемонии; с помощью гримеров и костюмеров превратился в девушку; занят в главной роли в картине «Самый лучший фильм»; ожидается в проекте «Звездный криминал»; ушел из «Комеди Клуб»; собирается покинуть «Камеди Клуб»; сообщил об уходе из Comedy Club; под стать комикам вроде Криса Рока, Саши Коэна или Джека Блэка; высмеял феминистку в выступлении; будет вести мероприятие; ведет программу; ведет церемонию; выступает в «Комеди клуб»; позиционирует себя как «гламурный подонок» номера строит на издевательстве» окончил университет по специальности «учитель русского языка и литературы».

События из жизни: стал отцом ребенка Ляйсан Утяшевой; принял участие в челлендже #bottlecapchallenge (2); молодой отец; муж Ляйсан Утяшевой; муж Утяшевой; ставший отцом; официально холост; разместил в инстаграме видео; опубликовал в Instagram снимок; показал свой вариант челленджа; ответил отправившим его на ПМЖ в Испанию; переезжает на ПМЖ в Испанию; стали родителями с Ляйсан Утяшевой; скрывал роман с Ляйсан Утяшевой; заключил брачный союз; женился на гимнастке Ляйсан Утяшевой; предпочитает велосипед; остепенился и женился на Ляйсан Утяшевой; стал мужем Ляйсан Утяшевой; встречался с телеведущей; живет с Ляйсан Утяшевой; появился на показе с супругой; родился 14 марта в Пензе; живет в центральном районе «Сокол»; прокомментировал острую реакцию на выступление; собирается посетить премьеру фильма; посетил премьеру фильма.

Профессиональные достижения: популярный (3); наиболее популярный юморист среди молодежи (2); модный шутник для молодежи; награжден в составе «Пары года» вместе с женой Ляйсан Утяшевой; завоевал всенародную любовь безбашенным юмором на грани фола.

Внешность, черты характера, интеллекта, поведения: округлился и перестал быть похожим на анорексичного подростка; весельчак; легкий и подтянут; показал лысую голову.

В полученных нами значениях антропоним *Павел Воля* характеризуется несколькими денотативными семами семантической группы *Сфера деятельности*: 'комик', 'резидент и ведущий Comedy Club', 'телеведущий', 'актер'. Однако стоит отметить, что наибольшим индексом яркости в текстах СМИ обладает сема 'телеведущий'. Она встречается в большем количестве контекстов и дополняется рядом конкретизирующих данный параметр сем: 'Убойная лига' ('ведущий в проекте «Убойная лига»), 'Смех без правил' ('ведущий программы «Смех без правил»), 'церемония MTV' ('ведущий церемонии MTV Russia Movie Awards'), а также семой 'шоумен' ('тот, кто ведет эстрадно-развлекательное представление» [6]). Для экспериментального значения актуальной становится сема 'комик', которая имеет наивысший индекс яркости.

Широкое распространение в текстах СМИ получает репрезентация антропонима через денотативную сему 'актер': 'играющий секретаршу Верочку», 'играет в фильме большого раком», 'играет в фильме «С новым годом, мамы!», 'занят в главной роли в картине «Самый лучший фильм» и т. д. В психолингвистическом значении данная сема также встречается, но является индивидуальной. Это дает нам право предполо-

жить, что репрезентация антропонима через сему 'актер' в языковом сознании не является значимой.

Примечательно, что в контекстах Газетного корпуса семантическая группа *Сфера деятельности* значительно расширяется благодаря включению новых сем: 'певец' («снялся в своем клипе»), 'дизайнер' («занимается модным брендом Comedy Fashion»), 'писатель' («подозревали в авторстве романов писателя Зотова»), 'диджей на радио' («работал на радио ди-джем»), 'политик' («потенциальный кандидат в Госдуму»), 'учитель' («окончил университет по специальности «учитель русского языка и литературы»).

Выделенная нами семантическая группа *События из жизни* пересекается с психолингвистическим значением в семе 'муж гимнастки Ляйсан Утяшевой'. В текстах СМИ данная группа представлена значительно шире, однако наиболее значимой остается уже названная сема.

Экспериментальное значение определяется большим набором сем-определений, связанных с внешностью ('худой', 'стильный', 'молодящийся', 'небритый'), чертами характера, интеллекта и поведения ('умный', 'дурак', 'наглый', 'настоящий', 'свободный', 'высокомерный', 'талантливый', 'странный'), профессиональными достижениями ('популярный, успешный'). Для текстов СМИ данные параметры также являются актуальными, что следует из наличия семантических групп *Профессиональные достижения* и *Внешность, черты характера, интеллекта, поведения*. Заметим, однако, что данные характеристики в психолингвистическом и коммуникативном значениях вступают в антонимические отношения: 'худой' – «округлился и перестал быть похожим на анорексичного подростка»; 'небритый' – «показал лысую голову».

В психолингвистическом значении появляется также метаязыковая сема, характеризующая языковые свойства стимула: 'фамилия созвучна со словом «вольный»'.

В целом можно отметить, что набор сем-определений в экспериментальном значении отличается большим разнообразием.

Ярко представлен коннотативный компонент психолингвистического значения, содержащий информацию об оценочной и эмоциональной составляющей содержания антропонима. Преобладают семы с одобрительной оценкой: 'умный', 'стильный', 'талантливый', 'пример', 'успешный', 'настоящий', а также позитивно-эмоциональные семы 'душа', 'любимый', 'любовь', объединенные нами в общую сему 'вызывает теплые чувства'. Неодобрительная оценка отражена семами 'дурак', 'наглый', 'высокомерный', 'скука', 'странный'. Несмотря на наличие отрицательно-оценочного компонента, индекс яркости положительно-оценочных реакций значительно выше. Таким образом, языковым сознанием молодежи антропоним воспринимается позитивно.

В контекстах Газетного корпуса при описании антропонима *Павел Воля* используется только одобрительная оценка.

Ассоциативные поля антропонима

ОЛЬГА БУЗОВА

Ольга Бузова 90: Дом-2 13, певица 10, ведущая, песни 5, мало половин 3, странная 2, бесит, бизнесвумен, блондинка, бред, бузуин, ведущая дома 2, глупость, Дава, из дома 2, инстаграм, истеричка, кайфуйте, каре, концерт, королева!, кринж, кринжовая, макияж, много работает, многопрофильная, мои люди всегда со мной, музыка, независимая женщина, открывает мир мужчин, очень трудолюбивая женщина, пение, плакса, поет, позор в квадрате, психушка, робот, самодостаточность, слезы, смешная,

сторис, странность, Тарасов, телеведущая, тупизм, тупость, уважение, ужас, уродливая, фу, хейт 1.

Всего 83 реакции, из них различных – 51; отказ – 7.

Ольга Бузова – какая? 91: глупая 12; тупая 8; странная 6; популярная 5; забавная, успешная 3; арбузная, безголосая, бузит, вредная, глухая, добрая, звезда, известная, классная, красивая, кринге, кринжовая, курица, лучше бы не знал, многофункциональная, надоедливая, наивная, наигранная, не нужная в спортивных новостях, не умеет петь, неадекватная, независимая, некрасивая, ненормальная, обидчивая, открывающая мир других мужчин, певица, плохая певица, позорище, прикольная, притворяющаяся, противная, пустышка, сильная, синяя, смешная, стройная, сумасшедшая, талантливая, трудолюбивая, ужасная, уродливая, эмоциональная, это про дааа 1.

Всего 81 реакция, из них различных – 50; отказ – 10.

Певица 0,16: певица 11, песни 5, мало половин 3, концерт, музыка, открывает мир мужчин, пение, поет, безголосая, не умеет петь, открывающая мир других мужчин, плохая певица, арбузная 1.

Глупая 0,13: глупая 12; тупая 8; глупость, тупизм, тупость 1.

Ведущая реалити-шоу «Дом-2» 0,12: Дом-2 13, ведущая 5, ведущая дома 2, из дома 2, телеведущая 1.

Вызывает неодобрение 0,08: кринге, кринжовая, курица, лучше бы не знал, позорище, ужасная, фу, ужас, кринж, кринжовая, бред, бесит, пустышка, позор в квадрате, психушка 1.

Странная 0,07: странная 8; неадекватная, ненормальная, странность, сумасшедшая 1.

Успешная 0,03: успешная 3; независимая, независимая женщина, самодостаточность 1.

Забавная 0,03: забавная 3, смешная 2, прикольная 1.

Популярная 0,03: популярная 5; известная 1.

Эмоциональная 0,03: обидчивая, эмоциональная, плакса, слезы, истеричка 1.

Вызывает одобрение 0,02: королева!, уважение, звезда 1.

Непривлекательная 0,02: уродливая 2, некрасивая 1.

Трудолюбивая 0,02: много работает, очень трудолюбивая женщина, трудолюбивая 1.

Бизнесумен 0, 01: бизнесумен, бузкоин 1.

Блогер 0,01: инстаграм, сторис 1.

Наигранная 0,01: наигранная, притворяющаяся 1.

Разносторонняя 0,01: многофункциональная, многопрофильная 1.

Психолингвистическое значение

Ольга Бузова 181

1. Певица, ведущая реалити-шоу «Дом-2».

Певица 0,16; ведущая реалити-шоу «Дом-2» 0,12; блогер 0,01; бизнесумен 0,01; глупая 0,13; вызывает неодобрение 0,08; странная 0,07; успешная, забавная, популярная, эмоциональная 0,03; вызывает одобрение, непривлекательная, трудолюбивая 0,02; наигранная, разносторонняя 0,01.

индивидуальные семы: добрая; фамилия образована от слова «бузить», вредная, классная, надоедливая, наивная, ненужная в спортивных новостях, противная, сильная, стройная, талантливая, блондинка, находилась в отношениях с блогером Давой,

известна фраза «кайфуйте», каре, красивая, макияж, известна фраза «мои люди всегда со мной», робот, находилась в отношениях с футболистом Тарасовым, хейт.

ложные индивидуальные семы: глухая.

Одобрительное 0,12

Неодобрительное 0,33

Неинтерпретируемые реакции 2: *это про дааа, синяя.*

Не актуально 0,09

Индекс освоенности слова 0,91

Сравним полученное психолингвистическое значение с описанием данного антропонима, представленным в Национальном корпусе русского языка (газетный корпус) [5].

Сфера деятельности: певица и телеведущая (51); телеведущая (41); певица (24); ведущая телепроекта «Дом-2» (12); российская телеведущая и певица (7); ведущая и бывшая участница «Дома 2» (6); кандидат на участие в «Евровидении-2019»; ведущая, певица и бывшая участница реалити-шоу «Дом-2»; телезвезда и певица; участница реалити-шоу «Дом-2» (4); звезда реалити-шоу «Дом-2»; российская певица (5); не исключила возможности стать тренером сборной по футболу; выйдет на сцену, главная героиня нового проекта ТНТ; жительница «Дома-2»; поп-певица; объявила о создании криптовалюты; российская певица и телезвезда; российская поп-певица; российская поп-певица и телеведущая; российская телеведущая; появилась в клипе в роли кассирши; представила трек с Давидом Манукяном (2); известная певица; известная телеведущая; ведущая премии «Муз-ТВ»; ведущая ток-шоу «Бабий бунт»; героиня Youtube-шоу; герой «ДОМа-2»; гость GazLive; из «Дома-2»; звезда; звезда российского ТВ и эстрады; исполнитель, которого запрещено включать на дискотеках; исполнительница; культурный оракул; модель; певица и ведущая телепроекта «Дом-2»; певица и блогер; певица и ведущая телешоу «Дом-2»; певица и звезда реалити-шоу; певица и телезвезда; плохая певица; поп-дива; гость Музыкальной Премии; представитель музыкальной индустрии; популярная российская певица; популярный исполнитель; популярный российский блогер; представитель телеиндустрии и шоу-бизнеса, российская звезда, российская исполнительница, российская певица и телеведущая, российская певица; телеведущая и блогер; российская поп-дива; соведущая ток-шоу на Первом канале; соведущая шоу на ТНТ; телеведущая, певица и бизнесвумен, экс-участница «Дома-2»; ведущая; сообщила о разочаровании в связи с закрытием проекта «Дом-2»; отреагировала на новости о закрытии телепроекта; выступает в «Ледниковом периоде»; вышла на лед в «Ледниковом периоде»; выступила в Comedy Club; попала в список нежелательных артистов на новогодних передачах; анонсировала участие в телешоу; будет вести шоу на «России 1»; в Instagram обратилась к подписчикам; ведет «Роман с Бузовой»; вела «Бабий бунт»; выпустила клип на песню «Wi-Fi»; выразила желание поехать на Евровидение-2020; выступила; выступила на концерте; выступила перед гостями; выступит на сцене; неважно, где проходят концерты; заменила на главной роли; записала песню; записала трек «Не забывай»; запишет саундтрек; зачитала рэп; издала серию книг; вела программу на ТНТ; изображала тупую блондинку; исполнит одну из ролей и запишет саундтрек; использует Instagram как основной канал связи с поклонниками; может запустить свою социальную сеть; задействована в создании программы на Первом; может представить Россию на «Евровидении»; может стать российским представителем на Евровидение; намерена выдвинуть свою кандидатуру на пост президента; напишет са-

ундтрек для фильма; начала музыкальную карьеру; начинала карьеру как участница шоу; не будет выступать в театре; опубликовала видеозапись с концерта; отменила концерт; перевоплотилась в Джокера; подарила участнице розыгрыша в Instagram машину; приглашена на «Евровидение»; получила работу на Первом канале; приняла участие в YouTube-шоу; приняла участие в дефиле; приняла участие в съемках; приняла участие в шоу; появилась на премии; представила клип на песню; представила криптовалюту; представляет книгу «Роман с Ольгой Бузовой»; презентовала фильм о себе; презентовала свою книгу «Дело в шпильке»; призвала отнестись к проекту серьезно; прославилась участием в «Дом-2»; развивает сеть магазинов под своими брендами; рассказала о возвращении Собчак в «Дом-2»; рассказала о съемках «Замуж за Бузову»; рост карьеры начался после съемок «Дом-2»; снимается в телекомедии; снимается в фильме; снялась для Playboy; сообщила о концерте; сообщила о планах выступить на Евровидении; спела; споет на «Евровидении»; станет героиней женской версией телешоу «Холостяк»; сыграет в спектакле; сыграла продавщицу в клипе; французский кутюрье создаст костюмы для ее нового шоу.

События из жизни: вызвала недовольство пользователей (4); бывшая жена Дмитрия Тарасова; внесена в базу данных сайта «Миротворец» (3); жена Дмитрия Тарасова (2); находившаяся в браке с Дмитрием Тарасовым; возлюбленная Давида Манукяна; накопления потратила на квартиру; рассказала о желании купить дачу; подтвердила информацию о травме; появилась вместе с Давой; была замужем за Дмитрием Тарасовым; получила травму; встречалась с уголовником; высказалась о скандале; высказалась о новой квартире; готова приехать на переговоры с захватчиком банка; живет в съемной квартире; задолжала за жилищно-коммунальные услуги; закрыла страницу в инстаграме после критики; замечена в обществе возлюбленного; засыпает Романа Третьякова комплиментами и подарками; захотела вернуть купленные вещи; извинилась за шутку; квартиру завалили цветами; лишилась ста тысяч рублей; нарушила административный кодекс; находится на грани разрыва; не торопится помогать отцу; ограничила доступ к своему аккаунту в Instagram; опровергла информацию о романе с резидентом Comedy Club; опровергла сообщения о помолвке Давидом Манукяном; отдыхает на Бали; отметилась сомнительной шуткой; отреагировала на критику музыки; отреагировала на негативную реакцию; развелась с Дмитрием Тарасовым; подарила квартиру; подверглась критике; поддержала закон о домашнем насилии; поддержала комика; поддержала супруга; поделилась фотографиями отпуска; поехала отдохнуть; пожаловалась на травлю, попала в аварию, попала в объективы в компании мужчины, посетила свадьбу друзей; поскользнулась и упала во время концерта; поскользнулась на сцене; поссорилась с сестрой; приобрела квартиру; продолжает вспоминать мужа; поддерживать «Авангард»; проиграла судебный спор из-за просроченных платежей; разгневала пользователей; вызвала насмешки; рассказала о замужестве; рассказала о возможности отсудить у мужа имущество; рассказала о падении на сцене; рассказала о последствиях развода; рассказала о причинах поддержки «Авангарда»; рассказала об отношениях с Батрутдиновым; рассказала о переживаниях из-за развода; рассказала о чувствах к бывшему мужу; рассказала, чем она занималась в день свадьбы экс-супруга; кое-кто появился в личной жизни; рассталась с победителем проекта «Замуж за Бузову»; решила обзавестись недвижимостью; решила провести праздники вместе с Давидом Манукяном; родилась в Ленинграде; согласилась выйти за Давида Манукяна; стала жертвой воров; стала жертвой хакеров; подверглась избиению; купила квартиру; утащили сумку.

Профессиональные достижения: зарабатывает 30 тысяч долларов (4); самая обсуждаемая среди музыкантов в ОК (2); богатейшая знаменитость; второй популярнейший человек; известная; известнейшая телеведущая; крутой предприниматель; обогнавшая всех по популярности; первая артистка из РФ, с кем поработает знаменитый модельер; самая популярная персона в Instagram в России; самая популярная среди пользователей поисковика; самая рейтинговая персона реалити-шоу; самая упоминаемая в категории музыкант; самый амбициозный новичок, взорвавший топ-чарты; самый дорогой блогер в российском Instagram; самый обсуждаемый в ОК музыкант; самый популярный блогер в России; широко обсуждаемая в соцсетях; товарный знак; попала в список самых богатых Instagram-блогеров; вошла в Книгу рекордов России; боролась за награду в категории «Лучший старт»; включена в рейтинг успешности Forbes; вошла в рейтинг самых высокооплачиваемых российских знаменитостей; вошла в топ российских звезд и представителей шоу-бизнеса, которых чаще всего упоминали в СМИ; вошла в топ самых богатых российских звезд, вошла в топ самых успешных российских звезд; доход оценивается в 0, 86 миллиона долларов; за рекламный пост зарабатывает до миллиона рублей; попала в рейтинг блогеров, больше всех зарабатывающих в российском сегменте Instagram; привлекла слушателей треком «Давай останемся дома»; обогнала Ким Кардашьян по просмотрам в Instagram; пользуется большей популярностью в сети, чем на сцене; попала в пятерку самых популярных персон в российском Instagram; попала в рейтинг блогеров; больше всех зарабатывающих в российском сегменте Instagram; трек занял третье место в музыкальном чарте iTunes.

Внешность, черты характера, интеллекта, поведения: высокоинтеллектуальная блондинка; белокурая красавица; красавица; похвасталась прекрасной физической формой; очень плакала; прямо на сцене ударилась в слезы; теряет голос, если тревожится и нервничает; пропускает приемы пищи из-за плотного рабочего графика.

Сопоставление показывает, что репрезентация антропонима *Ольга Бузова* в текстах СМИ и в молодежном языковом сознании связана со следующими денотативными семами семантической группы *Сфера деятельности*: 'певица', 'ведущая', 'блогер', 'бизнесвумен'. Наибольшим индексом яркости в психолингвистическом значении обладает сема 'певица'. В анализируемых контекстах репрезентация антропонима чаще связана с семами 'певица' и 'телеведущая'. При этом сема 'певица' конкретизируется определением музыкального жанра: 'поп' («поп-певица», «поп-дива») и 'рэп' («зачитала рэп»). В свою очередь сема 'телеведущая' в контекстах дополняется названиями различных телепроектов: «Роман с Бузовой», «Бабий бунт» и пр. В языковом сознании стимул связывается только с реалити-шоу «Дом-2», что позволяет нам объединить ассоциации типа *Дом-2, ведущая, телеведущая* в общую сему 'ведущая реалити-шоу «Дом-2»'.

Представление антропонима с помощью сем 'блогер' и 'бизнесвумен' также получает более широкое распространение в текстах Газетного корпуса: «певица и блогер», «популярный российский блогер», «самый дорогой блогер в российском Instagram»; «певица и бизнесвумен», «крутой предприниматель» и пр. В полученном нами значении семы не имеют высокого индекса яркости, таким образом, репрезентация антропонима через данные семы в языковом сознании не является значимой.

Отметим также, что в текстах СМИ семантическая группа *Сфера деятельности* расширяется за счет включения сем 'актриса' («сыграет в спектакле», «снимается в телекомедии»; «снимается в фильме»), 'модель' («модель, певица и ведущая теле-

проекта «Дом-2», «приняла участие в дефиле»), «писательница» («презентовала книгу «Дело в шпильке», «представляет книгу «Роман с Ольгой Бузовой»), «футбольный тренер» («не исключила возможности стать тренером сборной по футболу») и «политик» («намерена выдвинуть с кандидатуру на пост президента»).

Семантическая группа *События из жизни* пересекается с психолингвистическим значением в индивидуальных семах «находилась в отношениях с блогером Давой» и «находилась в отношениях с футболистом Тарасовым», однако в текстах СМИ группа представлена значительно шире. Можно говорить также о пересечении в семе «хейт», которая отражает негативное восприятие носителя антропонима публикой. Проявление ненависти к творчеству и деятельности Ольги Бузовой часто становится поводом для новостей в СМИ: например, контексты «пожаловалась на травлю», «отреагировала на негативную реакцию», «разгневала пользователей», «вызвала насмешки».

Отмечается сходство коммуникативного и психолингвистического значений по параметрам *Профессиональные достижения* и *Внешность, черты характера, интеллекта, поведения*: «популярная» – «второй популярнейший человек», «самая популярная персона в Instagram в России» и пр.; «успешная» – «включена в рейтинг успешности Forbes», «вошла в топ самых успешных российских звезд»; «блондинка» – «высокоинтеллектуальная блондинка», «белокурая красавица»; «стройная» – «похвасталась прекрасной физической формой»; «эмоциональная» – «очень плакала», «прямо на сцене ударилась в слезы»; «трудолюбивая» – «пропускает приемы пищи из-за плотного рабочего графика»; «красивая» – «белокурая красавица», «красавица». Примечательно, что данные характеристики в текстах СМИ и экспериментальном значении вступают в антонимические отношения: «непривлекательная» – «красавица»; «глупая» – «высокоинтеллектуальная блондинка».

Несмотря на наличие широкого набора сем-определений в Газетном корпусе, психолингвистическое значение характеризуется большим разнообразием сем-определений, связанных с чертами характера, интеллекта и поведения: «странная», «забавная», «наигранная», «разносторонняя», «добрая», «вредная», «надоедливая», «наивная», «противная». При этом для текстов СМИ значимой становится сема «российская»: «популярная российская певица», «популярный российский блогер», «российская звезда, российская исполнительница», «российская певица и телеведущая», «российская поп-дива».

Отметим также, что в полученном нами значении появляются семы, репрезентирующие индивидуальные признаки и отражающие специфические фоновые знания, стоящие за семантикой имени: известные фразы, выражения «известна фраза «кай-фуйте», «известна фраза «мои люди всегда со мной»». Появляется также метаязыковая сема, представляющая языковые характеристики стимула: «фамилия образована от слова «бузить»».

Коннотативный компонент представлен ярко как в психолингвистическом, так и в коммуникативном значении. Примечательно, что в текстах СМИ появляется не только положительная оценка («крутой предприниматель», «красавица»), но и отрицательная («плохая певица»), при этом положительно-оценочный компонент имеет более высокий индекс яркости. В психолингвистическом значении одобрительная оценка представлена семами «добрая», «забавная», «трудолюбивая», «успешная», «популярная», «разносторонняя», «классная», «сильная», «талантливая», «стройная», «красивая», а также семами «королева», «уважение», «звезда», которые мы объединили под общим значением «вызывает одобрение». Отрицательно-оценочный компонент отражен се-

мами 'глупая', 'странная', 'непривлекательная', 'наигранная', 'вредная', 'надоедливая', 'противная', 'ненужная (в спортивных новостях)', 'робот', а также негативно-эмоциональными семами 'кринге', 'кринжовая', 'фу', 'ужас', 'кринж', 'позор в квадрате' и пр., объединенными в общую сему 'вызывает неодобрение'. Отрицательно-оценочный компонент превалирует в психолингвистическом значении, что подчеркивает негативное восприятие стимула языковым сознанием молодежи.

Таким образом, результаты исследования показывают, что в психолингвистическом значении и в текстах СМИ антропонимы *Павел Воля* и *Ольга Бузова* характеризуются с помощью семантических групп *Сфера деятельности*, *События из жизни*, *Профессиональные достижения* и *Внешность, черты характера, интеллект, поведения*.

Примечательно, что описание антропонимов по первым трем параметрам шире представлено в контекстах Газетного корпуса. Последняя семантическая группа более детально раскрыта в экспериментальном значении, которое определяется разнообразием сем-определений.

Наличие ярко выраженного коннотативного компонента также свойственно в большей степени психолингвистическому значению. Положительно-оценочные реакции, данные на стимул *Павел Воля*, чаще связаны с такими параметрами, как внешний вид ('стильный') и интеллект ('умный'). Негативно-отрицательные реакции характеризуют черты характера ('высокомерный').

При описании антропонима *Ольга Бузова* превалирует отрицательная оценка, которая связана с характеристикой интеллекта ('глупая') и поведения ('странная', 'наигранная'). Положительная оценка свойственна в большей степени отражению профессиональных достижений ('успешная', 'популярная').

Стоит отметить, что исследуемые антропонимы освоены молодежным языковым сознанием по-разному. Степень освоенности характеризуется нами по следующим параметрам: общее количество реакций, количество различных и ошибочных реакций. Антропонимы *Павел Воля* и *Ольга Бузова* обладают высоким уровнем освоенности – 91 %. Однако процент различных реакций (45 %), данных на стимул *Павел Воля*, не превышает 50 %. Для антропонима *Ольга Бузова* процент различных реакций составляет 56 %. Кроме того, на стимул дается ложная реакция: *глупая 1*. Таким образом, результаты эксперимента свидетельствуют о лучшей сформированности в русском языковом сознании антропонима *Павел Воля*.

В значениях обоих антропонимов появляются также единичные реакции, которые не поддаются интерпретации, поскольку связаны с личным опытом испытуемых.

В целом отметим, что результаты психолингвистического эксперимента показали наличие у антропонимов богатой семантики.

Ссылки

1. Влахов С. И., Флорин С. П. Непереводимое в переводе. М.: Р. Валент, 2012. 406 с.
2. Караулов Ю. Н. Активная грамматика и ассоциативно-вербальная сеть. М: Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН, 1999. 180 с.
3. Стернин И. А. Психолингвистическое значение слова // Русистика. 2011. № 49. С. 5–12.
4. Попова З. Д., Стернин И. А. Семантико-когнитивный анализ языка. Воронеж: Истоки, 2007. 250 с.
5. Национальный корпус русского языка: сайт. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 20.05.2022).
6. Большой толковый словарь русского языка / Ред. С. А. Кузнецов. URL: <http://gramota.ru/slovari/info/bts/> (дата обращения: 20.05.2022).